МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ САДРИДДИНА АЙНИ

На правах рукописи

УДК: 809.155.0+808.2 (81.2 Тадж.+81.2 Рус.)

НИГОРАИ САФАРАЛИ

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ «ЛЮБОВЬ» И «ВЕРНОСТЬ» В ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени доктора философии (PhD), доктора по специальности (6D021300) – Языкознание (6D021310 – Типологическая и контрастивная лингвистика)

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Нозимов Абдулхамид Абдуалимович

Душанбе – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ…….....3
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.....8
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ.....15
1.1. Семантическое поле языковых единиц как когнитивная структура**…....**15
1.2. Языковая картина мира и роль семантического поля языковых единиц……..……..…27
1.3. Методы осмысления семантического поля языковых единиц ……..42
Выводы по первой главе…….....49
ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ «ЛЮБОВЬ» И «ВЕРНОСТЬ» В ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ…….....52
2.1. Отражение семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в лексикографических источниках сопоставляемых языков.....52
2.2. Понятие «семантическое поле языковых единиц» и его мыслительно-абстрактное значение в таджикском и русском языках.....66
2.3. Язык как объективная система мнений в двух языковых сферах (в таджикском и в русском языках) ……..…88
Выводы по второй главе…….....….....100
ГЛАВА 3. СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ «ЛЮБОВЬ» И «ВЕРНОСТЬ» В ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....102
3.1. Нациоанально-культурная специфика семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в русском языке.....102
3.2. Словообразовательная репрезентация семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском языке…….....123
3.3 Структурно-содержательная характеристика семантического поля языковой единицы «любовь» в газелях таджикско-персидского языка.....144
Выводы по третьей главе…….....171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ……..……..…….173
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ…….....……...…179
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ……..…….…….....181
ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ……197-199

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время проявляется большой интерес к изучению социальных и языковых аспектов таджикского и русского языков, в том числе большое внимание уделяется лингвистическим исследованиям в этом направлении. На современном этапе развития лингвистической науки антропоцентризм, который предполагает исследование взаимосвязи человека и языка, а именно изучение человека через призму языка и языка через призму человека. Данный подход основывается на утверждении И.А. Бодуэна де Куртенэ о том, что «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или личностей, составляющих данное лингвистическое общество» [84, с. 8].

Таким образом, язык рассматривается как феномен, имманентно связанный с когнитивными и психическими процессами человека, что подчеркивает его антропологическую природу и социальную реальность.

Интерес к изучению концептуальных языковых явлений, выявлению и систематизации средств языковой репрезентации семантического поля языковых единиц по сей день остается актуальным. Это понятие служит основой для выделения набора языковых средств, служащих для его вербального выражения. Кроме того, анализ эмоциональных проявлений, отраженных и зафиксированных в языковом знаке, является одним из важнейших источников культурной информации о «повседневном сознании» носителей любого естественного языка и их картине мира. Путем сравнительного анализа коллективного и индивидуального восприятия каждого фрагмента реальности мы имеем возможность дополнить содержание идеи семантического поля языковых единиц в человеческом контексте.

Одновременно высокую степень перспективности демонстрируют исследования в современной лингвистике, которые указывают на рассмотрение различного рода закономерностей в строении современного языкознания и сознания человека.

В настоящее время перед учеными, занимающимися исследованиями в области таджикского и русского языкознания, стоит актуальная задача разработки и дальнейшего совершенствования закономерностей, связанных с эволюцией семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в рамках двух языковых систем. В этом контексте следует подчеркнуть, что настоящее исследование представляет собой одну из первых попыток в таджикской и русской лингвистике, направленных на анализ и решение указанных проблем, что определяет его научную новизну и значимость для дальнейшего изучения данной тематики.

Актуальность темы исследования объясняется тем, что изучение семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в сравнительно-типологическом аспекте является одним из насущных вопросов современных лингвистических исследований, что обусловлено несколькими факторами:

Во-первых, семантическое поле языковых единиц является одним из ключевых элементов языковой картины мира, отражая ценностные ориентации, культурные традиции и ментальные установки коренного народа. Их анализ позволяет выявить универсальные и уникальные черты, характерные для конкретных лингвокультур.

Во-вторых, сопоставительное изучение семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках имеет особое значение в сфере межкультурного взаимодействия и диалога. Таджикский и русский языки, принадлежащие к индоевропейской семье языков (иранской и славянской, соответственно), имеют богатое культурно-историческое наследие, что делает их сравнение плодотворным для выявления общих и специфических черт в репрезентации данного семантического поля.

В-третьих, недостаточная изученность семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском языке, а также ограниченное количество исследований, посвященных их сравнению с русским языком,

свидетельствуют о необходимости более глубокого и системного анализа. Это не только расширит теоретическую базу лингвистических исследований, но и будет способствовать развитию типологического и сопоставительного языкознания.

Кроме того, актуальность темы обусловлена также ее междисциплинарным характером, поскольку изучение семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» затрагивает вопросы лингвистики, лингвокультурологии, семасиологии и фразеологии. Это открывает новые перспективы для понимания механизмов взаимодействия языка, мышления и культуры.

Таким образом, данное исследование направлено на восполнение пробелов в изучении семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках, делая его актуальным с теоретической и практической точек зрения. Результаты работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях по типологии языков, межкультурной коммуникации, а также в преподавании лингвистических дисциплин.

Степень изученности научной темы. Большой вклад в исследование семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» внесли такие русские ученые, как И.П. Иванова и Т.В. Соловьёва. Лингвистический анализ семантики и особенностей данных лексем был проведен в работах Р.М. Фрумкина, С.Ю. Перфильева, С.А. Колосова, Е.В. Иванова и М.В. Рябова. Исследования перечисленных лингвистов были посвящены изучению различных языковых систем, включая русский, казахский, узбекский и английский языки. Работа Т.Ф. Вахитовой особо значима в исследовании лингвокультурологического подхода к изучению данной темы. В контексте современного русского языка важное значение имеют исследования А. Вежбицкой, которая рассматривает семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» как ментальные феномены, функционирующие в

синхроническом аспекте как единое образование. Данный подход был в дальнейшем развит и научно обоснован в исследованиях Е. Ю. Мягкова.

Семантическое поле языковой единицы «верность» описано и рассмотрено в трудах многих русских ученых. В своей работе «Язык и мир человека» Н. Арутюнова подробно исследовала его как более широкую систему ценностей, свойственных русской культуре, в исследованиях Г.Г. Слышкина, работы которого были направлены на выявление культурных коннотаций семантического поля языковой единицы «верность», и в работах С.А. Аскольдова также была затронута тема семантического поля языковых единиц, в том числе верности как элемента языкового сознания. Д.Н. Ушаков в своём «Толковом словаре русского языка» рассматривает любовь как включающую привязанность, а также любовь к родине, людям, искусству и работе.

Различные вопросы исследования семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках в сравнительно-типологическом аспекте не рассматривались и не исследовались другими учеными, с точки зрения сравнительно типологического аспекта. Безусловно, необходимо отметить, что семантическое поле языковых единиц в качестве концепта слова «любовь/love» рассматривалось в работе Д.М. Азиззода «Концепт «любовь/love» в языковой картине мира (на материале таджикского и английского языков)» [4]. Но, несмотря на это, этот вопрос до настоящего времени не был исследован в таджикском и русском языкознании в полной мере. Всем известно, что существуют большие различия в грамматике русского и английского языков, и это ещё раз подтверждает, что рассмотрение семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в грамматике таджикского и русского языков необходимо рассмотреть с научной точки зрения. Сравнительно-типологический и лингвокультурологический анализ отдельные единицы в паремиологического фонда разных языков неоднократно исследовались и были в центре внимания

таджикских и российских ученых, таких как Д.М. Искандарова, М.Б. Нагзибекова, Х. Шанбезода М.Б. Давлатмирова, Р.И. Хашимов, Х.Х. Эгамназаров, Н.И. Каримова, З.А. Гулова, М.М. Имомзода. Н.Б. Рахмонова, Ш.К. Фазилова, Н.К. Бойматова, А.Т. Вражбов, А.В. Павлова, Ю.Н. Караулов, Р.Н. Васильев, Н.П. Лисперов, П.Д. Каримов, М.М. Соколов, Р.Т. Сахаров, И.П. Самиров, П.Ю. Писарев, В.А. Тапарев, В.А. Маслова, Т.В. Гоннова, А.Я. Гуревич, Р. Петров, Р. Миров, П.Н. Расилин и др.

Изучению семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в сопоставлении с таджикским и русским языками был посвящен ряд исследовательских работ.

Необходимо также отметить, что в данном направлении также были защищены следующие диссертационные работы: М. Дж. Мамедова «Концепт «ум» в таджикской и русской языковых картинах мира» [85]; М.А. Махмудзода «Сопоставление концепта «сердце» в таджикском и английском языках (на основе фразеологических единиц)» [88], Д.М. Азиззода «Концепт «любовь/love» в языковой картине мира (на материале таджикского и английского языков)» [4]; Н. Б. Рахмонова «Отражение концепта «Свадьба» в таджикском и памирском языках» [101]; Ш.К. Фазылова «Концепт «богатство» в русской, таджикской и английской линвокультурах» [119]; М.К. Давлатова «Отражение концепта «жизнь/life» в лексико-фразеологической системе таджикского и английского языков [50]; Н.К. Бойматова «Семантическое поле концепта «красота» в таджикской и английской лингвокультурах» [27], А.А. Ахмедова «Сопоставительный анализ концептов «саломатӣ/health» и «беморӣ/disease» («здоровье» - «болезнь») в таджикском и английском языках (в лингвокультурологическом аспекте)» [8] и другие, непосредственно связаны с темой «семантическое поле языковых единиц». Интерес молодых ученых к данной теме велик, что способствует многим открытиям молодых ученых. Некоторые вопросы таджикской концептуальной картины мира рассматриваются в сопоставительно-типологическом и семантическом аспектах в исследованиях

У.А. Гадайбаевой [42], Х.Х. Мирзоева [87], М.М. Косвои [74], Х.Х. Эгамназарова [133] и др.

Связь исследования с программами (проектами) и научными темами. Диссертация выполнена в рамках научно-исследовательского направления кафедры языкознания и сравнительной типологии Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни на тему «Актуальные проблемы языкознания и перевода в период 2021-2025 гг.», «Сравнительное изучение языков в современном мире».

Также данное диссертационное исследование связано с «Государственной программой совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года», утвержденной Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 августа 2019 года № 438, Законом Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» (05.10.2009, № 553), «Программой развития государственного языка на 2020-2030 годы» (от 28.11.2020, № 647), «Программой развития государственного языка Республики Таджикистан на 2012-2016 годы» (от 30.06.2012, № 335). Тема исследования непосредственно связана с приоритетными направлениями развития языкового образования, сравнительной лингвистики и переводоведения.

Результаты исследования могут быть использованы в процессе обучения и преподавания в высших профессиональных учебных заведениях при разработке и совершенствовании учебных программ по лингвистике и переводоведению.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью исследования является рассмотрение систем языковых средств, которые репрезентируют семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» в сопоставлении таджикском и русском языках.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи:**

– выявить состав и структуру семантического поля «любовь» и «верность», установить ядерные и периферийные компоненты;

– рассмотреть семантические поля языковых единиц, выявить их когнитивные и лингвокультурные особенности;

– исследовать проблемы для определения концептуального метода в практике развития языка;

– изучить семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» в национальном и эмоционально-экспрессивном аспекте;

– установить полевую структуру вербального воплощения семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» на основе анализа словарных дефиниций, газелей, художественных текстов и направленного рецептивного эксперимента;

– рассмотреть в сравнительно-типологическом аспекте концептуальные признаки семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках.

Объектом исследования диссертационной работы являются языковые единицы, входящие в семантическое поле «любовь» и «верность» и их функции в аспекте языка и речи в таджикском и русском языках, а также значение системных слов, которые описывают единицы «любовь» и «верность».

Предметом исследования являются семантические, структурные функциональные и лингвокультурные особенности языковых единиц, входящих в семантическое поле единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках, их сходство и различие.

Теоретические основы исследования составили труды известных учёных, таких как У.А. Гадайбаева, Х.Х. Мирзоева, М.Дж. Мамедова, М.М. Косвои, М.А. Махмудзода, Д.М. Азиззода, Н.Б. Рахмонова, Ш.К. Фазылова, М.К. Давлатова, Н.К. Бойматова, А.А. Ахмедова и др.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность»

рассматривается в таджикском и русском языках в сравнительно-типологическом аспекте в современном таджикском и русском языкознании. Представленные материалы, выдвинутые таджикскими и русскими учеными, нашли новое освещение семантического поля языковых единиц в таджикском и русском языках, что нашло отражение в следующих положениях:

– впервые представлен комплексный анализ семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» на основе изучения словарных дефиниций, которые направлены на расширение временных рамок исследования;

– рассмотрены рецептивные формы эксперимента, в области лингвокультурологии, и паремиологии и тем самым увеличивают границы исследования;

– определены ценностные, понятийные и образные составляющие семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках;

– выявлены национально-специфические, универсальные компоненты исследуемых языковых единиц в разносистемных языках и лингвокультурах.

– отражены лингвокультурологические картины мира с последующим выявлением сходств и различий при понимании и репрезентации семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в исследуемых языках;

– изучены описание языка и языковых единиц посредством его систематического сопоставления таджикского и русского языков с целью выявления его отличительных и грамматических особенностей.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Было установлено, что семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» отражено в лингвистическом и культурологическом аспекте таджикского и русского языков, данное утверждение позволяет

сделать выводы о значимости исследуемой проблемы в процессе изучения двух языков;

2. Экспериментально доказано и научно обосновано что пословицы, поговорки и тексты из художественных произведений могут отражать ближнюю и дальнюю периферию семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность», что позволяют расширить данные словарей. Признаки обоих языковых единиц эксплицитно и имплицитно реализуются в текстах художественной литературы на уровне лексической синонимии и фразеологии;

3. Доказано, что семантическое поле языковых единиц, «любовь» и «верность» в разных языковых картинах мира исследуется через восприятие и мировосприятие. Таким образом, оно варьируется в разных лингвокультурах в соответствии с мироощущением и мировосприятием носителей языков;

4. Подтверждено и эмпирически доказано, что семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» - понятия многоаспектное. Данные языковые единицы рассматриваются в философском, логическом, житейском, психологическом, этическом и лингвистическом аспектах. Исходя из этого, выделяются следующие компоненты: этимологический, исторический и актуальный;

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в углублённом изучении языковых единиц антропоцентрической парадигмы, в сравнительно-типологическом анализе семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках, в отражении лингвокультурологической картины мира с последующим выявлением сходств и различий при понимании и репрезентации семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в исследуемых языках. Настоящее научное исследование может быть использовано при чтении курсов по теории и истории современного

языкознания, в специальных семинарах, при выполнении научных работ студентов-филологов.

Материал и теоретические обобщения могут быть полезны при изучении сравнительного языкознания. Для дальнейшего изучения проблем семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках в сравнительном и типологическом аспектах. Все это определяется возможностью применения его результатов, выводов, обобщений и материалов в учебном процессе при подготовке спецкурсов и спецсеминаров.

Полученные результаты исследования могут быть применены при разработке курсов общего языкознания, современных проблем лингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, а также в области лингвистической интерпретации текста и осуществления межкультурной коммуникации.

Степень достоверности результатов диссертации. Степень достоверности и надёжности результатов исследования базируется на научно-методологическом обосновании важнейших теоретических положений исследования, соответствии методов исследования его цели и задачам, взаимосвязанности цели и задач исследования, достаточности количества исследуемых материалов, точности сведений, объёме публикаций соискателя, полученных научно обоснованных результатах и представленных практических рекомендациях.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертация на тему: «Семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках: сравнительно-типологический аспект» соответствует шифру специальности, утвержденному Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан на соискание ученой степени доктора философии (PhD), доктора по специальности (6D021300) – Языкознание (6D021310 – Типологическая и контрастивная лингвистика).

2.1. Изучение функциональных и структурных свойств языковых единиц независимо от их характера и генетических связей между ними;

3.1. Изучение и описание языка и языковых единиц посредством его систематического сопоставления с другим языком (или другими языками) с целью выявления его отличительных и грамматических особенностей;

5.1. Выявление сходств и различий между языками, языковыми единицами (их языковыми системами) на основе общих и наиболее существенных языковых признаков независимо от их генетического родства исследуемых языков.

Личный вклад диссертанта в разработку темы исследования. Впервые в таджикском языкознании рассмотрено семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках в сравнительно-типологическом аспекте. Автор на примере материалов, газелей классиков персидско-таджикской литературы, а также антологии таджикской поэзии произвел комплексный анализ, на основе изучения словарных дефиниций, литературных источников с помощью рецептивных форм эксперимента в лингвокультурологии и паремиологии. В работе и научных публикациях диссертанта отражены основные выводы исследования.

Апробация и реализация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования были рассмотрены и утверждены в 2021-2025 гг. на научно-теоретических, научно-практических международных и республиканских конференциях, а также семинарах, круглых столах.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на кафедре языкознания и сравнительной типологии Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни (протокол № 6/5.2., от 26.01.2026 г).

Публикации по теме диссертации. По результатам проведённого исследования по теме диссертации опубликовано 15 научных работ,

содержание которых отражает основные направления исследования, полученные теоретические и практические результаты, а также основные научные выводы диссертации. Из общего числа публикаций 4 статьи опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан, а 11 статей — в сборниках материалов республиканских и международных научно-практических конференций.

Структура и объём работы. Структура диссертации соответствуют логике исследования и состоит из введения, трёх глав, девяти параграфов, выводов, рекомендаций по практическому использованию результатов, списка использованной литературы и списка публикаций по теме диссертации. Основные результаты исследования обобщены в заключении, в котором также сформулированы научно-практические рекомендации по их эффективному использованию. Общий объём диссертации составляет 199 страницы машинописного текста.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

1.1. Семантическое поле языковых единиц как когнитивная структура

В настоящее время настала необходимость рассмотрения и изучения языка с различной стадии научности и роль использования языка в жизни каждого человека. При помощи языка человек передает не только мысли, переживания, эмоции, но и выдает свои знания, которыми он владеет благодаря языку, что имеет живое отражение в контексте языка.

На сегодняшний день изучению языка уделяется большое значение в таких науках, как лингвистика, и литератураведение. В настоящем времени относительно все науки рассматривают и изучают нововведения в области лингвистики, и не является исключением, семантическое поле. Семантическое поле языковых единиц — сохраненная, имеющая память, лексикон ментальности или же картина мира человеческой природы. В определённом смысле, ментальный лексикон представляет собой систему, которая воплощает в языковой способности знания о словах и их эквивалентах, а также осуществляет сложные функции, связанные как с самими словами, так и с лежащими в их основе структурами и отражающие энциклопедические знания.

Основная масса лингвистов и языковедов в своих научных исследованиях в области лингвистики и филологии, в частности в теоретических разработках, рассматривает и проводит исследования относительно представлений о языке, его структуре в области изучения и рассмотрения языка в целом. Так как язык — это средство передачи конструкций, коммуникаций, которым занимается такая наука как когнитивная лингвистика. В сфере данной науки первые труды принадлежат таким ученым лингвистам как, А.П. Бабушкину, Н.Н. Болдыреву, Г.А. Волохину, Е.С. Кубрякову, З.Д. Попову, Ю.С. Степанову, И.А. Стернину, В.Н. Телии и многим другим.

Когнитивизм в современной лингвистике стал одним из самых актуальных и приоритетных направлений в современной лингвистике.

Главным и основным понятием современной лингвистики служит «семантическое поле языковых единиц». Семантическое поле языковых единиц – это один из важных компонентов лингвистики, определяющий культурно-национальный менталитет в речи индивида в общем его понимании. А также это процесс, используя который индивид знакомится, изучает изнутри культуру того или иного языка и может влиять на него.

Когнитивная или, можно сказать, мыслительное языковедение развивалось в результате интеллектуальной современной модели, благодаря которой увеличиваются возможности лингвистических исследований.

Мыслительная лингвистика появилась в результате новой антропоцентрической модели, исходя, из которого лингвистические исследования языка разнообразили область языковых экспериментов.

Когнитивизм рассматривается как тенденция в языкознании, предметом рассмотрения которой становится мышление человека, его ментальность и все, что с ним связано. Это наука об исследовании и понимании мира и осмысленного усвоения рассматриваемой познаваемой реальности.

Процесс, связанный со знанием и информацией сознания человека, имеет определение когнитивные, или когниции. На сегодняшний день к понятию мыслительный и интеллектуальный также относят:

• изучение интеллекта личности;

• изучение механизма по рассмотрению данных, сталкивающихся с личностью из разных источников;

• становление новых форм жизни;

• схемы и модели, предоставляющие разнообразные когнитивные действия;

• большой диапазон душевных механизмов, протекающих в умственных действиях.

Когниция — представление, значимое в языкознании. Когнитивизм затрагивает освоение и понимание в языковом определении, исходя из этого, значение когниция, и когнитивизм является связующим звеном с наукой о филологии. В настоящее время является естественным то, что в науке о языке и личности главным служит взаимосвязь языка в соотнесении с другими разновидностями человеческой активности. Язык на современном этапе в сравнении с лингвистикой и языкознанием каждой национальности открывает лингвистам и филологам дорогу к изучению когнитивных направлений, к рассмотрению каждого языка в отдельности и языкознания в целом, что является представлением и понятием человека о языке. В современном мире языковые реалии определяют положение языкового калькирования, и в определенной степени она её использует в данной науке.

Главным решающим моментом в когнитивной лингвистике считается эффективная значимость мышления, а именно к которым относятся (уникальные возможности, положения), семантическое поле языковых единиц (комплекс многих значений соединенных речью), гештальты (общность, соединяющая формы мира по кусочкам) это определяется из когниции и ее положения в языкознании, что определяет проектирование и построение языкового пространства.

В лингвистике в целом определения когниция и когнитивистика рассматриваются в новом понимании языковой ситуации понимания мира, что ведет к ее обновлению в области терминологии в многообразии понимания и рассмотрении науки о языке в целом при изучении такой науки, как когниция или когнитивизм. Данная наука охватывает многие области изучения языковой ситуации и собственной языковой среды. В круг ее разнообразности вступают мышление, рассуждение, в результате чего возрастает интерес к данной науке о языке.

Итак, когда идет рассуждение о преобразовании лингвистики в когнитивную науку, безусловно, необходимо создать научный аппарат, так как образования метаязыка в лингвистике – основная проблема познания в

сфере лингвистики. Необходимо иметь в виду, что система терминов когнитивной лингвистики создается не из новообразованных лексико-семантических слов и выражений, а из слов, стандартизированных и перенимавших из других сфер науки.

К значимым определениям когнитивной лингвистики также относятся: ум, интеллект, концептуальная система, когниция, взгляд на мир при помощи языка, когнитивная основа, когнитивный пример, категоризация, формулировка, семантическое поле языковых единиц, картины мира, этническое культурное пространственность и другие. Данный перечень определений является неотъемлемой частью когнитивистики личности, в результате, которого человек прибегает к конкретному пониманию или понятию. Когнитивная способность приводит к процессам, которые сопутствуют обработке данных, и в итоге образуется отличительная структура сознания. При этом случае языковая, а именно, разговорная, активность служит одним из видов когнитивной деятельности.

При таком раскладе необходимо обратить внимание на определенные лингвистические термины.

Ум является особенным связующим звеном между объектом и событиями, которые имеют отношение разумным и рациональным поступкам человека, а также к изучению, и восприятию им окружающего мира, всех благ окружающей природы и бытия. Под всем сказанным понимается комплексность конкретных естественных и нравственных факторов, при соотнесении которых проявляются человеческие качества, используемые в процессе всего своего существования.

Образованность — это накопленные и полученные знания, в результате чего можно построить свои собственные мнения, утверждения и выводы относительно того или иного языка.

Ментальность — объединения механизма разума, которое происходит вследствие представления картины мира в результате умозаключения

посредством окружающего мира, которые определяются этническими и национальными обычаями.

Определение когнитивизма вбирает в себя не только механизмы разума, но и собственное мнение личности, а в целом – ум, интеллект, логику, рациональность, понимание, усвоение, мышление, рефлексию, логическое мышление, образы и представления, память, внимание, фантазию и многое другое.

Когнитивное языкознание и лингвистика в целом может рассматриваться и при этом влиять на разносторонние научные библиографические понятия, такие как:

– когнитивистика – это наука с английского (англ. cognitive science), может определяться как когнитология или когниция. Она часто рассматривается как приспособление к рассмотрению эрудиции индивида, что рассматривается в самом индивиде и создана при помощи автоматического сложения современного понятия как искусственный интеллект.

Когнитивистика как наука лингвистики впитывает в себя из уже созданных понятий компиляторов, и проектов путем выбывания накопленной информации и отложении её в памяти при этом разрабатывая интересующие и необходимые информации при использовании речи.

Данные информационные компиляторы являются модераторами в деле трудных вопросов такого порядка как интеллект человека, и как личность может разобраться в жизненных переплетениях? Какая информация, полученная личностью, может послужить знанием для него.

Впервые с когнитивной лингвистикой таджикские ученые столкнулись в трудах А.И. Герасимова, но развитие когнитивной лингвистики приходится на начало 80-х годов прошлого столетия. Основная роль при этом была отведена работам Т. Виноградова «Программа, понимающая естественный язык» и Р. Щербы «Обработка концептуальной информации». В 1988 г. в СССР был издан XXIII том из серии «Новое в зарубежной лингвистике», в

котором отразились когнитивные аспекты языка, а в 1995 году был издан сборник переводов «Язык и интеллект».

Основную роль в разработке когнитивистики в языкознании сыграли труды ученого лингвиста Ю.С. Степанова «Константы: словарь русской культуры», вышедший в печать в 1997 году. Эти усилия явились основой в открытии русского языкознания и лингвистики в целом. Все они вложены в понятия семантическое поле языковых единиц, а также концептология, и послужили линейности культурной речи.

Завершающим трудом для русской когнитивистики послужил научный труд автора Е.С. Кубряковой «Краткий словарь когнитивных терминов» [148], в котором объединены все определения и общие научные разработки относительно когнитологии и когнитивной лингвистики в целом.

В лингвокогнитивистики учёные начали изучать семантическое поле языковых единиц на новом уровне. Хотя, в начале прошлого века много внимания уделяется вопросам изучения семантического поля языковых единиц, то есть встречаются различные работы русских ученых, которые разработали понятия когнитивной лингвистики.

Семантическое поле языковых единиц рассматривался, тогда, как появилась необходимость изучить новое направление. Как известно наука не стоит на месте, и появилась необходимость рассмотреть науку в последовательности культур, а полилингвальной среде в речи и развития самой лингвистики в целом.

Семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках в сравнительно-типологическом аспекте позволяют человеку изучить культуру своего народа и оказывать влияние на неё, являясь смежной формой между языком и культурой. Исходя из этого, ещё в начале прошлого века русские ученые в своих трудах отмечали, что «носители языка являются выразителями определённой концептуальной системы. В энциклопедическом словаре определено, что концепт (от латинского слова conseptus – мысли и понятия) обозначает смысловое

значение имени» [13, с. 184]. Изучением семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в русском языке занимались такие учёные, как Н.Д. Алексеев, А.Г. Барнушов, Н.П. Брашов, А.Д. Шмелев и др., вслед за ними исследования в данном направлении стали проводить и таджикские ученые: Д.М. Искандарова, М.Б. Нагзибекова, Х. Шанбезода М.Б. Давлатмирова, Н.И. Каримова, З.А. Гулова, М.М. Имомзода, Н.Б. Рахмонова, Ш.К. Фазилова, Н.К. Бойматова.

Впервые, русские учёные в процессе изучения языковых конструкций и трудности анализа концептами определённых форм в понятиях «любовь» и «верность» учитывали важность познавательных средств. Данную идею они отмечали таким образом: «Картина мира в широком смысле – это образ мира или представление о нем, присущее определенной исторической эпохе. В узком смысле – картина мира, включающая представление о Вселенной, которое основывается на совокупности научных данных. Картина мира призвана помочь человеку определить его место в мире, возможности и смысл его существования» [144, с. 407].

Поэтому в языковом пространстве присутствует описание картины мира в таких аспектах как, сравнительно-типологическое исследование.

Поэтому очень важно, что независимо от языка происхождения таджикский или русский имеют одни и те же жизненные традиции, так как имеют одинаковое значение семантического поля.

В настоящее время в современной лингвистике можно встретить очень много различных определений семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» в сравнительно-типологическом аспекте. Например, русский ученый Н.Д. Арутюнова исследует семантическое поле языковых единиц как понятие практической (обыденной) философии, которые между собой взаимосвязаны по различными факторами.

Относятся к такому понятию религиозный метод, жизненные традиции, религиозные традиции, идеология человека, русского устного народного творчества, образ литературы и искусства, различные ощущения и характер

системы ценности человека. Независимо от языка происхождения таджикский или русский имеют одни и те же жизненные традиции, так как имеют одинаковое значение концепта. Поэтому семантическое поле языковых единиц имеет «различный метод рода и имеет различие для человека и мира отображения» [6, с.27-34].

Русский ученый Р.И. Павилёнис описывает семантическое поле языковых единиц в таком выражении: «Семантическое поле языковых единиц – это национальный образ (идея, символ), осложнённый признаками индивидуального представления» [92, с. 386].

Если исходить из утверждения М.В. Пименовой описания семантического поля языковых единиц, «любовь» и «верность» в таджикском языке имеет два синонима «муҳаббат» и «ишқ», а также «вафо» и «вафодорӣ», которые имеют одинаковую идею и символ. Если рассмотреть данное семантическое поле языковых единиц в русском языке, то синоним слов «любовь» - «влюбленность», а «верность», «верный» что в лексико - семантическом значении имеет разные значения.

Е.А. Петрова описывает, что: «Ментальный или психический ресурс нашего представления и является информационным методом развития. Семантическое поле языковых единиц отражает различные знания и опыт человека в определенный период жизни. Семантическое поле языковых единиц – это различного рода результативная исчерпывавшая себя единица памяти рассмотрения понятия лексики, что является основной методологии в формировании и в совершенстве различий языка в лингвистики, а также в языке самого индивида и окружающего мира в целом, что отражается в его развитии в целом» [96, с.201-209.].

Русский ученый А.П. Журавлев описывает концепт в таком выражении: «Семантическое поле языковых единиц – это национальный образ (идея, символ), осложнённый признаками индивидуального представления» [54 с. 67].

По пониманию А.П. Журавлева, рассматриваемое нами семантическое поле языковых единиц «любовь» может выглядеть следующим образом: Муҳаббати ман нисбати ту зиёд аст – что подчеркивает национальный колорит. Данное предложение на русском языке будет звучать следующим образом: Моя любовь к тебе безгранична.

Также, В.Н. Комисаров отмечает, что: «Семантическое поле языковых единиц — это умственный мыслительный потенциал или возможность представления является информационным методом развития. Семантическое поле языковых единиц отражает различные знания и опыт человека в определенный период жизни. Семантическое поле языковых единиц – это различная оперативная содержательная единица памяти ментальной проблемы лексикона, которая содержит метод определения формирования и совершенствования различной системы языка и мозга человека, а также всего мира, который отражен в психологическом развитии человека» [69, с. 167].

Многие лингвисты и в частности Д.С. Лихачев в своих трудах рассматривает концепт как содержательное понятие слов и словосочетаний лингвистической базы слов каждого человека, а также рассматривает все в совокупности языка в целом: «Семантическое поле языковых единиц не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [79, с.28-37].

Утверждается что: «Семантическое поле языковых единиц не существует само по себе, а функционирует в определённой человеческой идеосфере и зависят от национального богатства и личного опыта человека» [79, с.28-37].

Рассматривая понимания определения семантическое поле языковых единиц по Д.С. Лихачеву, можно утверждать, что в совершенстве приближенному для понимания семантического поля языковых единиц «ишқ», «вафо» что в переводе является «любовь» и «верность» могут иметь

свою ментальность в национальном понятии и это отражается не только в речи, но и в других отраслях науки каждого народа.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время среди русских ученых различные точки зрения, а именно: «1) семантическое поле языковых единиц замещает одно из словарных значений слова, что определяется контекстуально; 2) каждое семантическое поле языковых единиц может быть по-разному расшифрован в зависимости от контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности семантического поля носителя языковых единиц; 3) семантическое поле языковых единиц сферы русского языка – это семантическое поле языковых единиц и сферы русской культуры» [78, с. 96].

Исходя из вышеуказанного можно сделать вывод, что с точки зрения русских ученых относительно семантического поля языковых единиц могут быть применимы не только в русском, но и в таджикском языках, так как семантическое поле языковых единиц «ишқ», «вафо» имеет свойство представлять культуру таджикского языка.

«Семантическое поле языковых единиц – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, семантическое поле языковых единиц – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё. Семантическое поле языковых единиц не только мыслится, оно переживается». [153, с. 42-67]

В этом случае семантическое поле языковых единиц, которые анализируются у других народов мира, и у которых национальная специфика на всё имеет свои права. При сравнительно-типологическом аспекте говорится, что семантическое поле языковых единиц проявляет незначительные признаки, но вполне определённые дифференциальные свойства, которые имеют понятие «семантического поля языковых единиц».

Надо отметить, что в современном языкознании для межкультурной коммуникации присутствуют дифференциальные когнитивные проблемы и

признаки форм семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность», которым свойственны национальная форма семантического поля языковых единиц. Следует сказать, что этот вопрос для определения национального метода семантического поля языковых единиц и специфики их сравнения занимает центральное место в организации и сравнении слов. Национальную специфику семантического поля языковых единиц в таджикском и русском языках можно обнаружить в различной образной компонентной форме в интерпретационном поле одновременно с когнитивной лингвистикой в категоризации денотата, то есть одной формы проблемы совершенствования и формирования культуры одного народа через язык народов мира. Следует отметить, что в природе не исследуются простые семантические поля языковых единиц, а рассматриваются как бы некий шифр.

Следовательно, семантическое поле языковых единиц состоят из одного способа развития составляющего слова, которое отражает данную проблему.

Следует отметить то, что каждое сравнительное слово относится к одному семантическому полю.

С этим утверждением можно спорить, потому что в каждом отдельном народе одно и то же слово имеет различные понятия и при сопоставительном аспекте они содержат смысловое значение, определение касается различий в истории и культуре каждого народа, который имеет свои традиции и обычаи. Поэтому языковая единица является ментальной сущностью для своего народа.

В каждой стране «семантическое поле языковых единиц» выражает между человеческими знаниями о развитии мира и отличного для другого народа. Различные системы семантического поля языковых единиц проявляются в картинах мира, и отражают понимание реальности человека, его особые концептуальные рисунки.

Если рассмотреть перевод семантического поля языковых единиц «любовь», то в таджикском языке мы имеем два перевода с одинаковым значением это «муҳаббат» и «ишқ» но использование данных языковых единиц не уместно в некоторых значениях; в предложении; Ишқи ман нисбати ту беназир аст - имеет обращение к любимой девушки, но при выражении любви к Родине приемлимо использовать языковую единицу «Ишқ».

Н.Д. Арутюнова рассматривает семантическое поле языковых единиц со следующей позиции: «понимание «семантическое поле языковых единиц» рассматривается как понимание, которое преобразовалась при прикосновении нескольких жизненных позиций, которые составляют человеческие ценности такие как, история, культура, религия, жизненные ценности» [7, с. 236].

Первым в языкознании и лингвистике на данное определение обратил внимание, С.А. Аскольдов. В своем определении он сделал акцент на то, что «семантическое поле языковых единиц» в сущности, заменяет огромное количество лексики название предметов одинаковых по смыслу и значению. Семантическое поле языковых единиц заменяет как само собой разумеющиеся предметы, а также многие предметы в действии в реальной жизни» [9, с. 267-279]. В данной научной работе в качестве исследования рассмотрено понимание «семантическое поле языковых единиц».

Семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» были в центре внимания у людей, которые интересовались различными понятиями национального и религиозного характера. Актуальность в определении и установлении их нормы и критерий в культуре различных народов была и есть в центре внимания народов мира. Необходимо отметить, что семантическое поле языковых единиц имеет ментальность что является значимым для определения семантического поля в целом.

Для развития семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках исследует различные явления, которые отражают в сравнительно-типологическом аспекте.

1.2. Языковая картина мира и роль семантического поля языковых единиц

Философы, лингвисты, ученые неоднократно исследовали феномен картины мира и дали им соответствующие определения.

В научном словаре, автором которого является А.Р. Гаврилов, исследуется определение «картина мира» в широком смысле семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность».

Для исследования семантического поля языковых единиц необходимо рассмотреть проблему истории изучения данного направления в лингвистике.

Отражение лингвистики в лингвокультурологии является немаловажным вопросом. Какую роль в данном вопросе выполняет речь для изображения «окружающего мира» на этот вопрос можно предоставить не один довод. Будучи универсальным, речь служит максимально не однотипным феноменом существования: как главный механизм общения. Речь можно проанализировать как элемент взаимодействия общения; и главный признак изображения окружающего мира, познавательного гаранта и коммуникативного общения. Речь рассматривается как предмет влияния, восприятия личности к каким-либо поступкам, и устойчивости некоторых действий; такие как основные моменты жизненного проявления, речь также определяется как некая составная языка определенного народа или его культуры. Рассматривая закономерность того или иного составляющего этно языка, лингвисты изучают его как возможность раскрытия национальной особенности той или иной языковой среды. Вышесказанное в полной мере раскрыто в трудах таджикских и российских лингвистов с 1995 по 2000 года.

Изучение культурно-этнической особенности речи, что является базой в языкознании, и рассматривается в лингвистике, а также в таких науках как

лингвострановедение и культурология, что находит выражение в научных трудах таких ученых как: Костомаров, Томахина, Верещагина, этнолингвистов Копыленков, Герд и других. В данном понятии основным является мысль Н.И. Толстого об «этнолингвистике и социолингвистике, которые могут расцениваться как два основных компонента (раздела) одной более общей дисциплины, с той лишь разницей, что первая учитывает, прежде всего, специфические – национальные, народные, племенные – особенности этноса, в то время как вторая – особенность социальной структуры конкретного этноса и этноса (социума) вообще, как правило, на более поздней стадии его развития применительно к языковым процессам, явлениям и структурам» [115, с. 509]. Этой и более общей дисциплиной, по-видимому, и является лингвокультурология.

Численность ведущих групп лингвокультурологии касается понимания общее соединение характеров восприятия настоящего в разуме личности. Такая конкретика неоднозначна и представлена в образности и характерности восприятия понятий.

Вымысел – это то, что находит отражение в понимании индивида и его мыслительном процессе. В данном понимании необходимо применять разное проникновение в осознанности того или иного высказывания или просто слово. В нашем случае послужило понятие семантическое поле языковых единиц «ишқ» и «вафо», что в переводе является «любовь» и «верность». Данное слово можно придумать или вообразить, например, «Она желаемое приняла за действительность. Мое к ней хорошее расположение она приняла за любовь». На примере можно определить, что часто люди влюбленность принимают за любовь, несмотря на то, что корень данных слов один и тот же, а значение слов разное. Если конкретный пример рассматривать в таджикском языке, то в данных примерах будет использовано одно слово «муҳаббат» или «ишқ» обратите внимание, что основа данных слов разная, но значение одинаковое.

В сочетании данные слова показаны как образец для логического мышления, и одновременно истолкованный общим значением явлений. В этом случае они рассматриваются как форма и содержание понятий, «содержание понятия – это отображенная в сознании совокупность свойств и признаков предметов» [147, с. 720].

Исследуя семантическое поле языковых единиц можно рассмотреть различные понятия такого рода как «зима» и это будет соответствовать воображению и представлению. Также могут быть использованы абстрактные понятия, но в этом случае рассматривать образ является неприемлемым. В таком рассмотрении изучаемое нами семантическое поле языковых единиц «ишқ» и «вафо» в переводе «любовь» и «верность» является абстрактным.

Изучаемое нами семантическое поле языковых единиц «ишқ» и «вафо» в переводе «любовь» и «верность», показывают противоречивую систему образов, изображаемых то, что есть на самом деле в изображении и понимании личности.

Изучаемое семантическое поле языковых единиц «ишқ» и «вафо» или «любовь» и «верность», являют собой изображение реальности, а воображении воображаемого. Все это может иметь место в отдельном порядке и, если рассматривать этот вопрос с лингвистической точки зрения в расширенном понимании картины мира. И в некоторых конкретных случаях воображение могут и должны служить ее основой.

Исследователи утверждают о ранних научных и каждодневных семантических полей языковых единиц, определяют то, что может быть основным аспектом мира вокруг нас, что служит для изучения мира в научном порядке в частности языка. Такое раскрытие семантического поля языковых единиц «ишқ» и «вафо» а именно «любовь» и «верность», не уступает другим научным понятиям. Это семантическое поле языковых единиц легко прижилось и приспособилось в каждодневной жизни и изображает самое прекрасное чувство души в таджикском и русском языках.

Как всем известно, любовь – это чувство определяет что-то сокровенное, вечное, прекрасное, неописуемое и необъяснимое чувство любого языка и народности независимо от его ментальности. Также верность определяет чувство, отношение человека к чему или кому- либо и данное семантическое поле языковых единиц может рассматриваться как верность родине, верность дружбе, что в сочетании с языковой единицей любовь также является сокровенным чувством.

Обыденное изображение мира и его среды может допустить различные изображения вещей. По мнению Е.С. Кубряковой, «наивного в наших представлениях о мире становится все меньше, мы не воспринимаем выражения «лес шумит», «игра захватила мою душу» буквально. Впрочем, здесь следует сказать, что на определенной ступени развития – в детстве – воспринимаем, а также это иногда случается при чтении художественных текстов, где автор сумел найти свежие метафоры или неожиданные способы возвращения словам их изначального сияния» [72, с. 127-130].

Разрабатывая данную концепцию необходимо учитывать, что наука в обыденной жизни во всех отношениях имеет влияния на состояние души человека. На сегодняшний день семантическое поле языковых единиц с разных сторон имеет по отношению к себе критическое отношение, иначе говоря, эффективное и чувственное. Говоря об эффективности можно рассматривать, что оно достигается путем примеров, и доказательств. Чувственное связано с состоянием души и отношением к семантическому полю языковых единиц через душу, перенеся через себя. Исходя из этого можно сделать вывод, что все что сознательно исходит из самого человека или индивида и создает понятие и отражает его человеческой жизни. На сегодняшний день языковеды-лингвисты, филологи и философы считают эффективно быть чувственным, где при помощи чувств создаются и рассматриваются разные идеи в разных языках и культурах, так как они связаны с восприятием и чувственностью человека. На сегодняшний день весь мир рассматривается с научной точки зрения. При таком рассмотрении

свойственно доказывать научное и ненаучное понимание действительности в целом. В сборнике Языковой круг: личность, семантическое поле языковых единиц, дискурс под авторством В.И. Карасик, рассматривается: «Научное и эмоциональное представление модели мира заключается в глубоком понимании человека в мире, и понимания мира внутри себя. Исходя из всего этого, модельное создание мира неразрывно связано с языком и находится с ним в связующем звене, и в данном случае язык играет огромную роль в этой связи» [62, с. 477].

Среди разных народностей и языков, несмотря на наличие одинаковых теоретических предпосылок, языковые знаки и единицы имеют разный уровень основательности, проникновенности и серьёзности в рассмотрении, что однозначно является в любом языке и науке о языке.

Некоторые слова, имеющие национальный колорит и специфику могут представлять культуру народа, говорящего на данном языке. Это могут быть слова, определяющие национальные и исторические реалии, которые умеют отражать чувства, эмоции используя лексику своего языка. В этом отношении также могут быть использованы слова, содержащие яркую окрашенность определенного этнического языка.

Для многих известно, что есть термины и словесные обороты, которые имеют свойственные ему одному характерные черты для определения личностных потребностей, для языка в совокупности с этнокультурой.

Этническо-культурный элемент рассматривается в лингвистике и языкознании в виде особенной формы языка, имея свою специфическую особенность. В данном языке может быть использована своя особенная специфика языка. Это утверждение относительно языка может считаться концептосферой.

Определение Гумбольдта фон В.: «язык есть выражение духа народа» [48, С. 179]. – имеет глубочайшее значение, не случайно поэтому так как Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон в честь Дня

государственного языка Республики Таджикистан 28 ноября 2020 года принял решение «По Программе развития государственного языка на 2020-2030 годы», во многих отношениях учитывающее менталитет народа, носителя языка, а также его реалии.

Некоторые ученые-филологи считают, что конкретные грамматические категории языка отображают национальный характер.

Семантическое поле языковых единиц надо исследовать на основе данных, которые существовали ранее в языке того или иного народа, говорящего на нем. Если исходить из выражения что «отношение к истории и прошлому того или иного слова может помочь в разъяснении его смысла».

Одной из основных проблем изучения семантического поля языковых единиц является экспериментальный метод, который помогает познанию языковых единиц «любовь» и «верность» в различных языках. Это позволяет подобрать новые методы для употребления языковых единиц в речи носителя языка.

Итак, при любом изучении и рассмотрении того или иного семантического поля языковых единиц необходимо обратить внимание на древнюю культуру, историю и ментальность народа, так как все это может отражаться, в словарях способствовать созданию новых слов.

Поэтому для понимания специфических особенностей таджикского и русского менталитета и лингвокультур необходимо обращать внимание на его ментальность.

При рассмотрении и изучении семантического поля языковых единиц различного характера данное научное исследование дает возможность рассмотреть и изучить различного рода варианты устойчивых форм и выражений в соотношении с семантическим полем языковых единиц «ишқ», «вафо», а также «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках.

Изучению образования семантического поля языковых единиц в лингвистике и языкознании придается первостепенное значение. Одна из главных позиций изучения состава и структуры того или иного языкового

поля- это то, что имеет место в лингвистике и языкознании. Одна из значимых точек зрения информативной активности функционирования человека однозначно следует рассматривать: в его процессе ориентироваться в сущности понимания природы происхождения слов и словосочетаний, что, в свою очередь, разумеет целесообразным изображать и изучать языковую единицу как объект данного положения.

В начале второй половины XX века лингвисты определили, очевидно, что носители одного или другого языка — это носители основных значений терминов. Сущность семантического поля языковых единиц — это склад ума, мировоззрения, умственности, мироощущения. Концептуализация и суть семантического поля языковых единиц находится в распоряжении не только ученых-филологов, кстати, которые тоже говорят на определенном языке. Значит, на современном этапе необходимо обратить внимание на национальные реалии в современном языке, так как семантическое поле- это, прежде всего, когниция.

Для рассмотрения семантического поля языковых единиц необходимо подчеркнуть конкретные отличительные особенности и при этом не забывать акцентировать на главную цель, а именно анализ. В современной лингвистике необходимо привести доводы, каким образом возникли языковые единицы путем сложения чего, и какие обстоятельства побудили принятия решения их создания.

Наука концептология и семантическое поле языковых единиц в лингвистике можно рассматривать как одно и тоже, что-то одинаковое. Ученые-лингвисты издали статью под названием «семантическое поле языковых единиц и слово», к сожалению, на тот момент семантическое поле не являлся самостоятельной наукой и научным термином. С.А. Аскольдов в своих научных работах раскрывал, понятия семантического поля языковых единиц как научную лингвистику он утверждал, что предметом научного понятия должно быть само семантическое поле во всех его проявлениях. Также он рассматривает, что семантическое поле точно так же, как и другие

науки должны иметь свою вспомогательную систему изучения слова. И в данном случае задается огромное количество вопросов ответом, которым могут послужить лишь научные суждения.

После статей, вышедших под редакцией С.А. Аскольдова, спустя некоторое время, появился интерес к понятию семантическое поле языковых единиц переводчиков с английского языка и не удивительно что, если у них тоже появилось множество вопросов. Англоязычные переводчики рассмотрели семантическое поле языковых единиц как слова, которые необходимо использовать для передачи национального колорита и менталитета того или иного языка и при этом указывают на постижения и знакомства человеком мира, и ведения человеком мира путем его языка. Конечно, при этом не надо забывать о культуре носителя языка.

Выражения семантическое поле языковых единиц используется для представления опыта языка другого народа. При использовании семантического поле языковых единиц ученые-лингвисты, переводчики изучают язык, понятия тех или иных слов, так как при сравнении и переводе семантическое поле языковых единиц получает иную форму: например, семантическое поле «любовь» в русском языке имеет одну языковую единицу, но в переводе на таджикский язык имеет два языковых единиц «муҳаббат» и «ишқ», а в то же время языковая единица «верность» «вафо» и «садоқат».

Ученые-филологи и лингвисты решили несколько путей и направления для понятия семантическое поле языковых единиц простым языком это звучит таким образом, что семантическое поле языковых единиц, это слова синонимы к основному слову что и доказывает наш приведенный пример выше в таджикском языке языковая единица «ишқ» имеет синоним «муҳаббат». В сферу деятельности семантического поле языковых единиц относится изучение ментальности и культуры народа носителя языка. В данном случае оно рассматривается как этнокультурное звено в ментальном пространстве и в данном случае представляется как часть

определенной государственности ментальности и культуры так, как каждый народ имеет свой язык государственности и реалии, «в момент их ответвления от европейского культурного фонда и фона» [44, с. 23-26]. Что является важным моментом для коллективного, осознанного носителя языка, и, исходя из этого, данные исследования являются актуальной проблематикой, «семантическое поле языковых единиц — это то, что мы знаем об объекте во всей его экстенсии». [113, с. 125] Очередной подход к рассмотрению семантического поля языковых единиц является семантическим: при анализе семантического поля с данной точки зрения языковые знаки являются не чем иным, как способом исследования и создания семантического поля языковых единиц. Данной гипотезы придерживается Н.Ф. Алефиренко и рассматривает семантическое поле языковых единиц с семантической точкой зрения и считает его частью когнитивной семантики. С рассмотрения точки зрения Е.С. Кубриковой, которая представляет свой подход к рассмотрению семантического поля языковых единиц, в данном случае она утверждает: «Семантическое поле языковых единиц — это смысл слова, кстати, из чего он и появляется, и при этом учитывается знание языка человеком носителем, будь то его родной язык или переводной» [72, с. 127-130]. В данном рассмотрении, семантическое поле языковых единиц служит связующим звеном в словах.

Определение, которое дает Е.С. Кубрякова, — «это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике». [72, с. 127-130].

Подводя итоги, можно определить, что в основу категории языка может быть включен личный вклад самого носителя языка, но при этом необходимо соприкасаться с менталитетом носителя языка, непосредственно с его культурой и географическиой, территориальной, познавательной деятельностью.

Исходя с точки зрения Е.С. Кубряковой, речь человека, владеющего языком, раскрывает все новое, что есть в мире для постижения самим человеком, и при этом исполняет роль надзирателя или личность отвлеченного и соответствует степени односторонности для языка. Изучив данную гипотезу, можно сделать следующие выводы: любое семантическое поле языковых единиц в сочетании с человеком и его действиями можно использовать и рассматривать в разных ракурсах в зависимости от индивида, использовавшего данное семантическое поле языковых единиц, так как каждый индивид использует сеиантическое поле с учетом своей специфики культуры, ментальности, а иногда и диалекта. Наравне с этим каждое семантическое поле языковых единиц имеет синонимичный ряд и свою особенную структуру.

Неординарно к понятию «семантическое поле языковых единиц» подходит ученый лингвист Ю.Д. Апресян в своих трудах она ссылается на следующие суждения: «а) благодаря речи человека мы знакомимся с окружающим миром, язык и языковые единицы, в совокупности составляют одно целое и для его носителя; б) каждый язык имеет свою национально - специфическую особенность; в) отображение окружащего мира — это способ его концептуальности, и имеет свои определенные разности от окружающего мира» [5, с. 37-67].

В совокупности для всего вышесказанного послужит объединение языка, речи, а также культуры. Различия вызваны разными взглядами и местом языка в создании семантического поля языковых единиц. Предмет окружающего мира преображается в совокупности с культурными ценностями, лишь в этом случае систематизируется этническим языком и мышлением.

По сей день семантическое поле языковых единиц не ограничил себя единым определением, несмотря на то что крепко обосновался в современной науке о языке. Многие ученые-лингвисты таджикского и русского языка вносят свой вклад в изучение семантического поля языковых

единиц. По представлению ученого-лингвиста В.Н. Телия «семантическое поле языковых единиц порождение человеческой мысли, и это творение феноменально, и свойственно человеческому сознанию, а не созданию языка. Семантическое поле языковых единиц складывается через определенные выражения языка – это непроизвольная создающаяся конструкция» [113, с. 34].

По теории В.А. Масловой семантическое поле языковых единиц: «это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой, тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры. Семантическое поле языковых единиц, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия». Но в то же время — это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Семантическое поле языковых единиц не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [84, с. 294].

Рассматривая семантическое поле языковых единиц, начинаешь понимать, что он разносторонний, в котором рассматриваются восприятия конкретные и чувственные, он может быть разносторонним, и в тоже время содержательным, он может рассматриваться с ментальной точки зрения, всеобщим.

Каждое семантическое поле языковых единиц создается в результате всестороннего постижения окружающего нас мира. Если быть более точными, то;

а) это может быть понимание окружающего мира, и то, из чего оно складывается;

б) конкретным пониманием мира;

в) при помощи рассуждения и уже имеющимся семантическим полем языковых единиц;

г) в лингвистике семантическое поле языковых единиц имеет свое объяснение и представлен в теоретической форме;
д) и последнее при помощи осознанного единиц языка.

Для того чтобы спроектировать систему концептуальности средства языка, необходимо пересмотреть определенные исходные, или основное семантическое поле языковых единиц, при наличии которого создаются другие. Любое семантическое поле языковых единиц является объяснением содержания и понятий, при необходимости могут быть изучены и предоставлены в измененном или уточненном виде. При этом они могут составлять анализ того или иного семантического поле языковых единиц, но иногда это происходит только в начальной форме. Следом за ним следует механизм, путем которого можно наблюдать изменение или создание нового семантического поля, и мы сталкиваемся с вами изменившимися языковыми единицами. Данная вероятность меняется во всевозможное семантическое поле языковых единиц, показывая, что любое семантическое поле языковых единиц может быть видоизменено и подвергнуто анализу. Л.В. Барсалоу утверждает следующее; каждый человек должен уметь быстро приспосабливаться, человеку свойственно узнавать все новое, а так как мир находится в постоянном движении, человеку необходимо приживаться к этим изменениям. Исходя, из данного утверждения, в сфере языкознания необходимо владеть движущей силой.

Семантическое поле языковых единиц имеет свойства обладать эмоциональностью и чувствительностью. Данное понятие исходит из интеграции в ту или иную культуру и семантическое поле языковых единиц; это определение, входящее в культуру речи. Предметом рассмотрения в когниции и лингвистики служит семантическое поле языковых единиц - это то, что собирают концептуальное пространство и служат его главным значением.

Речь изображает все, что существует в мышлении, а мышление создается под влиянием окружающего мира и культурности. Исходя из этого,

можно сделать вывод, что всеьязыковые единицы делятся на несколько групп:

– мировоззрение — это пространство, мироздание период, родной край, свежее утро, дождливый день;

– среда и пейзаж — это река, кислород, растение, трава;

– понятие о личности — это новоявленный русский, интеллектуал, умный, двоечник, священник;

– духовные семантические языковые единицы — это ответственность, мораль, провинность, соблазн, откровенность;

– общественные семантические языковые единицы — это муниципальная свобода, желание, единство, братство;

– эмоциональные семантические языковые единицы — это настроение, чувство, душевный порыв, воодушевленность экстаз;

– исторические семантические языковые единицы — это склеп, мумия, храм;

– научные семантические языковые единицы — это арифметика, философия космические;

– культурные семантические языковые единицы — это мелодия, картина, балет.

Среди множества семантических языковых единиц мы рассмотрим одну эмоциональную, так как рассматриваемая нами семантическая языковая единица является «ишқ» ва «вафо», «любовь» и «верность». Основа эмоциональной семантической языковой единицы разумно рассматривать без базового знания о психологии и эмоции человека. Мысли и эмоции часто рассматриваются и соединяются в одно целое, но иногда, как говорят, эмоции бьют через край. Так как многие люди, к какой бы культуре они не относились, могут переживать одинаковые эмоции. Несмотря на это, эмоции у каждого человека разные. Любая народность имеет свои базовые эмоции, и поэтому каждый человек особенный в своей культуре.

Анализ данных значений и значений данных слов, может показать, что любовь у славянских народностей рассматривается как чувство, если

жизненные условия расставляется приоритетными и рассматриваются положительно. Такая любовь - это сфера эмоциональная: любимый человек, без любви нет счастья и др.

Любовь может быть прочной и продолжительной. Рассмотрим семантическое поле языковой единицы «ишқ/любовь» в таджикском языке. Например, ишқи бепоён, ишқи ҷовидонӣ, ишқи поянда - ишқи зудгузар, ишқи кӯтоҳ, в данных примерах приемлимо использовать языковую единицу «ишқ», как и единицу «муҳаббат». В русском языке можно рассмотреть следующие примеры: безграничная любовь, воодушевляющая любовь, взаимная любовь, возвышенная любовь. Несмотря на такие утверждения, любовь также может быть – быстротечной, жестокой, злой.

На примере можно ярко увидеть, что данное чувство не требует никаких действий и для достижения цели ничего делать не надо.

Изучение языка на современном этапе процесс сложный и неопределенный. Оно может существовать как отдельная наука - когнитивистика. Но при этом необходимо подключение к этой науке психологов, этнографов, языковедов, и только в этом случае можно рассматривать когнитивистику как самостоятельную науку.

Наука о языке должна создавать вопросы и при этом предоставлять ответы, и только в этом случае можно утверждать что человек в данной науке достиг чего - либо.

Исходя из этого из очень многочисленных определений семантическое поле языковых единицы, выделили следующие:

1) семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» – это отражения ориентальной проблемы мира;

2) семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» – это идеальные качества художественного образа;

3) семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» могут обозначаться словами.

4) семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» – могут быть личностными взаимоотношениями между двумя людьми.

Данное слово изучалось тогда, когда в языкознании главенствующим являлся сценический метод от латинского scientia – данная наука идеализировала язык и речь для развития общественных условий в жизни каждого человека.

Семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках в сравнительно-типологическом аспекте позволяют каждому читателю изучить культуру своего народа и развить влияние на него, поэтому является смежной формой между языком и культурой.

В науке о языке на сегодняшний день филологи, ученые языковеды изучают язык с научной точки зрения, и при этом понимают, что носители языка – это простой народ, имеющий свой язык, диалект и определенные концептуальные понятия о своем языке. В данном случае развития семантического поля языковых единиц в таджикской и сопоставительной типологии начали рассматривать как науку в середине XX века. Теория изучения семантического поля языковых единиц происходила при изучении слов и семантических языковых единиц в сопоставительной типологии, что присуще каждому языку и понятию в таком понимании языка можно проследить происхождение семантического поля языковых единиц одного или другого языка.

При рассмотрении семантического поля языковых единиц в широком и узком смысле имеет прямое отношение к определённой исторической эпохе. Семантическое поле языковых единиц «любовь» в историческом аспекте имеет возвышенное значение. На современном же этапе семантическое поле языковой единицы «любовь» основывается и используется для определения чувства, не имея никого отношения к глубокому смыслу.

Исходя из этого развития семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» может рассматриваться с разных ракурсов при

наличии ментальности культуры носителя языка и при наличии определенных категорий.

На современном этапе в лингвистике семантическое поле языковых единиц изучается и рассматривается многогранно, но и с культурологической национальной и дидактической точки зрения, и основное место в нем имеет подбор и сопоставление слов. С лингвистической точки зрения семантическое поле языковых единиц в таджикском и русском языках необходимо рассматривать с включением разной когнитивной лингвистики.

Семантическое поле языковых единиц состоит из одного метода развития, и составляющего слова к каждому из них относятся различные слова, и показывают эту проблему.

Необходимо указать на то, что любое слово при сравнении относится к определенному этносу и культуре. На сегодняшний день при рассмотрении того или иного семантического поля языковых единиц необходимо обратить внимание на словари, в которых некоторые слова указаны как неправильные. Будет уместно отметить Луғати Тоҷикӣ «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ зиёда аз 80 ҳазор вожаву ибораҳо» уже доказано, что многие слова в новом словаре определены, как неправильные, или используемые в узком смысле и являются далекими от когнитивного метода изучения.

Различные системы семантического поля языковых единиц появляются в картине мира носителя языка, где отображается понимание сущности индивида, и его особое концептуальное понимание мира.

Семантическое поле языковых единиц может функционировать только в определенной сфере носителей языка и зависит от национального богатства и изысканности языка и личного опыта индивида.

1.3. Методы осмысления семантического поля языковых единиц.

В процессе исследования характеризуются формы определенного развития и совершенствования, хотя последняя проблема изучения языковой единицы в таджикском и современном русском языке имеют различные

понятия, которые помогают для совершенствования семантического поля языковых единиц в настоящее время.

Ученые, изучающие семантическое поле языковых единиц в таджикском языке, представляют различные определения, которые в лингвистике используются для решения различных проблем, выражающих разные точки зрения в этой области.

Эту проблему в таджикской лингвистике изучают в различных направлениях и разработывают семантическое поле языковых единиц специальным термином на основе материала таджикского, русского, английского и других языков в сопоставительном плане.

Данное исследование касается важных проблем в лингвистике, в том числе двуязычия на современном этапе, что приемлемо в современной лингвистике.

Семантическое поле языковых единиц как в прямом, так и в переносном смысле развивает, и формирует метафоричные суждения.

Современная лингвистика и языкознание в настоящее время исследуют семантическое поле языковых единиц в определенной мере, ссылаясь на нацию носителя языка. В этом случае семантическое поле языковых единиц исследуется в формате научной общественной жизни носителя языка. Поэтому русским и таджикским ученым необходимо детально исследовать развитие картина – мира и национально-культурные аспекты семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в расширенном варианте для сопоставления в изучаемых языках. Именно с этой точки зрения, данная работа является первой попыткой решение вышеуказанных проблем в языкознании.

В логико-смысловом аспекте значение «любовь» и «верность» в современном мире можно интерпретировать с двух сторон: как положительные, так и отрицательные мировоззрения человека.

В данном исследовании анализируются развитие трёх парадигм – это системное развитие коллективного понятия, где анализируются и

исследуются формы «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках. Эти слова исследуются в центральном гносеологическом семантическом поле языковых единиц жизни человека, которые составляют его основу для развития современного языкознания. Они появились еще в X веке у людей, которые занимались различными ремеслами. Часто это были крестьяне, землепашцы, охотники, стряпухи, плотники, торговцы, их считали «ходячей» народной мудростью, так как искренность и верность в чувствах было присущи простому народу. Такое семантическое поле языковых единиц, как верность своему господину, Родине, Отечеству, содержат в себе различные формы искусства высокой морали, которые невозможно было не заменить ничем иным и в этом случае семантическое поле языковой единицы «верность» не имело аналогов.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время понятия семантическое поле языковых единиц выражают возвышенность к положительным эмоциям и оценкой к благородным стремлениям. К их числу относятся и некоторые поэтивизмы – слова, традиционно употребляющиеся в художественной литературе, преимущественно в классической поэзии: «уста» - торжественно, возвышенно, с эмоцией восхищения и, как правило, положительной оценкой (о губах); «муза» – о поэзии торжественно, возвышенно, с положительной эмоциональностью и оценкой и т.п. Однако следует иметь в виду, что большинство поэтивизмов в современном русском языке с эмоционально - оценочной точки зрения нейтральны «зеницы», «десница», «уста», и в этом случае хотелось бы остановиться на том, что рассматриваемый нами семантическом поле языковой единицы «любовь» остается неизменяемой и воспринимается как выразитель чувств.

Наличие образного компонента значения в семантической структуре образных единиц (несмотря на качественное своеобразие образных сем в словах каждого из трех рядов) усиливает их выразительность и силу воздействия воспринимающего.

Состав и объем образно-экспрессивных единиц принципиально отличаются от состава и объема экспрессивного словаря, представленного лексемами, в значениях которых присутствуют выраженные семы эмоциональности и циничности.

В словах образно-экспрессивных, эмоционально - оценочные семы, как основа экспрессивности словесных единиц, сочетаются с образным компонентом значения, что позволяет квалифицировать подобные слова и как образные, и как экспрессивные. Выразительность слов других разрядов экспрессивной лексики не связана с их образностью. В то же время некоторые образные слова с экспрессивной точки зрения являются нейтральными.

Исследование семантического поля языковых единиц является новым и актуальным направлением в современной лингвистике, оно позволяет рассматривать лексические слова в контексте культурной проблемы, познания и коммуникации данного понятия.

Основная работа по изучению и развитию семантического поля языковых единиц в современном употреблении содержит различные понятия для рассмотрения языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках.

Семантическое поле языковых единиц рассматривается в комплексе, так как является наукой обоснованной, взаимосвязанной и имеющей взаимное влияние языка и культуры, поэтому на данный момент данная наука является одной из приоритетных, и все это доказывает:

1) Желание изменить окружающую среду, научиться давать оценку происходящему вокруг миру, отношение людей друг к другу в зависимости от их национальности, происхождения и религии, рассмотрения различных жизненных политических и социальных проблем - и при этом знать и рассматривать, что в каждом народе есть свои межкультурные различия. Исходя из этого, немаловажным является брать во внимание все коммуникативные изменения в речи людей.

2) Семантическое поле языковых единиц является истинным объединяющим направлением в развитии науки о лингвистике, изучающим исследования языковедами достижений, которые доступны языковедам и лингвистам самых разнообразных отраслей. В современной науке о языке большое количество причин и обстоятельств, которые требуют рассмотрение семантического поля языковых единиц с лингво-культурологической стороны в согласии со взглядом Вильгельма фон Гумбольдта «народный дух в языке при помощи которого соединяются определенные моменты, связанные с мыслями, речью, поведением [48, с. 370].

3) Данная наука является вставкой для изучения лингвистики, освоение речи и язык как способ концентрирования понимания командной группы людей и в частности лингвистов, которые отражаются во всем величии и красоты речи фразеологических оборотов, документов, писем, неординарных ситуаций. Все это составляет суть изучаемого семантического поля в определенном языке, которое находит свое, отражается на речевой среде и массовой информации.

Лингвокультурное рассмотрение в языке предлагает детальных примечаний, намеков, метафор, текстов различного характера, которые доступны к пониманию лишь тем, кто общается на данном языке. Семантический подход к изучению языка служит к изменению и обогащению языка и носителя. Он соединяется не только этническими, но и специальными коллективными, а также личностными оборотами языка, характерными для конкретного человека.

Семантическое поле языковых единиц имеют также этнические стратегические трактаты, которые заключаются в толкованиях и примечаниях. Они встречаются в таких сферах жизненной практики, как перевод текстов, в речи этикета, перевод диалекта, научный и литературные тексты, слова и выражения вошедшие в обиход речи из других культур и сословий, а также лексические и грамматические традиции в письме и речи. [49, с. 312 - 313].

Перечисленные варианты могут быть представлены в виде различных моделей: к примеру, взаимоотношения между двумя людьми «любовь – разлука», «правда – ложь», «утро – ночь», «брат – сестра», «свекровь – теща», «начальник подчиненный», «мужчина – женщина» и другие. Значительными являются формирования в виде дериватива важных мыслей. К примеру, в таджикской национальной культуре отношения между родителями считаются более ценными, нежели отношения «начальник и подчинённый». Вследствие этого, старшие конечно всегда правы исходя из жизненного опыта, каждый родитель воспитывает своего ребенка, помогает, наставляет, и ребенок свою очередь отвечает ему тем же. В этом случае родитель демонстрирует поведение взаимоотношений, в то время как демонстрация взаимных симпатий между начальником и подчиненным является только деловым.

Действия могут рассматриваться разносторонне на основе исследования паремиологической науки о языке, к которым можно отнести содержание художественного произведения, фольклорные мотивы, этнические описания культуры той или другой народности, описание жизни и быта.

Этническая парадигма для анализа и рассмотрения языка может отражать изменения разного рода.

Этнический метод изучения языка может анализировать разного рода изменения речевых единиц. Обычно в этой роли могут выступать слова, словосочетания, крылатые фразы и выражения, которые изучаются в неизменным виде.

Гипотеза подтверждения той или иной лексической единицы заключается, по мнению Евсюковой Т.В., в нескольких вариантах, которые должны рассматриваться следующим образом:

а) менталитет представлен специфическими разновидностями разного рода культурного кода;

б) показатель интертекста выступает в рефлексивном восприятии языковых единиц в текстах разных языков и народностей;

в) языковые единицы языка других народов являются специфическими для определенной культуры.

Данные определения указывают на необходимую значимость культурных явлений народов и их языка.

Изучение культуры языка народа или если быть более точным через коммуникативные единицы языка является неполным, если не учитывать информацию, полученную из смежных наук. Все это представляет большой интерес для исследователей языковедов и лингвистов. Весьма весомо, рассмотрение английского ученого Дж. Грер, который в свою очередь утверждает, что изучение семантического поля языковых единиц необходимо и полезно для изучения и ознакомления национального характера, национальной специфики и в частности таджикского и русского каковым является наше исследование.

К наиболее актуальным проблемам современной семасиологии и лексикологии относятся вопросы образности и экспрессивности языковых единиц. Несмотря на большое количество научных работ, посвященных этой проблеме, понятия «образность» и «экспрессивность» как аспекты значения слова остаются спорными, образная лексика нередко отождествляется с лексикой экспрессивной. В данном случае рассматриваются вопросы о семантической основе образности и экспрессивности языковых единиц, а точнее семантическое поле языковых единиц, в составе образных и экспрессивных лексических средств современного русского языка.

Основой речи образной лексики современного русского языка может быть также семантический признак современного слова. Следовательно, семантическое поле языковой единицы состоит из одного метода развития составляющего слова, к которому относятся различные слова с данной проблемой.

Это разделение состоит в различии истории и культуры другого народа, который имеет свои традиции и обычаи. Поэтому семантическое поле языковых единиц является ментальной сущностью народа. В каждой

стране слово «семантическое поле языковых единиц» имеет связь с принципиально важными знаниями о развитии мира, которые не имеет другой народ. Различные системы семантического поля языковых единиц проявляются в той или иной картине мира. Эта проблема как картина мира показывает понимание реальности человека, его особые концептуальные рисунки понимания жизни.

Размытые термины приводят к расплывчатым образам; расплывчатые образы влияют на искажённое восприятие реальности. Языковые единицы способствуют формированию понимания: нечёткие выражения приводят к неопределённым концепциям; неопределённые концепции искажают восприятие окружающего мира. Выбор лексики влияет на сознание: неточность в словах ведёт к неясным представлениям; неясные представления искажают образ действительности.

Стоит признать, что именно речь способствует зарождению и формированию мировых явлений. Без слов эти явления остаются для нас неопределенными и непостоянными. Слова играют ключевую роль в возникновении и конкретизации явлений мира. Без них мы воспринимаем эти явления как нечто неустойчивое и неопределенное. Слова обладают уникальной силой отражения и оформления явлений мира. Без них они кажутся нам непостоянными и не имеющими четких границ.

Выводы по первой главе.

Таким образом, в данной главе были рассмотрены понятия семантического поля языковых единиц и картины мира. Определение семантическое поле языковых единиц как картины мира - явление отдельное, общественное и языковое одновременно.

Также, было представлено разъяснение разнородности концептуальной и языковой картины мира. Пересмотр разных явлений фактов и обстановки находят свое отражение в языковой картине мира. Определение «семантическое поле языковых единиц» рассматривается с разных сторон

науки о языке: как лингвистическое культурологическое и как философское понятие.

Можно отметить, что в настоящее время высокой степени перспективности представляют исследования в современной лингвистике, которые указывают на рассмотрение различного рода закономерностей в строении современного языкознания и сознания человека.

Отмечается, что в природе не исследуются простые семантические языковые единицы, а рассматривается как бы некий шифр. Следовательно, семантика языковых единиц состоят из одного способа развития составляющего слова, которое отражает данную проблему. Выясняется, что каждое сравнительное слово относится к одному семантическому полю. В этом аспекте участвует когнитивная способность, которая приводит к процессам, сопутствует обработке данных, и в итоге образуется отличительная структура сознания. При этом случае языковая, а именно разговорная активность служит одним из видов когнитивной деятельности.

Выясняется, что когнитивистика или понимание языковой ситуации мира охватывает многие области изучения языка, который имеет собственную языковую среду. В кругу её разнообразности вступают мышление, рассуждение, в результате чего возрастает интерес к данной науке о языке.

Научное и эмоциональное представление модели мира или как принято говорить в языке науки «Языковая картина мира», заключается в глубоком понимании человека в мире, и понимания мира внутри себя. Исходя из всего этого модельное создание мира неразрывно связано с языком и находится с ним во связующем звене, и в данном случае язык играет огромную роль в этой связи.

Именно поэтому, на современном этапе в лингвистике семантическое поле языковых единиц изучается и рассматривается многогранно, но и с культурологической национальной и дидактической точки зрения, и основное место в нем имеет подбор и сопоставление слов.

Безусловно, стратегии изучении семантического поля тоже, играет немаловажную роль и в лингвистике используются для решения различных проблем, выражающих различные точки зрения в данной области. Исследование языковых единиц является новым и актуальным направлением в современной лингвистике, оно позволяет рассматривать лексические слова в контексте культурной проблемы, познания и коммуникации данного семантического поля.

ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО - СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ «ЛЮБОВЬ» И «ВЕРНОСТЬ» В ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Отражение семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в лексикографических источниках сопоставляемых языков

Язык — это проявление «духа народа», культуры как целостного органического единства, средоточием которого являются этические принципы.

Изучение языка — это изучение структуры понятия в лингвокультурном содержании, поскольку структура состоит из концептуальных, ценностных компонентов.

Н.К. Бойматова подчеркивает, что: лексикографическое значение формулируется на основе анализа многочисленных контекстов, употребления слова путем логической редукции семантических признаков, признаваемых лексикографом несущественными. Если термин различается по разным денотатам, то рассматриваются различные значения, которые имеют расположение от основного слова к производному или составному и наиболее позднему по своему происхождению» [27, с. 184]. Данные термины связаны между собой семантической производностью или же самой этимологии слова. Такой анализ производится, чтобы выявить исходное содержание семантического поля языковых единиц и изменения, произошедшие в его содержании. С этой целью мы определяем этимологический ярус семантического поля языковых единиц «любовь» (муҳаббат, ишқ) и «верность» (вафо, садоқат), и для рассмотрения данных языковых единиц мы прибегли к рассмотрению словаря «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» который состоит из двух частей, под редакцией С. Назарзода, где указана этимология данных лексем:

1. **Ишқ** –**محبت** 1. дӯстдорӣ, муҳаббат; изҳори муҳаббат кардан ошиқиву дӯстдории худро маълум намудан. 2. меҳр; майл, ихлос. Муҳаббат поктарин

ва самимитарин ҳисси руи замин аст. Любовь - любить, любовь, признаватья в любви показывать свою влюбленность. 2. любовь; верить в любовь.

2. **Вафо –وفا** , ***садоқат*** восходит к арабскому языку ***صداقتse(a)dāqat,*** бачо овардани қавлу ваъда; пойдорӣ дар аҳду паймон, садоқат дар дӯстию муҳаббат, сидқ: меҳру вафо, сидқу вафо; вафо доштан садоқат доштан; содиқ будан, дар аҳди худ устувор будан; вафо кардан (намудан) ба аҳд (паймон, ваъда ва қавли худ) устувор истодан, садоқат нишон додан, иҷро кардани аҳду паймон ва қавлу ваъдаи худ; агар умр вафо кунад… агар умр боқӣ бошад…, агар зинда бошем… Вафодорӣ وفاداري содиқ ва устувор будан дар муҳаббат ва дӯстӣ, бовафоӣ, садоқат, ҳақшиносӣ, қадршиносӣ, сипосгузорӣ: вафодорӣ кардан, вафодор нишон додан. Муҳаббат ва вафо ҷудонашаванда аст, дар он чое, ки ишқ ҳаст, вафо, ҷой дорад, дар он ҷо вафо ишқ хаст. Быть верным своему обещанию; непоколебимость в верности, верность в дружбе и любви, честность; быть верным завету (завету, обещанию или клятве); стоять твердо, проявлять верность, исполнять свой завет, обещание или клятву; если жизнь будет верной…, и мы будем живы.

В ходе лексикографического анализа семантического поля языковых единиц «любовь» (муҳаббат, ишқ) «верность» (вафо, садоқат) в таджикском языке мы определили **базовый уровень** исследуемых языковых единиц следующим образом**:**

- *муҳаббат (сломанный, неисправный, затемненный «о разуме»);*
- *ишқ (чувство крайней привязанности и любви к чему-либо или кому-либо, любовь, похоть);*
- *ишқандеш (тот, кто всегда думает о любви и не позволяет ничему другому прийти на ум);*
- *ишқбоз (тот, кто чрезвычайно увлечен чем-то или кем-то, возлюбленный);*
- *ишқгарӣ* (любовная связь, флирт);
- *ишқоин* (любовник);
- *ишқомез* (*романтично, с любовью);*

- *бовафо* (преданный, верный, надёжный);
- *вафодор* (преданный, верный, выполняющий обещание);
- *вафокеш* (преданный, верный);
- *вафопеша* (преданный, верный);
- *содиқ* (верный, преданный, правдивый, искренний);
- *садоқатманди* (преданность, верность, искренность, правдивость);
- *ихлосманд* (искренний, преданный, привязанный)*;*
- *сидқ* (правдивость, искренность, преданность);
- *аҳд* (обещание, обет, клятва).

В русском языке толкование данных языковых единиц по словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «Толковый словарь русского языка» определяется так: «Любо́вь, любви, тв. п. ю, ж. 1. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. Чары, ожидание, муки любви. Признание в любви. Объясниться в любви. Брак по любви, без любви. Выйти замуж по любви (за любимого человека). Любовь до гроба (вечная). Любовь прошла, ушла, угасла. Страдать, сгореть, умирать от любви. Страстная, взаимная, безответная, платоническая, романтическая любовь. Любовь с первого взгляда (возникшая сразу с первой встречи). Склонить к любви. Любовью не шутят (посл.). Любовь не картошка (не пустяк, не безделица; прост. шутл.). Дитя любви (о желанном и любимом ребёнке). Любовь зла (о том, что любимого не выбирают)» [151, с. 532].

В «Большом российском энциклопедическом словаре» с. Приводится следующее значение слов «любовь» и «верность»:

1. «Любовь» — это личное чувство, принадлежащее одному человеку, которое связано с другой личностью. Данное чувство возвышено и не имеет конкретики, общую идею и витает в облаках. В художественной литературе и поэзии – это космическая сила, подобна сила тяготения. В античности Любовь – красота неземная, которая приводит к духовному богатству. [158, с. 685].

2. «Любовь» – любви – любовью, ж. привязанности, сердечного влечения. Любовь к родине, материнская любовь, горячая первая любовь, Взаимная любовь; Этот человек – её первая любовь (первый возлюбленный). Любовь с первого взгляда (возникшая с первой встречи).

3. «Любовь» – чувство глубокой привязанности, преданности кому-, чему-либо, основанное чувство на признании высокого значения, достоинства, на общих целях, интересах и т.п.

Люблю отчизну я, но странною любовью!

Не победит ее рассудок мой. (Лермонтов, «Родина»)

4. Любовь к кому, чему. Прежде всего, ссыльного гонит с Сахалина его страстная любовь к родине. (А.П. Чехов, «Остров Сахалин»). Я нередко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими, русским искусством. Потом я научился слышать в ней отзвук глубоко скрытой, радостной любви к рабочему народу. М. Горький. // Чувства склонности, привязанности к кому-либо, вытекающие из отношений близкого родства, дружбы, товарищества и т.п. такую же безграничную любовь, которую внушала мне сестренка, чувствовал ко мне брат Вася. Фет, Ранние годы моей жизни. Любовь также, - чувства, горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола.

Я вас любил: любовь еще, быть может,

В душе моей угасла не совсем;

Но пусть она вас больше не тревожит;

Я не хочу печалить вас ничем. А.С. Пушкин [100, с. 455].

Я вас любил... вся дышала счастьем и любовь с тех пор, как приехал Николай, и верная, непоколебимая на него. Л.Н. Толстой «Война и мир». Также, любовь – внутреннее влечение, внутренняя склонность, тяготение к чему-либо. Любовь к чему. Наша связь основана не на одинаковом образе мыслей, но на любви к одинаковым занятиям. А.С. Пушкин. Письмо П.А. Катенину» [99, С. 73-79].

Языковая единица «верность» – 1. «Чувство близости, основанное на преданности, симпатии к кому-чему-нибудь. Верность к семье; Он верный

семьянин». 2. Верность – исполненный любви и верности к кому-чему-н. Верный друг. Предан своему делу. 3. Верность – проникнутый любовью и верностью к кому-чему-либо. Хоменко любил коня, и конь, верно, любил его, потому что это был умный и преданный конь. В. Кожевн. Казаки» [142, с. 1582].

Поэтому мы, вслед за Ю.С. Степановым, считаем, что языковую единицу «любовь» можно отнести к языковым единицам - константам, имеющим в культуре статус базовых, т.е. наиболее важных, влияющих на развитие других языковых единиц и всей концептосферы в целом.

По мнению представителей Волгоградской школы (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин) ценностный компонент является центром семантического поля, поскольку в нем отражается национальная система идей и ценностей того или иного этноса: *гувоҳи ошиқи содиқ дар остин бошад; беҳтарин ёри вафодор китоб аст* (самый лучший и верный друг – книга); *ваъда додӣ – вафо кун, қавл додӣ – иҷро кун* (обещал, будь верен своему обещанию; дал слово, выполняй его).

В научной литературе существует немало работ, посвященных различным аспектам семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» и связанных с ними лексико-семантических признаков.

Образность как речевое явление представляет собой способность речи вызвать чувственно-образные представления и ассоциации. Основой речевой образности является образность языковая, или образность как семантический признак слова. Лексическое значение слова целесообразно изучает как совокупность денотативного, коннотативного и образного компонентов. Денотативный компонент есть часть значения знака, отражающая в обобщенной форме предметы и явления объективной действительности. Коннотативный компонент, характеризующий ситуацию общения, участников акта общения и их отношение к предмету речи, включает в себе чувствительный примерный усиленный и стилистически окрашенные компоненты. Чувственный составляющий элемент отображает действия,

переживания, и эмоции субъекта в определенных явлениях, например звездочка солнышко; в частности данные компоненты в виду его оценочности отображают одобрение и отрицание путем предмета речи говорящего; усиленный расширительный компонент отображает в частности степень проявления действия признака; стилевой компонент обозначает слова и словосочетания, связанные с определенными словарными единицами, принадлежащими к некоторым сферам жизни или ситуативным поведениям на тот момент для развития языка, слова могут быть возвышенными или разговорные.

Образный компонент значения — это обобщенное, чувственно-наглядный образ предмета, называемого знаком. Образный компонент является составной частью значения слова, несмотря на то что наряду со словесными единицами, семантика которых предполагает присутствие образа-представления (конкретная лексика), существуют словесные единицы, лишенные данного семантического признака (абстрактная лексика). Семантическую структуру следует рассматривать как содержащую нулевой образный компонент значения. Образный компонент значения слова всегда обусловлен исторически и национально - культурно. В целом наличие данного компонента в значении слова объясняется своеобразием процесса человеческого мышления, сочетанием в нем абстрактного и конкретного, чувственно - наглядного и отвлеченно-понятийного. Аналогично другим компонентом значения, образный компонент может занимать различные положения в семантической структуре слова, входить в число основных или неосновных, эксплицитных или скрытых сем, может быть актуализирован в речи, а может оставаться и нереализованным в зависимости от цели употребления словесного знака. Очевидно, что любое определенное слово, которое имеет свою систему словообразования способна в некоторых контекстах актуализировать и представить в составе основного слова. Хотелось бы отметить, что существует несколько неординарных пластов слова, так называемых слов – образов, в которых определенный компонент

слова играет основную роль и является сердцевиной смысла слова и может оказывать особенное значение воздействия на его формирование [61, с. 381].

В составе образной лексики русского языка выделяются два типа словесных единиц: единицы языка с определенной мотивационной образностью не имеющие в основе своей первичную номинативную базу слова и выражения с яркой внутренней формой выражения языка.

а. Языковые единицы, имеющие образное представление с разных сторон, а именно с языковыми знаками, существующие в традиционной форме и имеющие яркую окрашенность формы языка, и с другой семантической номинативной лексикой.

б. Некоторые слова с ярко выраженной формой не могут быть однородной. В таких словах наблюдаются слова и единицы с определенным значением, семантика которых состоит из денотативного компонента в сочетании как основная названность предмета или явления.

Вместе с тем в группу слов с яркой внутренней формой входят лексемы, обладающие эмоциональными и оценочными компонентами значения: очковтиратель, мироед, крохобор и т.п. В результате метафорического переосмысления самой внутренней формы слова образ - представление как основа номинации подобных словесных единиц подвергается существенной трансформации и подчиняется основному, эмоционально - оценочному компоненту значения [10, с. 28-41].

2. Семантические производные номинативных лексем включают в себя зооморфизмы и другие «проекции на человека» (артист, заноза), метафорические предметные образы (будка – о лице), глагольные метафоры, метафорические обозначения качеств и признаков и т.д. Метафорическая образность предполагает наличие достаточно живого и яркого представления о предмете или явлении, признаки которого переносятся на другое явление. Изменение денотации при переносе сопровождается в подобных случаях определенным «измененым» денотативным элементом и эмоционально оценочным и актуальный смысл слов представлен только образным

компонентом значения: гореть (о лице), ломать (о жизни) и т.п. Подобные словесные единицы близки к стертым метафорам [34, с. 185-206].

3. Помимо слов с мотивированной образностью в русском языке существует весьма специфическая группа слов, для которых образные ассоциации оказываются важными. Это слова, не имеющие первичной номинативной базы: олух, хмурь, фифе и т.п. М.И. Черемисина отмечает, что: «Подобные словесные единицы являются изобразительными. На первое место в семантической структуре изобразительных слов выдвигаются оценочные, эмоциональные, стилистические семы, подкрепленные образным компонентом значения, который оказывается неопределенным, размытым. Как не могут быть однозначно описаны денотаты слов типа «мымра» или «хмурь», и денотативное содержание подобных словесных единиц, в источниках пишется, что меняется в зависимости от ситуации. Индивидуальный опыт участников коммуникации, так и образный компонент значения этих слов может по-разному обрабатываться в индивидуальном сознании и в связи с этим более или менее существенно варьироваться» [10, с. 28-41].

Если об образности следует говорить, прежде всего, как о явлении языка и потом уже речи, то что «если термин «экспрессивность» в широком понимании стал традиционным, то его второе, узкое значение в целях удобства терминологии должно быть закреплено за другим наименованием» [70, с. 142].

Кроме этого, указывается, что «У большинства современных лингвистов не вызывает сомнения тот факт, что основу речевой экспрессивности составляют некоторые семантические свойства языковых единиц. Однако при определении сущности и «набора» этих свойств возникают серьезные разногласия. Учитывая мнения В.В. Виноградова и Ш. Балли о том, что «основу речевой выразительности составляют выраженные в словах объективно существующие эмоции и оценка предмета речи горящими» [35, с. 99-152], следует признать, что именно наличие в

семантической структуре словесных единиц, выраженных эмоциональными и оценочными семами, целесообразно использовать в качестве основного критерия при определении границ экспрессивной лексики» [70, с. 142].

По мнению Н.А. Лукьяновой, «Анализ материала словарей и речевых произведений показывает, что в современном русском языке существует минимум четыре разряда слов, в семантике которых эмоциональные и оценочные компоненты всегда играют ведущую роль классификацией экспрессивной лексики» [81, с. 136].

В литературных словарях и глоссариях указано, что эмоциональные слова в смысловом значении, в которых главная роль принадлежит коннотативному компоненту могут определять речь, в которой, ярко выражена семя интенсивности эмоциональности и сценичности. К примеру, дарить – «быстро говорить, читать, идти, ехать; «тащиться «идти, ехать медленно»: чистюля – «педантичный любитель чистоты, чрезмерно брезгливый человек» и т.д.». очень велико [81, с. 136].

Также подчеркивается, что «в зависимости от соотношения коннотативных сем в этом аспекте выделяются две группы:

1) слова, в семантической структуре которых наибольшей значимостью обладает интенсивный / экстенсивный компонент значения: мямлить – «медленно, неинтенсивно говорить или действовать» (с эмоцией неодобрения и отрицательной оценкой); тощий – «очень, в высшей степени худой» (с эмоцией неодобрения и отрицательной оценкой и т.п.). Денотативная, отнесенность подобных словесных единиц во многих случаях оказывается неопределенной и размытой и конкретизируется лишь контекстом;

2) слова, в семантической структуре которых ведущая роль принадлежит эмоционально-оценочным компонентам значения: трудяга – с эмоцией одобрения и положительной оценкой о человека, который много и хорошо работает; тупица – с эмоцией неодобрения, пренебрежения и

отрицательной оценкой о человеке очень глупом, несообразительном и т.п.» [81, с. 136].

По второму разряду слов, в соответствующих источниках отмечено: «Эмоционально - экспрессивные слова, коннотативный компонент которых включает в себя выраженные семы эмоциональности, оценочности и стилистической отнесенности: плут не – с эмоцией неодобрения и отрицательной оценкой о хитром и изобретательном обманщике или человеке коварном; старикашка – с эмоцией презрения и отрицательной оценкой о старом человеке и т.д. Денотативный компонент подобных слов в одних случаях имеет совершенно определенное содержание и не меньшую значимость, чем коннотативный компонент, а в других конкретизируется лишь в условиях контекста (душечка, лапочка). К выделенному разряду экспрессивной лексики относятся также эмоциональные обращении типа «голубушка», «соколик», «милочка» в которых эмоциональность «поглощает» все остальные компоненты значения» [67, с. 240].

Третий разряд это: «Образно-экспрессивные слова, в семантическую группу которых, помимо денотативных и коннотативных эмоционально-оценочных сем, входит выраженная сема образности. К данной группы относятся:

I) слова с яркой внутренней формой: крохобор, лизоблюд и т.п.;

2) семантические производные номинативных лексем орел, змея - о человеке:

3) изобразительные слова: фифе, охламон и т.п.» [67, с. 240].

Последний, чартерный разряд, это: «Экспрессивно-стилевые слова, в семантической структуре которых особую значимость имеет компонент стилевой отнесенности, подкрепленный семами эмоциональности и, как правило, оценочности: лик-торжественно, возвышенно, с эмоцией восхищения и положительной характеристикой лица; дерзание, торжественно возвышенно, с положительной эмоцией и оценкой благородного стремления. Экспрессивно-стилевые слова, традиционно

именуем не как торжественно-возвышенные, имеют четкую денотативную отнесенность, их эмоционально-оценочная направленность и выразительность обусловлены традициями употребления в высоких, торжественных ситуациях общения» [67, с. 191].

К их числу относятся и некоторые поэтизмы – слова, традиционно употребляющиеся в художественной литературе, преимущественно в классической поэзии: уста-торжественно, возвышенно, с эмоцией восхищения и, как правило, положительной оценкой о губах; муза – о поэзии торжественно, возвышенно, с положительной эмоциональностью и оценкой и т.п. На примере таджикской литературы можно наблюдать рассматриваемый нами концепт «любовь» в следующих примерах:

Мадеҳ чун булҳавас дар сина ҷо ишқи маҷозиро,

Макун бо маъсият олуда домони намозиро (Сайидо Н.).

Не предавайтесь страсти к груди мужской любви,

Не позволяйте подолу молитвы быть запятнанным грехом. (перевод)

За любовь к тебе пусть все осудят вокруг,

Мне с невеждами спорить, поверь, недосуг.

Лишь мужей исцеляет любовный напиток,

А ханжам он приносит жестокий недуг (Омар Хайям).

Ишқи ҳақиқӣ дар тасаввуф – ишқи илоҳӣ, ишқи худо ва ҳар чӣ ба он дунё алоқа дорад ва сӯфиён онро ба ишқи ин дунё, ки гӯё ишқи маҷозист, муқобил мегузоштанд; ишқ бохтан (ё варзидан) ошиқӣ варзидан, муҳаббат намудан.

Это божественная любовь, любовь Бога и всего, что связано с тем миром, а суфии противопоставляли ее любовь этому миру, которая подобна метафорической любви; влюбиться (или заняться любовью) заниматься любовью, или любить.

Однако, что большинство поэтизмов в таджикском и русском языке с эмоционально-оценочной точки зрения нейтральны и не воспринимается как выразительные.

Наличие образного компонента значения в семантической структуре образных единиц усиливает их выразительность и силу воздействия на воспринимающего. Таджикско-персидские поэты и писатели часто обращались в своем творчестве к языковой единице «любовь» и «верность» для увеличения экспрессивности своих произведений. Данные примеры могут послужить наглядным подтверждением:

Чун муҳаббат шуд эътидоли мизоҷ,

На азимат асар кунад, на илоҷ Саадӣ [156, I том, с. 79].

Когда любовь стала нормой,

Нет лекарства, нет решения

Аҳмад, ки димоғи ӯ мушавваш ва муҳаббат буд, бо писари Юсуф Сабуктигин ва писари Алӣ хешованд, … Масъудро куштанд. «Равзат-ус-сафо» (Ахмад, чей разум был наполнен страстью и любовью, был родственником сына Юсуфа Сабук-Тегина и сына Али, ... Они убили Масуда. «Раузат-ус-сафа»).

Ишқ – ҳисси дилбастагӣ ва дӯстдории аз ҳад зиёд ба чизе ё ба касе, муҳаббат, шефтагӣ. (Любовь — чувство крайней привязанности и ласки к чему-либо или кому-либо, привязанность, вожделение).

Падид ояд он гоҳ борику зард,

Чу пушти касе, к-ӯ ғами ишқ хард (А. Фирдавсӣ).

Тогда он кажется тонким и желтым,

Как чья-то спина, кто о любви беспокоится

Эй бародар, ишқ савдое хуш аст,

Дӯзах андар ошиқӣ ҷое хуш аст (Анвари) [156, I том, 87 с.]

О, брат, любовь — выгодная сделка.

Ад – счастливое место в любви.

Ишқи комил ишқи пурра, ишқи бенуқсон. (Идеальная любовь, совершенная любовь, полная любовь).

Ба ҳар водӣ ба зӯрӣ ишқи комил

Ба сайри ғам зада сарпанҷаи дил (Мулҳам)

Идеальная любовь к каждой долине,

В путешествии печали сердца находится в клетке.

Ишқи маҷозӣ дар тасаввуф – ишқ ба ин дунё ва ба алоқаҳои дунёвӣ, ки ба ақидаи сӯфиён ҳама мавҳум буда, ишқи ҳақиқӣ фақат дар он дунё мебошад. (Метафорическая любовь в суфизме — это любовь к этому миру и мирским отношениям, которые, по мнению суфиев, иллюзорны, а истинная любовь существует только в загробной жизни).

Биншинаму бо ғами ту созам,

Пинҳон зи ту бо ту ишқ бозам (А. Ҷомӣ).

Я буду сидеть, и заниматься твоей печалью,

Я буду тайно заниматься с тобой любовью.

Манам, ки шӯҳраи шаҳрам ба ишқ варзидан,

Манам, ки дида наёлудаам ба бад дидан (Х. Шерози) [156, I том, с. 90].

Я, слава моего города, влюбляюсь

Я тот, кто никогда не видел зла.

Ишқандеш – он кӣ ҳамеша аз ишқу муҳаббат фикр мекунад ва фикри дигаре ба хотираш намегузорад. (Тот, кто всегда думает о любви и не оставляет в уме никаких других мыслей).

Что такое любовь? — Боль любви — это чувство души человека или любого другого существа, страдающего от безответной любви. Любовь сама по себе является большой потребностью в ком-то или чем-то. Если кому-то что-то очень нужно и это для него очень ценно и полезно, то этот человек полюбит эту вещь. Например, кому-то нужна красивая девушка, красивый юноша, много денег, стильный дом, новая машина, красивая одежда, красивый телефон и т. д. Впадает в боль своей любви.

Здоровый человек может ощущать боль любви в жизни почти до конца жизни, но относительно больше страдает его молодость. О боли любви в жизни человека написано множество стихов и фильмов. Например,

таджикские певцы Шахром Абубакр и Фариддун Хуршед вместе прочитали стихотворение «Боль любви», поэма о любовной боли (Шахром и Фариддун).

Состав и объем образно-экспрессивных единиц принципиально отличаются от состава и объема экспрессивного словаря, представленного лексемами, в значениях которых присутствуют выраженные семы эмоциональности и оценочности.

В словах образно – экспрессивных, эмоционально-оценочные семы как основа экспрессивности словесных единиц, сочетаются с образным компонентом значения, что позволяет квалифицировать подобные слова и как образные, и как экспрессивные. Выразительность слов других разрядов экспрессивной лексики не связана с их образностью. В то же время некоторые образные слова с экспрессивной точки зрения являются нейтральными.

А.П. Бабушкин отмечает, что «Сопоставление образной и экспрессивной лексики русского языка, сравнение семантических структур слов рассматриваемых разрядов подтверждает мысль о том, что не существует жесткой связи между образностью словесной единицы и ее экспрессивностью; образное не всегда является экспрессивным, и наоборот» [14, с. 52-57].

Изучение словообразования в рамках семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках дает возможность выявить обобщенные, категориальные значения и тем самым наметить некоторые когнитивные модели, лежащие в основе исследуемого семантического поля языковых единиц на словообразовательном уровне в сопоставляемых языках.

По приведенным примерам можно убедиться, что семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» является значимым на протяжении всей жизни каждого человека, это в очередной раз доказывает большой интерес к данному семантическому полю.

2.2. Понятие «семантическое поле языковых единиц» и его мыслительно-абстрактное значение в таджикском и русском языках.

В разных научных источниках отмечено, что «в принципе понятие «картина мира» или семантического поля языковых единиц имеет позитивный смысл только в случае, если концептуальный аппарат человека действительно отражает истинное бытие объективного мира, в противном случае, это понятие может обозначать любое произвольное творение человека – от простой выдумки или заблуждения до самой причудливой фантазии. Естественно, понятие «картина мира» и семантическое поле языковых единиц» должно иметь категориальный смысл и соотноситься с совокупностью знаний человечества в определенный исторический период и рассматриваться как этап познания человеком мира на бесконечном пути развития человеческих возможностей и прогресса техники и науки. Более ограниченное понимание картины мира (применительно к отдельному человеку, отдельному социуму, коллективу, классу, народу и т. д.) может рассматриваться лишь как часть целого. В формировании картины мира язык, как мы уже говорили, выступает не демиургом этой картины, а лишь формой выражения понятийного (мыслительно-абстрактного) содержания, добытого человеком в процессе своей деятельности (теории и практики). Как способ выражения мышления, а следовательно, и познания, язык выступает в качестве средства, замещающего в познании человека предметы, связи и отношения мира, он является как бы создаваемым объектом. Создание этого языка-объекта и его функционирование есть следствие развития человека как биологического существа, другими словами, создание языка-объекта есть результат взаимодействия мира и человека, а его когнитивное наполнение есть результат активного освоения человеком окружающего мира. Можно сказать, что язык выступает формой овладения миром, но не формой особого мира. Вот почему нельзя говорить отдельно о языковом сознании, отдельно о языковом третьем мире и отдельно о языковой картине мира» [17, с. 124-141].

Наличие в науке целого ряда существенно-отличных друг от друга определений термина приводит некоторых исследователей к выводу о его исключительной многоликости. Такое заключение, как представляется, отражает лишь одну сторону проблемы. Разноречивость трактовок одного и того же объекта в определениях науки не только разноречивостью объективно свойственных ему характеристик, но и таким субъективным фактором, как выбор исследовательского подхода к нему. Уместно в этой связи помнить о том, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его». Выбор же того или иного подхода к объекту изучения в существенной степени зависит от целей исследования, которые в свою очередь, не безразличны к тому, какие конкретные единицы, подводимые под предварительно выделенную категорию подвергаются изучению. Иначе говоря, реальные объекты в значительной степени предопределяют цели исследования, а последние, в свою очередь, могут оказывать воздействие на трактовку этих объектов и отбор признаков, образующих основное содержание соответствующего понятия.

Обращение к терминоведческой литературе наглядно иллюстрирует это положение. В течение длительного времени господствующей здесь является такая трактовка природы терминологичности знака, при которой терминами считаются слова или словосочетания, называющие (выражающие, обозначающие и т.п.) специальные понятия. При этом наиболее отчётливо данный подход проявляется именно в тех работах, которые посвящены исследованию технических и профессиональных терминов и имеют своей конечной целью осуществление лингвистической нормализации отраслевых терминологий.

Специалисты, занимающиеся решением этой задачи, предлагают строго разграничивать три вида усовершенствования терминологии: упорядочения, унификации и стандартизации. Под упорядочением понимается приведение терминологии в известный специалистам данной области порядок: под унификацией – сведение способов и средств

построения терминов к некоему оптимальному минимуму и, наконец, под стандартизацией – утверждение обязательного для данной области терминологического стандарта.

Выделение этих трёх типов нормализации имеет не только практическое, но и немаловажное терминологическое значение. Практика показывает, что технические и профессиональные отраслевые терминологии поддаются проведению всех видов лингвистического усовершенствования, хотя это и связано с немалыми трудностями. Что же касается терминологий ряда наук, в частности языкознания, то здесь дело обстоит иначе. Терминология лингвистики, например, вполне поддается упорядочению в указанном выше смысле слова. Такое упорядочение проводится всякий раз, когда теория и, соответственно, термины одного ученого критически перенимаются другим, вследствие чего они и приводятся в «известный данному специалисту порядок».

Осуществление унификации а тем более стандартизации на материале лингвистической терминологии представляется предприятием, хотя и желательным, но вряд ли осуществимым, как с практической, так и с теоретической точек зрения. Во-первых, характерной особенностью современного языкознания является сосуществование в нём одновременно нескольких часто противоборствующих школ и направлений, каждое из которых имеет свою собственную теорию и, соответственно, создаёт свой собственный формальный аппарат её описания. Термины лингвистики, таким образом, оказываются теоретически нагруженными, а потому несводимыми к единому инварианту. Исключительно распространено в языкознании и использование одних и тех же словоформ в качестве терминов в рамках разных теорий с разным семантическим наполнением. Во-вторых, сложный характер научной теории устраняет саму возможность предписывать какие-либо термины и выработать определенные рекомендации. По мнению Ф.М. Майника, для объяснения какого-либо термина необходимо иметь в своем распоряжении не один какой-то набор терминов. Также он утверждает, что

необходимо столько таких наборов, сколько потребуется для того, чтобы охватить все аспекты или все точки зрения на описываемый объект» [159, с. 190].

Невозможность проведения унификации и стандартизации терминов языкознания может рассматриваться как их существенная характеристика. Эта особенность выдвигает на первый план изучение их уже не с точки зрения того, какие понятия – «специальные», «научные», «профессиональные» – стоят за ними, и как они в них выражаются, а с точки зрения того, какими особенностями характеризуется использование лексических значений единиц языка, когда они функционируют в качестве терминов. В этом случае принципиальным является, например: разграничение, заложенное в природе термина, то есть разграничение его значения и связанного с ним понятия.

При исследовании технической и профессиональной терминологии с целью проведения лингвистической нормализации, заключающийся, в конечном счёте в том, чтобы добиться адекватного выражения терминами соответствующих понятий, данная проблема нередко либо просто снимается путём отождествления значений терминологической единицы и понятия, выраженного дефиницией, либо значению приписывается отражательная функция по отношению к понятию. Показательно, что многие из широко распространенных определений термина, выработанных на материале преимущественно технической и профессиональной терминологии, вообще обходятся без упоминания о значении. Основаниями для отождествления значения термина и основного содержания понятия, выражаемого дефиницией, или «растворения» значение в последнем является такие объективные факты, как семантического поля языковых единиц, единство технических дисциплин, кодифицированность большинства дефиниций терминов, устоявшийся характер их употребления в текстах, относительная стабильность значений. Наконец, коррекция, в ходе которой значение термина должно быть приведено в адекватное соответствие понятию, требует

лишь части технической и профессиональной лексики. Отсюда, естественно, и заключение, что в плане содержания термина между семантическим и логическим в принципе расхождении быть не должно. Не случайно термин рассматривается как знак особого рода, которому не свойственны случаи синонимии и полисемии, которые считаются характеризующие не природу термина как такого, а конкретные факты его функционирования [30, с. 48-50].

При лингвистическом исследовании в языкознании допустимость данного подхода вызывает сомнения. Термин, будучи знаком в качестве двусторонней единицы, обладает такой характеристикой, которой лишены односторонние идеальные сущности понятия, а именно, семантической или функциональной значимостью. Наличие значимости такого рода можно показать на примере терминов, соотнесенных с понятием, основное содержание которого выражается дефиницией «минимальная значимая (двусторонняя) грамматическая единица». Данное понятие фигурирует, например, в лингвистических концепциях Л. Блумфилда и В. Скалички. В понятии первого оно выражается термином «тагмема» (tagmeme), а в терминологии второго «сема» (sema). Хотя данные термины и соотнесены с одним и тем же понятием, значимость их различна. В теории Блумфилда термин «тагмема» отчётливо противопоставлен термину «морфема», так как они обозначают две разные – грамматическую и лексическую разновидности глоссемы, минимальная значимая единицы языка. У Скалички же подобные противопоставления отсутствуют; более того, сема выступает в роли составляющей морфемы [31, с. 30-39].

Учёт значимости особенно важен при рассмотрении такого существенного вопроса терминоведения, как структура терминологических систем. При ономасиологическом подходе под терминосистемой обычно понимается совокупность терминов, связанных различного рода отношениями и выражающих систему понятий данной области знания или деятельности. Отношения между терминами как лексическими единицами в

плане содержания, таким образом, фактически приравниваются к отношениям, существующим между понятиями, а если между ними и встречаются расхождения, то они должны быть устранены в ходе нормализации. Подход такого рода вызывает сомнения при работе с научной, в частности, лингвистической терминологией именно вследствие наличия у терминов значимости. Так как значимость представляет собой структурный элемент значения, то есть образуется в результате существования между языковыми знаками определенных отношений, не сводимых к отношениям между понятиями, то терминологическая структура оказывается нетождественной понятийной структуре.

Нетождественность этих двух структур в плане содержания признается многими исследователями, которые рассматривают терминосистему как субъективно-объективное образование, возникающее вследствие осуществления лингвистом-терминологом особых процедур упорядоченности. Однако, если целью исследования является рассмотрение системности лексики на материале терминологии, то объектом такого исследования должны быть не идеальные с точки зрения понятия, а реальные семантические структуры [33, с. 288].

При переносе понятий и процедур, выработанных на материале технических и профессиональных терминов, на терминологию такой науки, как лингвистика, закономерным является и понимание терминосистем противоборствующих в данной науке школ и направлений как вариантов некой общей системы.

Системное значение слова включает как ядерные, так и периферийные семы, общеизвестные для говорящего коллектива и являющиеся фактами языкового сознания. Из сказанного очевидно, что системное значение – величина усредненная, а значит, в известной мере – абстракция, подобная, например, фонеме. В своем полном объеме системное значение языкового знака представлено в сознании носителей языка, в актах же речи оно предстает в виде употребления, реализации. Как правило, такая реализация

является неполной, так как ни в одном мыслимом акте общения не может идти речь обо всех сторонах обозначаемого словом предмета, а лишь о некоторых из них. В связи с этим соответствующее значение и реализуется в объеме лишь необходимых сем [138, с. 416].

Набор сем, актуализованных в коммуникативном акте, обозначается термином «актуальный смысл слова». Актуальный смысл есть коммуникативно релевантная часть системного значения языкового знака. Актуальный смысл слова может включать семы различных типов, как ядерные, так и периферийные, в их различных сочетаниях.

Реализация системного значения в речи может протекать в разных формах в условиях переноса наименования, а также прямого, непереносного употребления слова. Рассмотрим сначала случаи прямого употребления слова.

Прямое употребление слова возможно в двух вариантах: традиционном и нетрадиционном. Традиционное прямое употребление слова представляет собой актуализацию преимущественно ядерных сем в их основном наборе. В случае нетрадиционного прямого употребления актуализируются преимущественно периферийные семантические компоненты. Например:

1. Традиционное прямое употребление: «Вас спрашивает какой-то мужчина». Актуальный смысл – «взрослое лицо мужского пола». Я люблю свою Родину – Таджикистан и цветущий зелёный город Душанбе. Актуальный смысл – «моя родина Таджикистан», и «Душанбе зелёный город».

2. Нетрадиционное прямое употребление: «Не бойтесь, с нами мужчина». Актуальный смысл – «физически сильное лицо, способное защитить». «Я готов защищать свою Родину, и готов хранить ей верность всю свою жизнь». Актуальный смысл – «физическое лицо, готовое защищать Родину». [40, с. 163].

В первом случае на таджикском языке данное предложение может звучать следующим образом: — Як марде шуморо мепурсад. Маънои аслӣ

«шахси марди калонсол» аст. Ман ватанам Тоҷикистонро ва шаҳри сарсабзу шукуфони Душанберо дӯст медорам. Маънои аслии он «ватани ман Тоҷикистон» ва «Душанбе шаҳри сарсабз аст».

Второй пример в переводе будет звучать следующим образом: — «Натарсед, он мард бо мост». Маънои аслии он «шахси аз ҷиҳати ҷисмонӣ қавӣ, ки қодир ба муҳофизат аст». «Ман тайёрам, ки Ватанамро ҳимоя кунам ва тайёрам, ки тамоми умр ба он содиқ бошам». Маънои аслиаш «шахси омода барои дифоъ аз Ватан». При переводе на таджикский язык все периферийные свойства сохраняются.

Эти семантические признаки относятся к разряду периферийных, но они в такой же мере системны, как и семы, актуализованные, в первом примере.

Таким образом, системное значение слова реализуется в речи в виде употреблений, которые могут быть как прямыми, так и переносными.
Окказиональные прямые и переносные употребления в равной степени выступают как актуализация части сем системного значения; при этом контекст употребления может окказионально вносить в актуальный смысл слова дополнительные семы. Если прямое или переносное употребление станет регулярным, то у слова появляется новый денотат, что означает переход употребления в новое значение; последнее приобретает тем самым статус системной семантической единицы.

1. Одним из важнейших языковых единиц, с которыми человеку постоянно приходится сталкиваться, в процессе его жизнедеятельности, является вопрос о любви или о верности. Под этими языковыми единицами здесь (согласно общепринятому употреблению этих слов) понимается не субстанциальное, а признаковое тождество каких-либо ситуаций, их эквивалентность (одинаковость) в некоторых важных моментах и отношениях в жизни человека. Самым обыденным элементом семантического поля языковой единицы «вафо»-«верность» является искренность и доверие в отношениях с другим человеком. И для того чтобы

это реализовалось в действительности, необходимо выполнение всего двух условий.

– «Вафо» – «Верность» – просто необходима в отношениях, то есть именно отражение того, что уже существует, Акбар дӯсти вафодор буд. Акбар вафодор будани худро нишон дод. В нашем доме живёт вера, её самое главное качество – верность. Оказалось, верность мой друг Михаил понимает по-своему.

– «Ишқ» – «Любовь» – это передача чувств и эмоций, которые испытывает каждый человек и передает в своей речи, но каждый человек чувствует по-своему и отбирает языковые единицы, подходящие для выражения мысли. И так как в данной работе нами рассматривается семантическое поле языковых единиц «Ишқ» и «Любовь», они содержат и передают идентичные состояния души и эмоции, которые соответствуют действительности [38, с. 64-70]. Например, Ишқ ба Ватан ҳисси олитарин аст. Ҳисси меҳру муҳаббати Алишер нисбати модараш беандоза буд. Люблю Отчизну я, но странною любовью. Иван Васильевич любил свою профессию учителя. Муҳаббати ман ба ту беандоза аст, аммо ман онро бо сухан ифода карда наметавонам. Моя любовь к вам безгранична, но я не могу ее выразить словами. Таджикские писатели пишут о любви так:

Ёд бод, он шӯри оғози муҳаббат ёд бод,
Ёд бод, эҳсоси эъҷози муҳаббат ёд бод.
Байни ду дил — байни ду сайёраи шӯру ҷунун
Дар фазои шавқ парвози муҳаббат ёд бод.
Синаам чун кӯраи пуроташе дармегириф’»,
Он ҳама сӯзи дилу сози муҳаббат ёд бод.
Баҳри як нозаш намегунҷид ҷонам дар бадан,
Он ҷавониҳову он нози муҳаббат ёд бод.

Быть в плену у любви, сердце, сладко тебе,
В прах склонись, голова, перед милой в мольбе.

Не сердись на капризы прекрасной подруги.
Будь за то, что любим, благодарен судьбе.

Отношение языковой единицы «верность» — имеет значение быть верным и говорить искренне, вдумчиво и намного более развернуто, чем то которое можно было выразить одним словом. Такие выражения могут быть искренними, обманчивыми, лживыми. Значение данного семантического поля языковой единицы может выражаться в морфологической форме наречия, которое можно отнести к глаголу речи, к примеру, искренне сказал, или прилагательное + существительное. (Они оказались искренни в речи…) или искренность слов, искренняя речь. При производном значении прилагательное определяет поведение людей, говоря, что он «внешне выглядел искренне», то есть говорил то, о чем думал и что хотел сказать» [76, с. 22].

Верность, как и искренность, в принципе, не определяется как характер, и не определяет его истинность. В некоторых случаях истина противопоставляется лживости и в этом отношении можно встретить ярко выраженную экспрессивность. Так же часто встречается противопоставление истинности и искренности, но в таком контексте понятие рассматривается как истинность – лживость, а искренность – обман. Так как в данной работе нами рассматривается семантическое поле языковых единиц «ишқ» и «вафо», «любовь» и «верность», то лживость и искренность со смысловой точки зрения имеют непосредственное отношение к данным языковым единицам, что раскрывает эмоциональность и придаёт экспрессию данному семантическому полю. Например, в таких примерах, как, ярко выражена, муҳаббати ҳақиқӣ, муҳаббати бардурӯғ, садоқати бардурӯғ, садоқати самимӣ; истинная любовь, лживая любовь, истинная верность, лживая верность. В данных примерах, ярко выражена эмоциональная экспрессивность данных языковых единиц. Когда мы говорим «искренняя любовь», то речь может идти об искренних возвышенных чувствах и переживаниях, состояние души передается красотой и умиратворением эмоций человека, передается одна

языковая единица искренности, но при словосочетании с любовью мы ощущаем состояния души. В примере «лживая любовь» можно определить состояние печали, грусти, предательство; не видя читатель ощущает эмоциональное состояние души человека. На примере языковых единиц «вафо» и «садоқат» нами рассмотрена «истинная верность», также языковая единица «верность» в сочетании с истинностью подводит к пониманию надежности спокойствию и уверенности о состоянии души. Пример, лживая верность: экспрессия, эмоциональная окрашенность видоизменяется и понимается ложь, предательство, недоверие. Таким образом, на примере в сочетании с истиностью и искренностью семантическое поле языковых единиц с эмоциональной окрашенностью принимает отрицание или положительные утверждения.

В таджикском языке языковая единица «верность» можно перевести следующим образом «вафо», «вафодорӣ», «садоқат», «содиқона» и при этом концепт «верность» никак не может утратить свое значение. При использовании слов синонимов происходит утверждение, противопоставление, или же описывается то или иное явление и состояние. Например, «Баъди баромад аъзоёни гуруҳ бо овози баланд ва фаҳмо бо якдигар савганди садоқатро хонданд, ки ягон калимаро омехта накарданд» – в данном предложении «савганди садоқатро хонданд» – имеет значение прочли клятву верности, а именно доказали свою верность – «вафодорӣ». Аксарияти пурсидашудагон бар ин бовараанд, ки зану шавҳар бояд ба ҳамдигар содиқ бошанд. – в данном предложение «содиқ будан» имеется ввиду быть верным. «Ҳокими ҷангал барои вафодор будан ба суханаш ба онҳо чашмони тез, гӯшҳои ҳассос ва саре дод, ки ба ҳар тараф чарх мезанад.» – в данном предложении языковая единица «барои вафодор», за «верность» – властитель царь одарил их привилегиями, в предложении семантическое поле языковой единицы «верность» выступает, как благо, так как за верность можно получить благодарность в ответ. Мардон низ ҳастанд, ки аз меҳнатдӯстӣ ва садоқати ҳамсаронашон истифода мебаранд – предложение в

сравнении с предыдущей языковой единицы «верность» представлен как «садоқати ҳамсаронашон истифода мебаранд» пользоваться верностью своих жён. В данном предложении семантическое поле языковой единицы «верность» выступает как качество, которым можно пользоваться, тогда, как данная языковая единица имеет значение быть верным. Аммо муҳимтар аз ҳама, дӯстӣ ва мардонагӣ, садоқат ба оила ва дӯстон аст. В этом предложении языковой единице «вафо» предпочли синоним «садоқат», что в данном контексте имеет значение «верность».

Фразы и слова, которые удовлетворяют чувства, и их передача путем речи и описания можно рассматривать как начальный пункт, с которого начинается старт за пределы констативных выражений в сфере этикетных речевых единиц. Они могут быть разнообразного характера и выражаться в благодарности, поклонении, сочувствию, ненависти и другие.

Слова и выражение слов такого характера могут проявляться в описании состояния души и чувства, которые можно испытывать в настоящий момент, так, как только в этот момент передается чувство искренности: «Искренне признателен вам за...; Искренне рад за…; Искренне соболезную вам в вашей …; Мои искренние соболезнования и т.д. Данные речевые выражения могут выражать искренность лишь тогда, когда имеют определенные ощущения и состояния в данный момент, из которого исходит речевой акт» [63, с. 154-171].

Позиция равенства, между предложенной программой и состоянием положения дел на данный момент могут выражаться в русской речи как «верность», «истина», что имеет выражение в таджикской лексике как «вафо», «ҳақиқӣ». Верность бывает истинной – вафодорӣ ҳақиқӣ. Взаимоотношение между словами «верность» и «истинность» может рассматриваться в контексте непосредственно как бы отвлеченно противодействию субъективных факторов. С осторожностью к мотивам такого характера можно рассматривать как само собой разумеющееся, оно мало волнует самого человека и его состояние, оно может стать значимой

если исключить из нее морально оценочного фактора, как условие обеспечивающее соответствие между действительностью, которая является значимой при рассмотрении. Как только проблема понимания верность и искренность является незначительной, то в этом случае нет надобности в рассмотрение данных языковых единиц, так как верность рассматривается в ситуации и при помощи эмоционально окрашенного состояния говорящего и это является одним из основных условий для рассмотрения семантического поля языковой единицы верность.

Языковая единица «правда», как и «истина», подразумевает в себе верность. Различия заключаются в том, что основное значение слово, «правда» или «верность» имеет набор комплексного характера: подход верности представляется в нем, как и то, что сделаны все условия соответствия такого рода, а именно:

а) если что-то предполагается в уме оно уже имеет место в действительности;

б) если то-что является верным оно соответствует тому, что подразумевает в уме говорящий [66, с. 28-33].

Семантическое поле языковой единицы «верность» имеет значение, которое неравноценно коммуникативным отношениям. В некоторых специфичных и неординарных ситуациях дается употребление верность, вафо, в соответствии во многом зависит от искренности и верности. Другими словами, языковая единица «вафо-верность» имеет отношение к значению слова «правда-рост» в коммуникативном преображении «верность-вафо» это «любовь-ишқ». Рассматривая находящиеся в связи слова верность вафо, искренность – истинность, садоқат, вафодори, верность – любовь. Это её разозлило – подобные хитрости казались оскорблением, принижали ценность друг другу.

Если рассмотреть данную языковую единицу на таджикском языке, то можно заметить следующие расхождения; «самимият» – «ҳақиқат», точнее «вафодорӣ» это «самимӣ аст», а именно «самимона» и исходя из этого

«вафодорӣ муҳаббат аст». Он фидокории самимона ва асбобҳои дурустро талаб мекунад. Давлат ҳамчун объекти садоқати самимӣ, ҳамчун чизе, ки қисми асосии гражданинҳо ва роҳи махфии ҳаёти онҳоро идора мекунад.

Рассмотрим различия по отношению к слову верности от любви, о которой отмечалось выше несмотря на то, что верность вкючается в логическое предположения. Данные отличия в коммуникативном отношении вводят в смысловых компонентов и в дискурс и указывают на отличия которое следует из того что имеет. Реальность единично «берет быка за рога», и включает в текст итоговый результат из которого следует что вафо, верность является основой жизненной позиции. Языковая единица «вафо-верность» дается как связь слово со словом «любовь», и только с этим эмоциональным чувством связаны эти слова. Своеобразное сочетание может звучать таким образом как верность является тенью любви и является источником доверия.

Данное утверждение также может быть ярко выражена в таджикском языке, где подчеркнуто что любовь может существовать пока есть верность. «Бигзор ишқ пажмурда шавад ё оташинашро аз даст диҳад, ки аксар вақт рӯй медиҳад ва пушаймон шудан ҷоиз нест, аммо аз ҳам ҷудо шудан ё зиндагии якҷояро идома додан, танҳо то он даме ки ба ишқи гирифташуда ва додашуда, ишқи муштарак, инчунин хотира - бошуурона ва миннатдор - дар бораи ин муҳаббат содиқ бошанд, ҷуфти ҳамсарон боқӣ мемонанд. В данном предложении слово любовь связана со словом верность, в предложении отмечается, что любовь может угаснуть или утратит пылкость, но пара остаётся парой лишь до тех пор, пока хранит верность любви. В следующем предложении: Корделия, духтари шоҳ Лир, таҷассуми муҳаббати фидокорона, садоқат ва дарки баланди вазифа мебошад. = в данном предложении любовь Корделии бескорыстна, она полна верности, как мы видим «любовь и верность» – это слова близнецы, которые должны находиться вместе или вблизи друг от друга.

Исходя из этого, объединением правил является то, что неверность – это обман и именно несоответствие действительности, так как это было не от души, типа обманчивой или «притворной верности» [75, с. 134-136].

Коммуникация структурных значений и слов «верность», накладывается деривативным словообразованием и синтаксисом, который определил имена речевых оборотов. Так, «правда» в понимании предикатива речевых единиц с синтаксическими различиями утверждают, что прилагательное может видоизмениться в определение при объединении в отдельную группу, например, история правдива, правдиво сказано, история правдивая, правдивый пересказ или же правильное утверждение. Определяя вторичное значение человек, сообщает о нем и о свойствах истины и при говорении не видоизменяет или как сказать не «искажает» ее. Если вышесказанное проследить в таджикском языке, то можно это представить в следующих предложениях. Вафодор мондан осон нест; вафодорӣ боз ҳам душвортар аст... Худро фиреб надиҳед: эҳтиром бо эҳтиром, эътимод бо эътимод, вафодорӣ бо вафо ва муҳаббат бо муҳаббат пайдо мешавад. В данном предложении утверждается «верность» порождает верность, а «любовь» рождает любовь и никак не иначе: «Ман бисёр чизҳоро медиҳам, то ки зиндагӣ ба мисли васвасаҳо, ҳамон тавре ки барои ман ширин бошад, то ман ба муҳаббат ва вафодорӣ ҳамон қадар сахт бовар кунам».

Речь не всегда может быть чрезмерно точной и по этой причине языковые единицы выражать неточность и неопределенность. И если быть более конкретным семантическое поле языковых единиц допускает исключение, а именно часто утверждает, что говорение правды должно соответствовать действительности и в частности правде и верить говорящему или нет, зависит от второй стороны речи.

Семантическое поле языковой единицы «вафо-верность» может меняться под влиянием ситуаций и текста. В данном случае, когда сомнения лишние, и неискренне и когда верность отвлечена от обмана и освобождает от вопроса об искренности и правдивости размышлений относительно

языковой единицы «верность-вафо», а также рассмотрение их с правильных позиций «любовь» и «верность» выпадают из значения и сливаются с истиной. Если привести пример с таджикского языка, то в следующих предложениях мы встретим, каким образом может меняться значение слово в контексте: «Охир, тамоми, ҷаҳон медонад, ки занҳо тағйирёбанда ва хиёнаткоранд ва вафодории зан назорати дақиқро талаб мекунад.» В данном предложении утверждается, что верность не всегда может быть правдивой она может быть обманчивой и мимолетной, впрочем, как и любовь. Но в следующем предложении: «Бале, як лаззати аламовар дорад, гап дар сари он аст, ки ишқ мисли барф мегузарад, оё дар ҳақиқат қасам хӯрдан лозим аст, дар вафодории қадим то абад? Итак, мы встретились с утверждением того что нельзя требовать и ожидать что если используется языковая единица «верность», то это правда и навека. Доказательством тому следующий наш пример: Аз ишқ ба нафрат як қадам. Ва аз ин баъд ӯ аз вай хоҳиш мекунад, ки ӯро дӯст дорад. Ман танҳо мехостам дӯстдошта бошам ва ту маро дӯст дорӣ, аммо ту маро нафаҳмидӣ. Аз хурдӣ ман ба рақс муҳаббати зиёд доштам аммо ҳозир…»

Необходимо отметить, что слова, используемые в речи, таким образом могут сохранять коммуникативность к примеру слова, «верность», и «обман», где ярко выражена неискренность. И точно, таким образом, может использоваться слово «ложный», который указывает на несостоятельную в действительности, но при этом нигде не оговаривается об источнике данного несоответствия в реальности. Языковая единица «обман» является противоположностью языковой единицы «верность», также данную языковую единицу можно рассматривать и в таджикском языке «вафо» и «бевафо», «обман – фиреб», но в этом случае человек не может объяснить и сказать, что вафо – это «фиреб ва дуруғ».

Языковая единица «вафо – верность» может употребляться как денотирующий термин как; изложить правду; правда всплывет наружу и тд. Также оно может использоваться как в утверждение действительного

положения вещей: верить в то что видел собственными глазами- в таджикском языке это может звучать таким образом: «Ман ба он чизе, ки, бо чашми худ дидам, бовар дорам», в этом предложении понятие верность рассматривается как истина-правда. Истину и правду можно знать, но можно и скрывать. Если рассматривать семантическое поле языковой единицы «верность» в коммуникативном отношении, то в языкознании можно рассмотреть также синонимы, а именно в таджикском языке синонимичный ряд языковой единицы «вафо» может выглядеть следующим образом: вафо – вафодорӣ, садоқат, боварӣ, ошкор, дарозмуддат - Садоқати ман нисбати бародарам зиед аст; Вай умри худашро ба ту бовари кардааст: Ошкор кардани кор ба хурсандӣ набуд; В языке верность можно рассматривать следующим образом – преданность, выдержка, откровенно; «Моя преданность по отношению к моему другу очень велика; Она вверила тебе свою судьбу; Твоя откровенность не принесла счастья никому.» В приведенных примерах верность рассматривается разностороннее, но при всех случаях сохраняет свое первичное значение и происхождение, которое в основном связано с причинными действиями и явлениями. Исходя из всего сказанного, наука о языке рассматривает и в тоже время обогащает речь говорящего.

Наличие человеческого фактора отчетливо выявляется в таком определении верности, как его рассмотрение разносторонне и контролируемость в речи. Не часто в интересах людей говорить правду, истину, вверять себя кому или чему-либо, всем известно, когда раскрыта правда человек становиться уязвимым, что не в его пользу. В этом случае концепт рассматривается как эмоционально экспрессивное явление и подстраивается под человеческий фактор.

Рассмотрим антонимичный ряд языковой единицы верность в таджикском и русском языках «вафо» – бевафо, хиёнат, бесадоқат, паймоншикан, аҳдшикан, беаҳд. На примере данные антонимы имеют более экспрессивную эмоциональную окрашенность, например: Муҳаббати ту

нисбати ман бевафо буд; Карим нисбати Малика хиёнат кард, вале Малика ӯро бахшид; Муҳаббати аҳдшикан; данные языковые единицы имеют также тесную связь в смысловом отношении с языковой единицей «ишқ» - «любовь» как мы отмечали выше любовь это верность. Антонимы языковых единиц, которые рассматриваются в русском языке как «верность» - предательство, измена, неверность, ложность, ошибочность и.др., Например, «Один твой неверный шаг привёл к трагедии; Предательство человека по отношению к другому человеку это низость; Твоя измена убила мою любовь. Ваше утверждение было ошибочным; После измены Карима Малика не смогла его простить; Ваше утверждение было ошибочным; Данная гипотеза ложна. В данных примерах нами наблюдается», что антонимы языковой единицы верность в данной позиции не могут рассматриваться как верность – любовь» [83, с. 210].

Проанализируемые выше семантическое поле языковых единиц указали, что отношение к реальности содержания языковых единиц «любовь» и «верность», как рассматривает его Гоббс: … Любовь и верность являются атрибутами речи в жизни человека… и там, где нет речи, нет ни истины, ни лжи» [89, с. 215].

Слова и выражения такого ряда как: правильно, верно, точно, справедливо / неверный, неверно неточно, но и не несправедливо! Ошибочно, ошибка, заблуждение сообщают об отношении к действительности «мысли» в широком смысле этого слова. Не является опровержением сказанного. Широкое использование данных слов в роли обстоятельства, или в морфологическом облике наречия с глаголами речи, например: Он правильно / верно / справедливо говорит/сказал /заметил и т.п. Очевидно, что придаточные предложения в этих случаях передают высказанную «мысль», которая и оценивается с точки зрения ее соответствия действительности. Поскольку мысль выражена в словах, постольку возможны обстоятельства и определения, относящиеся к верности, в результате чего происходит своего рода ситуативная нейтрализация

противопоставления истинности и правильности. Показательно, однако, когда любовь не остаётся только в словах, возможно только мысль может быть справедливой, правильной, верной, но она не может быть ни правдивой, ни истинной, ни ложной, ср, также: Он правильно/ справедливо / ошибочно решил, что…; Он правильно / справедливо думает /считает/ полагает, что…; Если я вас правильно / верно (но не справедливо!) понял… и т.д.

Рассматривая семантическое поле языковых единиц разных языков необходимо выделить одну общую проблему, а именно как могут соотноситься языковые единицы между собой и внутренние формы слов в этимологическом понятии. С развитием языка самопроизвольно происходит утрата с основной мыслью и создается изначально новое слово в понимании семантического поля языковых единиц, но это не значит, что первоначальное значение теряет свою значимость, и это происходит не всегда. Внутреннее содержание семантического поля языковых единиц может ощущаться особенно сильно в речи говорящего. Для определения его экспрессивности и эмоциональности такие выражения часто встречаются в древнегреческом языке, где особенно обращали внимание на выразительность языка. В языке поэтов античности Гомера, Гесиода, Сафокла Еврипида и Эсхила сохранился особенный интерес к этимологии, так как в античности уделяли особое внимание искусству красноречия. В далекой античности сформировались такие науки как грамматика, филология, теория литературы каждая из которых обращала огромное влияние на развития языка речи и ее грамматические особенности. Ученые историки, которые в основном занимались наукой о грамматике и языке тесно связывали язык и речь с этимологическими признаками, что было особенно важным для того времени. Философы, ученые историки античности усердно занялись решением сохранения слов и выражений, в которых отразилась философия нового поколения.

М. Хайдеггер отмечал: «…хранить силу элементарных слов, в которой выявлено нам подлинное бытие (Dasein) и которую способно вытравить обыденное употребление» [160, с. 825].

Многим понятно и нет надобности в доказательстве, что сам человек является главным носителем языковых единиц любой культуры речи и народности, так как благодаря языку, речи человека и его происхождению могут образовываться новые языковые единицы, но основная языковая единица, рассматриваемая нами есть и останется безизменным для любого языка и народности на все времена это языковые единицы «любовь» и «верность». Но каждый язык и любая речь, требует анализа и глубокого содержательного изучения, так как невозможно описать язык народа, не зная его культуры. Любой язык имеет реалии в своей системе ценностей и который может и будет рассматриваться на протяжении всего времени существования науки о языке.

Обращая особое внимания к современным текстам можно понять одно, что человек являющийся носителем языка, слово может иметь особое значение и выделяться в качестве главного изучаемого при анализе рассмотрении семантического поля языковых единиц.

Человек имеет различия от животных и это закономерно, так как человек может быть тождественным по отношению к другим предметам и живым существом, переставлять переделывать, создавать изучать, разрушать, принимать решения, иметь право выбора и.т.д.

Субъект может быть интеллектуальный - думать, понимать, осознавать, любить. Творческий субъект чувствовать, писать стихи, картины действий. Единственный из всех живых существ, человек способен выражать свою радость с помощью особой мимики и звуков - смеяться; он наделен даром речи, соответственно он может сообщать информацию (рассказывать, объявлять) и искажать ее (врать). Человек может быть субъектом и объектом физических (резать, бить) и социальных (руководить, арестовывать)

действий. В данном исследовании человек выступает как выразитель любви и верности.

Здесь было бы уместно, отметить строки А.С. Пушкина:

Мы любим тех, кто нас не любит.

Мы губим тех, кто в нас влюблён.

Мы ненавидим, но целуем.

Мы не стремимся, но живём… [82, с. 3-20].

Что таджикском языке могло бы звучать так;

Мо онҳоеро дӯст медорем, ки моро дӯст намедоранд.

Мо онҳоеро, ки ба мо ошиқанд, нобуд мекунем.

Мо нафрат дорем, аммо мебӯсем.

Мо кӯшиш намекунем, аммо мо зиндагӣ мекунем

Как бы жестоко не звучали эти слова, но в этих строчках сказано всё; любовь, верность и человеческая природа.

Главным для человеческой природы является непосредственно сам человек, который имеет способность создавать изменять речь и при этом контролировать все действия влюбленный человек, человеческая любовь, верный человек, человеческая верность. Все свои действия человек в состояния понять вплоть до тех пор, пока по все действия определению являются неконтролируемыми (хотеть жить, хотеть умереть, хотеть быть высоким и т.д.)

Синтаксические компоненты и контроль над речью может не только выражаться с другими сочетаниями слов и словосочетаний, но и сочетаться в различных значениях отдельных слов, выраженных актантом. Употребление глаголов с другими актантами может рассматриваться как неприемлимое. Семантическое поле языковой единицы «Любовь» в рассмотрении как глагол «любить», также можно рассматривать и в таджикском языке «ишқ» чи? Дуст доштан чи кор кардан? в данном примере языковой единицы «ишқ» – дӯст доштан рассматривается в другом синтаксическом компоненте. Одновременно с людьми животные тоже могут разъежать при помощи

транспорта, но они все это делают не по своей воле, и конечно люди едут (+контроль), животных везут (-контроль). Если же животные едут сами, это действие оценивается как ненормативное или комичное, ср. цирковой номер - медведи на велосипедах и шуточное или фантастическое начало «Тараканища» Чуковского: Ехали медведи на велосипеде, а за ними кот задом наперед. Естественным результатом употребления субъектного актанта-не человека при глаголе с семантическим компонентом + контроль является метафора, ср.: Человек рисует узоры на стекле и Мороз рисует узоры на стекле [108, с. 58-65].

Таким же подходом к осознанию относятся люди в своих действиях и с этим связано то, что каждый человек, носитель языка в своей речи имеет определенные изменения, которые связаны с этимологией, эмоционально окрашенной экспрессией, и при этом дается оценка своим действиям: Люди поняли, что лечиться даром – это даром лечиться (А.Г. Великин) [95, с. 22].

Семантического поля языковых единиц «ишқ» – любовь, а также «вафо» - верность, являются в лингвистике самозначимыми, которые при наличии лексико-семантических категорий могут быть часто используемыми. Именно в силу независимости человека пленные могут иногда рассматриваться как не люди: «…в Сталинграде было много немецких пленных, и, как и в Киеве, люди не смотрели на них (Стейнбек)» [121, с. 176-179].

Второе значение связано с первой импликацией: «Душевное состояние любить, способность сострадать предполагает существование страждущих, ср. Берегись, если она тебя полюбит, жить и любить давай, о Люсия, со мной! Мы хнычем, будьте людьми! Помнить, что мы тоже люди! Представление о полном соответствии набору этических норм реализуется в словосочетании настоящий человек, о соответствии нормам группы - в словосочетании наш человек, причём здесь, как и во всех предикатных употреблениях слова человек, противопоставление человек – женщина нейтрализуется» [121, с. 176-179].

В заключение отметим, что многозначность слова в системе языка есть результат его лексико-семантического варьирования. Варьирование же отдельных сем представляет собой чисто семантическое явление, т.е. образование различных актуальных смыслов одного слова в рамках одного системного значения. В связи с этим можно говорить о двух уровнях варьирования слова по значению: системном, или лексико-семантическом, и речевом, или коммуникативном. Подобный двухуровневый подход к описанию семантических изменений слов представляется весьма плодотворным для семасиологии.

2.3. Язык как объективная система мнений в двух языковых сферах (в таджикском и в русском языках)

Картина окружающего мира в речи и языке представляет понимание мира, которое передается человеком представителем и носителем языка, которого он является. Данное представление языка и мира определяет принадлежность человека к определенному языку и предопределяет его изучение с семантической точкой зрения. «Абстрагируясь от индивидуальных систем мнений, но по аналогии с персонализированными установками мнения, можно говорить о конструкте, представляющем собой интерсубъективную и в этом смысле объективную установку мнения, и соответственно рассматривать некую «объективную систему мнений» как «объективную картину мира» [109, с. 55-67].

«В процессе познания человека в связи с активной ролью языка и в силу его специфических особенностей возникает языковая картина мира. Она в целом и в главном совпадает с логическим отражением в сознании людей. Но при этом сохраняются периферийные участки в языковой картине мира, которые остаются за пределами логического отражения, и в качестве словесных образов вещей и лингвистических моделей отношения между ними варьируются от языка к языку в зависимости от специфических особенностей последних. Через вербальные образы и языковые модели

происходит дополнительное видение мира; эти модели выступают как побочный источник познания, осмысления реальности и дополняют нашу общую картину знания, корректируют ее» [55, с. 36-45].

Н.Б. Мечковская утверждает, что любому народу свойственны определенные особенности в социальном и трудовом опыте, это выражается в различных лексических и грамматических номинациях явлений и процессов, в соотношении с теми или другими значениями, в частности в этимологии (выбор первоначального признака при номинации и образование значения слова) и т. д. В целом не язык навязывает нам то или иное восприятие действительности, а, напротив, действительность неодинаково отражается в различных языках в силу нетождественных условий материальной и общественной жизни людей» [128, с. 110].

Также Василевич отмечает: «отсутствие тех или иных материальных объектов в определённом социуме может объяснять и отсутствие соответствующих денотатов в языковом обозначении объектов в том или ином географическом регионе. Классические примеры тому - обозначение цветов, животных, растительности, водоемов - говорят действительно лишь об одном – о системе выбора признака обозначения соответственно социальному и трудовому опыту коллектива, но не о системе порождения этих признаков.

Так в одном из последних исследований по этому вопросу справедливо указывается на то, что несовпадение значений слов в русском и амхарском спектре «красный» объясняется довольно убедительно тем, что опыт наблюдений цвета в соответствующих этнических группах и в соответствующих естественных условиях являются источником обозначения цвета. Красный - для крови в амхарском значении лиловый, а в русском - в значении алый, автор объясняет это тем обстоятельством, что цвет крови на теле русского дает оттенок алого цвета на теле эфиопа - с некоторой синевой. И в этом случае, и во всех подобных значениях слова не есть результат особой сетки значений каждого языка, оно связано с реальной

действительностью, т. е. с тем же единым миром, бесконечная совокупность свойств которого и отображается в различных значениях отдельных слов или групп слов в разных языках» [130, с. 3-17].

В.Г. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и А.А. Уфимцева подчеркивают, что «Это явление не есть результат картирования мира в зависимости от свойства (значения слова), а, наоборот, результат закрепления в слове обозначения, актуального для данных объективных условий, находящихся вне «языковой карты» свойств предметов; это скорее картирование языка, а не картирование мира. Поэтому следует ещё раз подчеркнуть, что так называемая языковая картина мира не есть собственно языковая, она – выражение познавательной деятельности различных групп людей – деятельности, обусловленной историческими, географическими, культурными и другими факторами в пределах единого объективного мира (но не языкового). Проблема не тождественности вербальной категоризации реальной действительности в разных языках может быть понята, следовательно, как проблема социально значимых деятельностей, в рамках которых реальная действительность получает различное членение» [134, с. 193-230]. Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы, что семантическое поле языковых единиц и концептология, это рассмотрения языка культурно исторического характера, в чем и заключается его сложность. Неречевое мышление служит, обусловлено созданием нового семантического поле языковой единицы в лексике и речи людей.

Ученый лингвист В.А. Лекторский отмечает, что не предметный мир создаётся языком, а язык отображает исторический опыт каждого народа по освоению этого мира. Вместе с тем важно подчеркнуть, что само выделение в предметных средствах объективации знаний тех особенностей, которые имеют смыслоразличающую функцию, и отличие их от безразличных к смыслу характеристик не определяются какими-то физическими свойствами этих предметов, непосредственно данными в их телесной форме. Это выделение целиком детерминировано культурой, в рамках которой

функционируют данные предметы. Если я не включен в эту культуру, не владею принятыми в ней способами коммуникации, я не в состоянии выявить смысловое содержание, объективированное в предметах – посредниках». В разных социально – культурных условиях состояние контекста может видоизменяться. Практика показывает, что различные предметы, смыслы, жизненные ситуации в речи будут видоизменяться и иметь отличительные черты.

Языковед Н.Г. Комлева считает, что: «соотношение языка и объективной картины мира не есть проблема истинности или ложности представлений человека о мире, его идеальной, мыслительной картины мира. Сам язык не может быть ни истинным, ни ложным по отношению к первичному миру, ибо он такой, каким видят люди реальный мир, а характер его вторичности не накладывает никаких и ограничений на возможность формирования различных высказываний о мире во всем многообразии его бытия. Именно это качество языка – быть изначально формой материализации вторичного мира – создаёт предпосылку для функционирования его в качестве средства установления истинности или ложности логических операций, производимых с помощью комбинаций различных понятий и умозаключений, в плане их отображения фактического положения дел. Мировоззрение находится не в словах, а в голове в американском фольклоре есть такая сентенция: Guns don't kill people; people kill people - Ружья не убивают людей, люди убивают людей» [73, с. 37].

Р.И. Павилёнис отмечает: «Язык не может раскрывать истину бытия только через свою форму - через материю знака. Субстанция знака не имеет прямого отношения к объекту. Закономерности мира отражаются и познаются только в концептуальной системе человека. Вот почему язык со стороны внешней, знаковой формы не образует, по выражению Маркса, «самостоятельного царства». Язык изначально связан непосредственно с мышлением, и в гносеологическом плане действительно отношение не «язык-мышление – мир», а «языкомышление-мир». Правильно поэтому

говорить также не о языковой картине мира, а о языкомыслительной картине мира, т. е. о концептуальной. Человеческим фактором в этом случае является не создание языковой картины мира, а создание языка как средства выражения мышления в биологическом филогенезе человека и его мозга как высшей организации материи. Познание мира не есть поэтому познание языка, а правильность языковых выражений совсем не он правильности, установления объективной истины» [92, с. 386].

Если обобщить мнения исследователей, то можно утверждать, что «форма языкового выражения познавательного процесса мышления может рассматриваться как знаковая, что в целом принято в современной науке. Однако с тем условием, что сам знак выполняет свою функцию обозначения мыслительных, а в итоге и материальных объектов только в качестве материализованной субстанции, но не в качестве какого-либо самостоятельного способа переработки гносеологической информации, автономного средства в интерпретации, отражательной для человеческого сознания. Семантическое поле языковых единиц в этом плане действительно является независимым по своему происхождению от объекта - оно является лишь способом общественно - практического закрепления в языковой, т. е. в знаковой, системе всего содержания мышления. Знаковая природа не делает язык особым знаковым алгоритмом, который функционирует по своим имманентным законам, а, следовательно, по своему существу не трансформирует познавательный процесс. Языковая знаковая система в полном объёме включается в механизм так называемого вторичного мира, т. е. мира, формируемого в сознании человека на основе отражения и зависимого от объективного мира» [1, с. 37-67].

Содержание понятия и значение слова связаны между собой, но эта связь в семантических исследованиях не всегда выражается. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что если заменить слово его толкованием, то текст может оказаться бессмысленным.

Перечисленные выше рассуждения и ставшие основным подходом не определяют, каким образом и для чего видоизменяются слова и их значения, что является для них связующим звеном и каким образом они соединяются в единое семантическое поле языковых единиц. Все эти спонтанно или естественно употребляемые и используемые в речи слова, имеющие новое значение путем объединения нескольких слов, создают единое семантическое поле, которое используется в нескольких языках, какой и является на данный момент языковая единица «ишқ» и «любовь».

Изменения такого плана характерны для когнитивного анализа языка. Так как заключаются в определении и примечании категорий семантического поля языковых единиц, которые в той или иной степени отображаются в языке и речи. И данная система образуется при содействии человеческого фактора. Она показывает, как человек осмысляет мир. В рамках данного подхода сложилась теория прототипов, продолжающая интенсивно развиваться. Использование парадигмы теории прототипов позволяет проследить, как строится структура и семантического поля языковой единицы «верность» и каковы его связи с любовью. Это, в свою очередь, поможет объяснить, какие смыслы и что способно выражать семантическое поле языковых единиц верность. Исходные факты в терминах теории прототипов. Будем исходить из того, что даны следующие факты:

Представление о том, что такое верность, целостно и едино. Это следует уже из того, что носители языка не осознают многозначность данного слова. Как и всякое другое представление, данное также устойчиво, способно изменяться, обогащаться, расширяться, но не переходить из одной категории в другую. Это свидетельствует о том, что есть некоторый когнитивный фактор, обеспечивающий единство семантического поле языковых единиц «верность» и единство (связь) всех его значений.

Семантическое поле языковой единицы «верность» употребляется в разных контекстах и имеет несколько значений. В него может быть вложен некий новый смысл, восстанавливаемый из контекста. Например, верность

дорогого стоит - описывается ситуация, в которой верность отождествляется с отношениями; верно, сказал — это как бы дал понять «правда». Предугадать, какой новый смысл можно вложить в слово верность, нельзя. Но и нельзя утверждать, что этот смысл будет случаен. Объяснение состоит в том, что семантическое поле языковых единиц вообще и языковая единица «верность» в частности устроен так, что каждый старый и новый смысл, который можно выразить при помощи соответствующего слова, мотивирован, осмыслен. Источник мотивации следует искать в структуре концепта.

Семантическое поле языковой единицы «верность» (как и любой другой) имеет внутреннюю организацию. И это не беспорядочная сумма взглядов и мыслей, смыслов или содержаний, а последовательная структура, в основе которой лежит окончательная форма языковой единицы, или иными словами, модель главного значения слова «верность». Данная языковая единица используется в обозначении быть верным - вафодор будан, вафодор шудан и служит основой для производных значений. В составе семантического поля языковой единицы оно указывает на то, что для нее присуще главное значение, и имеет способность к изменению или даже удалению других образующих значений от главного. Например, всегда оставаться верным – выражение, в котором значение слова «верность» удалено от основного значения, но связано с ним. Это свидетельствует о том, что есть механизм, обеспечивающий упорядоченность строения языковой единицы и связность составляющих её элементов.

Структура семантического поля языковых единиц может быть цепочечной, радиальной и смешанной. Многообразие смыслов, которые вкладываются вопрос (см. ниже), говорит о том, что соответствующая языковая единица относится к смешанному типу.

4. Семантическое поле языковой единицы «верность» не уникален. Он не стоит особняком в системе представлений, которые собираются в классы и категории, объединяющиеся в связи с их важностью для той или иной сферы

деятельности человека. Другими словами, определение семантического поля языковой единицы «вафо – верность» строится в рамках определенной категории. В прототипах слов вафодор, и верный, например, дӯсти вафодор, верный друг можно наблюдать в данном сочетании значение семантического поля языковых единиц не видоизменяется, но с эмоциональной точки зрения наблюдаются различия и периферийность.

Прообраз возникает при наиболее сложных элементах, которые описываются в более упрощенных словах и терминах, которые составляют основу категории. Самым распространённым способом с метонимическими переносами является концептуальные метафоры. Дж. Лакоффу, к примеру, рассматривает: «верность как ценность так, как быть верным не каждому дано и ее приходиться беречь и ею дорожить. Такие на первый взгляд простые представления служат основой для когниции и ее базы составления новых языковых единиц и имеют названия категориями основных референций, которые составляют ментальные образы и типы. При их помощи можно понять и объяснить содержание, которые составляют периферическую категорию» [11, с. 52-57]. В русском языке верность – рассматривается как любовь, но в таджикском языке – вафо это садоқат, вафодорӣ и в эмоциональном отношении не рассматривается как любовь. Семантическое поле языковых единиц «ишқ», «вафо», как и «любовь» и «верность» больше психологическое и эмоциональное нежели конкретное и объективное поэтому результат имеет значение прообраза.

Категоризация семантического поля языковой единицы «верность». Языковая единица «верность» складывается из его «внешней», и категориальной отнесенности, а также внутренней, смысловой, структуры. И та, и другая стороны «выходят» на его центральный, базисный элемент. Для внутренней структуры он служит основой прототипического значения всех словоупотреблений данного слова, для внешней – моделью категоризации всех его значений.

Как отмечалось, базисной моделью семантического поля языковой единицы «верность» служит ситуация «верность – любовь». Более обще можно представить, как «возникновение некоторого фактора - реакция на него». Эта модель повторяется во всех употреблениях слова верность (и поэтому она базисная для данной языковой единицы); например, в таджикском языке содиқ мондан - ҳамеша дӯст доштан, зани бевафо – дар дурӯғ зиндагӣ кардан, вафодор шудан – ба фиреб сар кардан, бовар кардан душвор аст – шубҳа, имон ба ишқ – дар ғаму шодӣ. В русском языке данные выражения имеют аналогичное мнение ср.: остаться верным – любить всегда, неверная женщина – жизнь во лжи, стал верным – начал изменять, тяжело верить – сомнение, вера в любви – в горе и в радости.

Из этих примеров складывается образ следующей ситуации: «возникает некоторый (сдерживающий) фактор; его возникновение не соответствует нормативному представлению о ходе событий. Чтобы восстановить его или достичь поставленной цели, нужно устранить этот фактор». Аналогичная ситуация представлена в выражениях столкнуться с непониманием - преодолеть непонимание, а также урегулировать разногласия, выяснить недоразумение, устранить неясность, уладить спор, развеять сомнения и проч.

Все сущности такого рода как – верность, спор, разногласия, сомнения, недоверие, проблема и др., являются психологического порядка. Их осмысление происходит по аналогии с физическим миром. То, что они встают, поднимаются, требуют устранения, является результатом их категоризации как препятствий. То, что они способны подвергаться тем же действиям, что и физические преграды, – результат прототипического эффекта.

Существуют критерии, позволяющие провести разграничение между препятствиями и непрепятствиями. Препятствия мешают действию. Типичные препятствия — это стена, ограда, замок, барьер и т.п. Для всей категории «препятствие» они служат когнитивными точками референции -

исходными простыми представлениями, которые распространяются на более сложные ситуации. Спор, непонимание, недоверие, конфликт и т.п. – тоже помехи действию, но более сложные хотя бы потому, что их нельзя видеть (ср.: стена непонимания/недоверия). Происходит метафорический перенос исходных простых представлений на более сложные. Основанием переноса служит сходство образов ситуаций, или моделей: «видимая или невидимая помеха действию». В результате возникает прототипический эффект: психологические сущности, мешающие достижению цели или нормальному ходу событий, категоризуются как препятствия.

Если спросить у любого филолога, «О чем сказка Александра Сергеевича Пушкина о рыбаке и рыбке»? Все скажут: «Сказка эта о жадной старухе, которая осталась у разбитого корыта». Но мы знаем, что это не так! В данной сказке, как раз, так и речь идёт о «метафорическом переносе исходных простых представлений на более сложные представления». Только писатель имеет способность посвятить свое драгоценное время для того, чтобы критиковать скупую старуху, так как это сказка о любви старого человека к бездушной старухе. Конечно, легче всего проявлять любовь по отношению к доброй великодушной женщине, а вот постарайтесь полюбить старую грымзу [91, с. 28-37].

Этот перенос нельзя считать ни необходимым, предсказуемым, ни случайным. Он мотивирован однотипностью образов обеих ситуаций и их значимостью для человеческого опыта и потому осмыслен. Категориальная отнесенность «верности», в свою очередь, мотивирует все реальные и возможные значения слова вера и объединяет их в цельное представление. Она обеспечивает концептуальную устойчивость этого представления и его связь с другими языковыми единицами данной категории. С другой точки зрения: «способ основного элемента концепт «вафо», «верность» может служить главным метафорическим переносом» [125, с. 74-117].

Строение семантического поля языковой единицы «верность» построен следующим образом, что оно может быть использовано в определенных

ситуативных моментах типа спросить и узнать ответ. Строение семантического поля языковой единицы «вафо», «вафодор» имеет построение утверждение «Ман нисбати ту вафодор будам», «Вафои он ба ман зиёд буд»; в этом случаи языковые единицы имеют прототипное значение, которое связывает их с центром радикально или цепочечно.

В исходном значении верность — это незнание плюс запрос на его снятие, или более подробно: осознание отсутствия веры, которое необходимо для нормального хода событий и способ преодолеть эту преграду. Модель базисного элемента, таким образом, следующая: «цель - отсутствие важного фактора для ее достижения – реакция». Эта модель ситуации транспонируется на другие, аналогичные ситуации, позволяет применять к ним слово верность и выступает основой когнитивных связей, при помощи которых происходит распространение (расширение) значений слова верность. Иными словами, всегда при использовании слов верность используется не в начальном, а во вторичном значении. Данное использование, похоже, с состоянием ситуации в котором употребляется или используются данные языковые единицы. При новом использовании слов верность значение останется без изменений, оно не может использоваться случайно, нельзя сказать: Я люблю свою верность. Использование данных языковых единиц должно быть осмысленным.

В качестве центрального компонента значения в базисном элементе выступает «неверный» [139, с. 779]. Итак, семантическое поле языковой единицы «верность» содержит внутреннее отрицание. Оно входит в базисный элемент в виде компонента «неверный» и в периферийные элементы. Оно связывает все смыслы, которые можно выразить при помощи слова вопрос, с прототипическим значением «неверный». «Неверный» служит основанием для отнесения языковой единицы «верность» к категории психологических препятствий и мотивирует все случаи употребления слова «верность». Все они явно или неявно отражают способ осмысления психологической реальности, которая связана со сферой деятельности.

Таким образом, теория прототипов в отличие от объективной классификации понятий учитывает способ осмысления мира человеком сквозь призму субъективного опыта. Согласно этой теории, существуют сферы опыта, значимые для категоризации явлений. «Помеха действию» - важный элемент опыта, поэтому он релевантен для формирования категориальных кластеров. В нашем случае это обстоятельство проявляется, в частности, в том, что слово верность имеет большое количество определений, намного больше, чем самый близкий его «партнер» - слово неверный. Верность бывают по отношению к родине, любимому человеку, близким, своей профессии и мн. др. Это же обстоятельство свидетельствует о том, что осознания верности придается в практике человека большое значение.

Описание понятия «верность» с точки зрения теории прототипа не ограничивается приведенными выше наблюдениями. Как и большинство «социальных» концепций, эта концепция должна включать в себя основной элемент, который представляет собой не единую модель, а эмпирический набор моделей. Это следует из того, что картина мира с использованием ментальной модели, в данном случае модели «вмешательства в отношения», никогда не бывает законченной. Характеристика семантического поля языковой единицы «верность» в терминах теории прототипов не исчерпывается изложенными наблюдениями. Как и большинство «социальных» языковых единиц, данный должен содержать базисный элемент, состоящий не из одной модели, а из экспериенциального набора моделей. Это следует уже из того, что картина мира никогда не исчерпываются описанием их при помощи одной «душевной модели», в данном случае – модели «помеха отношению».

Так, в представление о том, что такое верность, безусловно, входят идеальный случай и стереотипные ситуации (ср. верность профессии – вера в себе – верность - редкость в жизни), в таджикском же языке (вафодорӣ ба касби худ – вафодорӣ ба худ – вафодорӣ дар зиндагӣ камёфт аст.) здесь

можно наблюдать эдентичность семантического поля языковой единицы «вафо» – «верность» включающие душевные состояния. Не вызывает сомнения, однако, что учет подобных фактов не только не противоречит исходным соображениям, но подтверждает, что семантического поля языковых единиц – своего рода единое соединение, которое может видоизменяться и отражать человеческие эмоции и состояние души; семантическое поле – это разумно организованная динамическая структура, которая состоит из основного элемента умеющих связываться с производными элементами.

Выводы по второй главе

Во второй главе данного исследования, рассмотрен лексико семантический аспект изучения семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность», что дает возможность выявлять в совокупности понятийные значения, и одновременно были рассмотрены и изучены некоторые когнитивные модели, лежащие в основе исследуемого семантического поля на словообразовательном уровне в сопоставляемых языках.

В данном разделе представлены различные типы, группы и структуры вышеуказанных языковых единиц. Выявлены отличительные черты семантического поля языковой единицы «верность» от семантического поля языковой единицы «любовь» в таджикском и русском языках. Данное отличие имеет коммуникативный характер для введения смысловых компонентов и рассматривает их образование с эмоциональной точки зрения. Слово «верность» равно значению слова любовь, и тем самым подчеркивается важность их значений. Но также в данной главе приводится пример, когда в таджикском языке неприемлемо рассматривать слово «вафо» как «ишқ».

Также, в данном разделе рассматривается вопрос, о том, что личность человека имеет эмоциональное состояние, способное воздействовать на речь и тем самым на видоизменение семантического поля языковой единицы. В

результате чего он может разрушать и создавать интеллектуальные языковые единицы (мыслить, думать, ненавидеть, любить) и творческих (работать, рисовать картины готовить). Также подчеркивается, что человек может в отличии от других живых существ выражать свои эмоциональные чувства при помощи определенных знаков: типа мимики и жестов и звуков - он наделен даром речи, подавать свои эмоциональные чувства и переживания путем семантического поля языковой единицы и благодаря этим эмоциям создаются ментальные и эмоциональные языковые единицы и самое главное в данном исследовании - человек как выразитель любви и верности.

Рассмотрено системное значение семантического поля языковых единиц в разных формах и её прямое и переносное употребления. Помимо этого, указываются семантические признаки языковых единиц «любовь» и «верность», а также, компоненты значения и коммуникативные структуры значения. Таким образом, как в принципе соотносятся между собой внутренняя форма слова, обозначающего концепт, этимология и содержание обозначаемого понятия.

Глава завершается рассмотрением, что семантическое поле языковой единицы «человек» – ключевой семантического поля языковой единицы для понятия и анализа языковой единицы «любовь» и «верность» в системе культурных реалий.

ГЛАВА 3. СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ «ЛЮБОВЬ» И «ВЕРНОСТЬ» В ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. Национально - культурная специфика семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в русском языке

Наиболее продуктивным методом анализа в современной лингвистике выступает исследование семантического поля языковых единиц. Анализ культурных и языковых особенностей становится возможным при помощи идентификации ключевых языковых единиц, в которых выделяются особые черты культуры. В то же время исследование языковой и национально - культурной индивидуальности представляет собой одну из наиболее сложных и актуальных задач в рамках изучения концептуальных структур.

Исследователь приходит к мнению, что семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» несомненно присутствует в мировоззрении каждого народа. Вместе с тем оно относится к основным понятиям и представлениям о мире, которые играют важную роль в языковом характере личности, точно так же и для языкового сознания этноса. Эти языковые единицы безусловно являются ключевым звеном и выражают самые важные черты, жизненные взгляды и они напрямую связаны с поиском смысла жизни человеком.

В истории лингвистики природа семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» определялась, основываясь на следующих подходах:

1.Философский

2.Естественно-научный

3.Художественно-образный

Данные аспекты позволяют отразить как объективную реальность, так и внутренний мир человека. Именно в связи с этим, на основе указанных аспектов было принято решение провести анализ семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в русском языке.

В ходе исследования и анализа семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в Национальном корпусе русского языка было выявлено приблизительно 13 тысяч текстов и свыше 62 тысяч примеров. Поиск осуществлялся в рамках общих материалов указанного корпуса. Необходимо отметить, что Национальный корпус русского языка является одним из наиболее достоверных и значимых источников информации для изучения данных языковых единиц. Кроме того, в рамках Национального корпуса русского языка семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» характеризируется следующими значениями:

«ЛЮБОВЬ»

«ЛЮБОВЬ» – существительное. Женское имя;

2. «ЛЮБОВЬ» – существительное. Название ряда белорусских, российских и украинских малых населённых пунктов;

3. «ЛЮБОВЬ» – существительное. Чувство глубокой привязанности к кому-либо, чему-либо;

4. «ЛЮБОВЬ» – существительное. Чувство расположения, симпатии к кому-либо;

5. «ЛЮБОВЬ» – существительное. Чувство горячей сердечной склонности, влечение к другому человеку;

6. «ЛЮБОВЬ» – существительное. Чья-то, о человеке, внушающем чувство любви (в предыдущем значении);

7. «ЛЮБОВЬ» – существительное. Любовные отношения;

8. «ЛЮБОВЬ» – существительное. Внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-либо;

9. «ЛЮБОВЬ» – существительное. Пристрастие к чему-либо, предпочтение чего-либо.

Также, в рамках данного корпуса представлены следующие определения, зафиксированные в словарных источниках:

В Толковом словаре Д.Н. Ушакова дается следующие описание:

«ЛЮБОВЬ, любви, твор. любовью, ж. 1. только ед. чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу. Любовь к родине. || Такое же чувство, основанное на взаимном расположении, симпатии, близости. Братская любовь. Любовь к людям. || Такое же чувство, основанное на инстинкте. Материнская любовь. 2. только ед. Такое же чувство, основанное на половом влечении; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством. Несчастная любовь. Счастливая любовь. Неразделенная любовь. Платоническая любовь. (см. платонический). Чувственная любовь. Пылать любовью. Страдать от любви. 3. перен. Человек, внушающий это чувство (разг.). Она была моей первой любовью. 4. только ед. Склонность, расположения или влечение к чему-н. Любовь к искусству. Любовь к работе» [154, с. 123].

Помимо этого, в Современном Толковом словаре русского языка можно встретить следующие толкование:

«ЛЮБОВЬ, интимное и глубокое чувство, устремленность на другую личность, человеческую общность или идею. В древней мифологии и поэзии – космическая сила, подобная силе тяготения. У Платона и в платонизме любовь - эрос - побудительная сила духовного восхождения; в обыденном словоупотреблении платоническая любовь – любовь, свободная от чувственного влечения. Половая любовь в современной ее форме индивидуально – избирательного чувства – результат длительного исторического развития человеческой личности.

ЛЮБОВЬ (Агапе) Римская (ум. ок. 137), 9-летняя отроковица, христианская мученица, пострадавшая в гонение императора Адриана, одна из трех дочерей (вместе с Верой и Надеждой) святой Софии Римской. Память в Православной церкви 17 (30) сентября, в Католической 1 августа и 30 сентября» [143, с. 5-17].

«ВЕРНОСТЬ»

1. «ВЕРНОСТЬ» – существительное. Свойство по значению прил. верный; постоянство в чувствах, привязанностях, убеждениях, поведении и т. п.;

2. «ВЕРНОСТЬ» – существительное. Супружеская преданность;

3. «ВЕРНОСТЬ» – существительное. Соответствие истине; правильность; полное сходство с чем-либо или соответствие чему-либо;

4. «ВЕРНОСТЬ» – существительное. Точность, безошибочность.

В Толковом словаре Д.Н. Ушакова дается следующее описание: «ВЕРНОСТЬ, верности, мн. нет, ж. Отвлеч. сущ. к верный в 1, 2 и 3 знач. Верность слуги. Верность своему слову. Верность догадок. Верность перевода» [154, с. 123].

На основе приведенных примеров семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в рамках Национального корпуса русского языка и словарных источников можно сделать следующие выводы: языковые единицы «любовь» и «верность» представляют собой многогранное явление, которое охватывает широкий спектр значений: от чувств глубокой привязанности и симпатии до обозначения конкретных объектов, таких как имена собственные или географические названия а также преданности, точности и соответствия истине. В словарных источниках определяется как сложное чувство, включающее эмоциональную, духовную и физическую составляющую.

Исследование данных языковых единиц позволяет не только выявить их языковую специфику, но и глубже понять их роль в формировании культурных социальных норм, а также в создании языковой картины мира. Национальный корпус русского языка, как источник эмпирических данных подтверждает свою значимость для лингвистических исследований, представляя обширный материал для анализа и интерпретации.

После того как было установлена сущность и специфика данных языковых единиц в русском языке, представляется целесообразным перейти

к их анализу в рамках указанных аспектов: философского, естественно-научного и художественно-образного.

Философское осмысления понятия «любовь» берет свое начало еще в античности. На протяжении истории его содержание и интерпретация провели значительные изменения. Любовь приобретает статус ценности в процессе выделения личности из общества, когда человек начинает осознавать свои индивидуальные, частные интересы и потребности.

Основное содержание всех возникших, в связи с этим эстетических концепций – понимание прекрасного как такого качества, влечение к которому лишено каких-либо эгоистических и утилитаристских соображений. Здесь представлена своеобразная «шкала ценностей», или, по терминологии, «объектов любви», определяющих пять разновидностей этого чувства:

«1) Любовь человека к своему существованию, его совершенству и сохранению;

2) его любовь к тому, кто вершит для него благо в отношении продления его существования, способствует его сохранению и отведению от него того, что пагубно;

3) его любовь к тому, кто просто сам по себе вершит благо для людей, даже если это не доставляет блага ему самому;

4) его любовь к тому, что прекрасно само по себе, будь то внешняя форма или внутренний облик;

5) его любовь к тому, с кем у него есть скрытая внутренняя гармония».

Анализируя приведенную аксиологическую схему ценностей, А.В. Сагадеев отмечает, что они «располагаются по линии одухотворенности восходящей чистоты, и вызываемого ими чувства – от ценности жизни через ценность блага, нравственную и эстетическую ценности до ценности любви как таковой» [105, С. 50-56].

Заметим здесь же, что одним из важнейших представлений является осознание того, что связанных с реализацией понятия прекрасного у

мусульманских философов, следует считать осознание того, что цель эстетического созерцания состоит в установлении гармонии или дисгармонии между созерцаемым образом и существующим в сознании человека собственным эстетическим идеалом. Поэтому и люди, питающие друг к другу чувство любви, выражают свою крайнюю радость, говоря, что их дух слился с духом любимого. Отсюда с необходимостью следует, что у этих вещей любовь есть причина их существования. Ибо все, что можно выразить, делится на разряды по трем признакам: 1) либо оно достигло особого совершенства, 2) либо достигло крайности недостатка, 3) либо колеблется между обоими состояниями, находясь, по существу, в промежуточном положении.

В учениях философов средневековья, как известно, духовные добродетели, при их эстетической оценке, противопоставлялись сами себе, если они служили утилитарным, корыстным целям. А у мусульманских философов свои доводы к этому вопросу, например, Ибн Сина утверждал: «людей «украшают» лишь такие их поступки, которые совершаются не по принуждению, и не для извлечения какой-либо пользы (будь то даже доброе имя или чья-либо благодарность), а ради самого приносимого ими блага» [1, с. 78]. Ту же мысль высказывает аль-Маарри: «Стремись к прекрасному и верши прекрасное ради его же красоты и не суди так, будто совершающий его будет за это вознагражден» [1, с. 170].

Весомый вклад в формирование семантического поля языковой единицы «любовь» внес Платон, который определяя любовь как «жажду целостности и стремление к ней» (Горский С.М. Монастырские нравы). В свою очередь, Аристотель в своей философской концепции связывал любовь с движением небесных сфер, видя в ней проявление вселенского стремления к духовному принципу движения – неподвижному передвигателю.

На фоне философии «любовь» и «верность» отражается как основные категории, определяющие сущность человеческих отношений и моральных принципов. В античной философии «любовь» можно трактовать как

движущая сила, способствующая духовному восхождению и познанию высших истин. В современной философии любовь часто ассоциируется поискам смысла жизни, а верность – с этическим императивом, обеспечивающим стабильность и доверие в межличностных отношениях.

В целом философские аспекты семантического поля данной языковой единицы могут быть резюмированы следующим образом:

– ***Любовь как основа человеческого бытия***

Любовь рассматривается как центральная сила, которая определяет смысл существования человека, его стремление к гармонии и полноте жизни.

– ***Любовь к Богу***

В религиозной философии любовь к Богу понимается как высшая форма духовного единения, которая направляет человека к трансцендентности и абсолютным ценностям.

– ***Любовь всепроникающая космическая сила***

В античной и романтической философии любовь трактуется как универсальная энергия, которая связывает все элементы мироздания и обеспечивает его целостность.

– ***Любовь как волнение души, вызванное движением духов***

В философии Платона и неоплатоников любовь описывается как состояние души, которое пробуждается под влиянием высших, духовных сил, стремящихся к красоте и истине.

– ***Любовь как стремление к совершенству***

Любовь понимается как движущая сила, которая мотивирует человека к самосовершенствованию, поиску идеала и реализации своего потенциала.

– ***Любовь как единство человека с человеком***

В экзистенциальной философии любовь рассматривается как глубокое эмоциональное и духовное соединение, которое преодолевает одиночество и создает подлинные отношения между людьми.

– ***Любовь как коварная ловушка природы***

В некоторых философских концепциях любовь интерпретируется как иллюзия или механизм, созданный природой для обеспечения продолжения рода, что может приводить к страданиям и разочарованиям.

– ***Верность как нравственный принцип***

Верность понимается как моральная обязанность, выражающаяся в соблюдении данных обещаний, преданности идеалам или людям. Это качество, которое подчеркивает устойчивость и надежность в отношениях.

– ***Верность как этическая категория***

В философии этики верность рассматривается как добродетель, которая способствует укреплению доверия и стабильности в межличностных и социальных отношениях.

– ***Верность как проявление свободы воли***

С точки зрения экзистенциализма, верность – это осознанный выбор человека, который демонстрирует его способность к самоопределению и ответственности за свои решения.

– ***Верность как основа идентичности***

В философии личности верность трактуется как ключевой элемент, формирующий индивидуальную идентичность через приверженность определенным ценностям, идеям или людям.

– ***Верность как выражение любви***

В контексте философии любви верность рассматривается как неотъемлемая составляющая глубоких чувств, которая подчеркивает преданность и эмоциональную связь.

– ***Верность как социальный договор***

В философии политики и общества верность может быть интерпретирована как обязательство перед обществом, государством или группой, основанное на взаимных обязательствах и доверии.

– ***Верность как духовная практика***

В религиозной философии «верность», часто связывается с преданностью высшим силам, духовным принципам или вере, что становится основой для внутренней гармонии и смысла жизни.

Философский анализ позволяет выявить универсальные и культурно-специфические черты данных языковых единиц, а также их роль в формировании мировоззрения. Таким образом, «любовь» и «верность» в философии выступают как многогранные, противоречивые, сложные и многомерные понятия, которые охватывают как возвышенные, так и земные аспекты человеческой жизни: личные, социальные, этические, духовные аспекты, а также сложную глубину аспектов человеческой жизни.

В прошлом веке многие известные учёные, такие как З. Фрейд, У.К. Юнга, Ж.П. Сартр, Э.Фром, Р. Стернберг изучали проблему «любовь» и «верность» в своих научных исследованиях. Эти учёные в большинство степени в своих исследованиях опирались на физиологически-психологические стороны данных языковых единиц.

В теории З. Фрейда любовь является источником эмоциональности, и он различает «влюблённость» и «любовь». Он указывает влюбленность как: «привязанность к объекту и объединяющим поклонение авторитету». А любовь для Фрейда: «Способ преодолеть чувство стыда и важнейший фактор человеческого развития» [122, с. 256].

Жан-Поль Сарт смотрел на любовь с другой точки зрения, для него любовь: «сложное и противоречивое явление». Он утверждает: «любовь обман, поскольку она предполагает конфликт между желанием свободы любимого и страхом потерять его» [52, с. 70-86].

Для Э. Фромма любовь – это: «искусство, требующее сознательной работы над собой и личностной зрелости». Он различал «зрелую» (способность любить другого) и «незрелую» (стремление быть любимым) любовь» [123, с. 45-92].

В теории Р. Стернберга любовь включает в себя три компонента: «1. Близость. 2. Страсть. 3. Обязательства. Исходя из этого, можно сделать

вывод, сочетание трёх из этих компонентов образует разные типы любви. Например, пустая любовь, романтическая любовь или же совершенная любовь» [111, с. 150-174].

В медицине семантическое поле языковой единицы «любовь» можно изучать в нейробиологических аспектах. И он интересен тем, что любовь имеет профилактическые и целебные воздействия. Поскольку в науке доказано, что повышенная активность дофамина и серотонина позволяет избежать болезней. Медицинские исследование показывали, что любовь активирует определенные области мозга человека.

Перейдем к художественно-образному толкованию любви. Однозначно данная языковая единица была и по сей день остается самой актуальной темой для писателей и поэтов. Тему любви можно найти даже в древних мифах. Значение любви растет от мифа к мифу. Отражение любви в те времена можно было увидеть в трагедиях, в скульптурах и в лирической поэзии. Уже в те времена, можно наблюдать, как любовь получает психологическую окраску, усложняется и приобретает все большую ценность. Здесь можно наблюдать как любовь отделяется от общества, так как личность осознает свои интересы. В лирике появляется мотив верности любви.

Образность как художественное средство представляет собой различные способы современной устной речи, выражающие чувственность.

Надо отметить, что паремия доказывает в своем развитии с семантической стороны длительный процесс развития культурных отношений народа и национальный стереотип.

Эти проблемы развития стереотипов и культурного показа прослеживаются из поколения в поколение. Данное научное направление, изучает и развивает культурные отношения народа, а также совершенствует наиболее важный культурный стереотип. Потому, что паремиологические единицы могут быть локализацией этнической проблемы мировоззрения; концепты имеют связи с культурно-специфическими сторонами

семантического поля языковых единиц, которые составляют когнитивные базисы национальной языковой картины мира. Для примера можно привести следующие русские пословицы:

«Нет большего наследства, чем честность»

«Честность — лучшая политика»

«Нечестно живешь — себя подведешь»»

«Благородством и честностью не гордятся — это является нормой»

«Самый лучший подарок друга — верное сердце» [152, с. 216].

Надо отметить в речевом обиходе устные краткие изречения, которые отражены в паремиях, являются меткими изречениями и способствуют точному предоставлению характеристики людей и явлений. Примером может послужить следующие русские пословицы:

«Слово честного человека — лучшая гарантия»

«Что сказано, то и связано. Он своего слова хозяин»

«Друзья познаются в беде»

«Конь узнается при горе, а друг — при беде»

«Верный друг, что лекарство от болезни» [152, с. 216]

Пословицы и поговорки стали неотъемлемой частью исследования ученых, которые стали изучать отражение жизни каждого народа в лингвистической науке.

Также хотелось бы отметить, и внести точность, что семантическое поле языковых единиц может передать национальный колорит и реалии языка определенной национальности при использовании пословиц и поговорок определенных терминов, все они передают итоговую мысль в том или ином предложении, которое может выражать мнение одного человека или определенного количества людей в которой заключена народная мудрость, возможно в повествовательной форме. Этим направлением в науке занимается паремиология.

Следует отметить, что они являются изречениями, где отражена жизнь народа, его опыт и мудрость.

При анализе паремиологии, выявлено, что это образные изречения в назидательной форме о характере людей. Они показывают, что в современном русском языке встречаются различные фразеологические обороты, которые выражают законченную мысль, суждение.

«Любовь за деньги не купишь»

«Любовь зла — полюбишь и козла»

«Любовь и корысть — не попутчики»

«Любовь на замок не закроешь»

«Любовь ни зги не видит» [140, с. 456]

Главной отличительной особенностью паремии, которая отличает её от иной краткой формы суждения, является двойной смысл, как – прямой, так и переносный, которые в предложении представляют всегда метафоричные суждения.

Любой жует, да не любой живет»

«Люди — не ангелы»

«Люди разные бывают»

«Малая беда кричит, а большая молчит»

«Мал да удал»

«Маленькая собачка лает — от большой слышит»

«Любовь — не картошка, не выкинешь» [141, с. 433]

Эти изречения существуют очень много тысячелетий и переходят из уст в уста. Следует отметить, что устойчивые единицы языка быстро запоминаются, выражают различные качества человека при помощи слов.

В формирования и создании устойчивых словосочетаний содержится то, что у людей не было иной возможности показать свою жизнь, потому как простые люди в то время были в основном безграмотны.

В паремиях легко рассмотреть различные семантическое поле языковых единиц и в частности языковых единиц «любовь» и «верность» в современном русском языке. Поэтому в речи людей встречаются различные

поэтические мысли, которые помогают при формировании развития кругозора при определении ментальности.

«Любовь смеется над замками»

«Любовь на замок не закроешь»

«На любовь закона нет»

«Там, где нет прямого пути, любовь ползком проберется»

«Для любви нет преград»

«Любовь дорогу найдет»

«Любовь сильнее смерти»

«Хоть битой быть, да молодца любить»

«Любовь смягчает все сердца»

«Добрые чувства — соседи любви»

«Любовь и корысть — не попутчики» [141, с. 433]

Русские ученые П.Р. Гаврилова и С.П. Архангельский, которые работали в области русской фразеологии, отмечают, что в настоящее время исследования семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» рассматриваются в различных исследованиях русских ученых, которые высказывают свои суждения по поводу этой проблемы современного русского языка.

Чтобы выделить ключевые моменты семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» русского языка, мы выбрали несколько примеров из Национального корпуса русского языка, которые отражают их семантику и культурные значения.

1. **Семантическая близость и взаимосвязь семантического поля языковых единиц**

В большом количестве текстов можно наблюдать, что семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» в русском языке встречается очень часто, и это указывает на их семантическую и культурную взаимосвязь. И отсюда можно сделать вывод, что эта связь проявляется в нескольких аспектах:

Взаимодополняемость: в большинство примеров «Среди людей водворится мир, ***любовь***, ***верность***, покой, праздники, пиршества, веселье! [А.Н. Анненская. Франсуа Рабле. Его жизнь и литературная деятельность]; Наоборот, я очень ценю то, что за деньги купить нельзя: дружбу, ***любовь***, ***верность*** слову. [Б.Г. Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина]; Основной упор делается на «вечные» — то есть привычные нам, в нашей христианской по-своему достаточно забытому происхождению культуре — ценности: смелость, ***любовь***, ***верность***. [Ольга Балла. Все мы в матрице // «Знание — сила»]; ***Любовь***, ***верность***, три года разлуки — вечная, как мир, и неизменно новая история…[Дмитрий Биленкин. Долгое ожидание]; Володинские «Пять вечеров» начинали свой бой — за «утраченные иллюзии» под названием ***любовь***, ***верность***, добро, порядочность и обретение. [Т.В. Доронина. Дневник актрисы]; И вот как его трактует: «В конце произведения торжествуют такие чувства, как привязанность, ***любовь***, ***верность***, которые оказываются выше сытости, удобств, тщеславия, блеска славы». [В.Б. Катаев. Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники]; Вот почему, когда человек в черном простирает свои руки к невидимому и говорит, что ***любовь***, ***верность***, дружба, человечность — не пустой звук, мы относимся к его словам не только как к красивым строчкам старинной поэзии. [Григорий Козинцев. Наш современник Вильям Шекспир]» [исследование проведено на материале текстов НКРЯ (ruscorpora.ru)]. [166].

Морально-этическая основа: в текстах «любовь» и «верность» часто ассоциируется с добродетелью, честностью и преданностью «Чайник пел о том, что есть истинная радость, скромное семейное доступное в каждом положении, счастье, что существует ***любовь*** и ***верность***, что добрый пример трогает, растапливает самые черствые сердца, что добродетель легка и радостна. [М.А. Кузмин. Студия]; «Какое благородное упражнение, какое гармоническое велелепие, какая искренняя ***любовь, верность***, честность и справедливость в таковых местах будут встречаться на улицах! [Н.И.

Новиков. О достоинстве человека в отношениях к богу и миру]; Ресентимент тесно связан с проблемой социальных взаимодействий и мотиваций, а вследствие этого с такими ценностями, как справедливость, свобода, солидарность, патриотизм, ***любовь***, ***верность***, составляющими основу российской идентичности (данные ценности входят в Свод вечных ценностей РПЦ). [Ю.М. Беспалова, В.А. Кондаков. «Модернизационные преобразования в России: проблема ресентимента]; «Знаком всего этого является крест, потому что в конечном итоге ***любовь***, ***верность***, преданность испытываются не словами, даже не жизнью, а отдачей своей жизни; не только смертью, а отречением от себя таким полным, таким совершенным, что от человека остается только любовь: крестная, жертвенная, отдающая себя любовь, умирание и смерть самому себе для того, чтобы жил другой. [митрополит Антоний (Блум). Воздвижение Креста Господня]» [исследование проведено на материале текстов НКРЯ (ruscorpora.ru)]. [166].

Антропоцентричность: семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» всегда связаны с человеком и его отношениями. Они описывают как межличностные связи: «Тогда любовь ее представляется мне добродетелью, которой она лишь награждает меня за ***любовь***, ***верность***. [М.М. Пришвин, В.Д. Пришвина. Мы с тобой. Дневник любви]; Спектакль про жизнь, про реальных людей, про их душевное состояние, про ***любовь***, ***верность***, измену, совесть — обычные человеческие вещи. [И.Л. Шолохова. Дневник]; ***Любовь***, ***верность***, три года разлуки — вечная, как мир, и неизменно новая история… [Дмитрий Биленкин. Долгое ожидание]» так и отношения человека к обществу, власти или Богу: «Царь не оправдывал и его, но выразился в таком смысле: «Пусть народ уважит мою первую просьбу и простит Морозову то, что он сделал недоброго; мы, великий государь, обещаем, что отныне Морозов будет оказывать вам ***любовь***, ***верность*** и доброе расположение, и если народ желает, чтобы Морозов не был ближним советником, то мы его отставим; лишь бы только нам, великому государю, не выдавать его головою народу, потому что он нам как второй отец: воспитал и

возрастил нас. [Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск четвертый: XVII столетие]; Августейшей Императрице Елизавете, щедрой Отеческого Града Расширительнице, великодушной Наук и Художеств Покровительнице, ***любовь***, ***верность***, усердие и благодарность в честь и славу посвящает. [М.В. Ломоносов. [Надпись]; Время показать, каковую должны есмы властям честь, ***любовь***, ***верность***, каковой страх и повиновение. [Архиепископ Феофан (Прокопович). Слово о власти и чести царской…]; И этому всему знаком является крест, потому что, в конечном итоге, ***любовь***, ***верность***, преданность испытываются не словами, даже не жизнью, а отдачей своей жизни; не только смертью, а отречением от себя таким полным, таким совершенным, что от человека остается только любовь: крестная, жертвенная, отдающая себя любовь, умирание и смерть самому себе для того, чтобы жил другой, [митрополит Антоний (Блум). Воздвижение Креста Господня]» [исследование проведено на материале текстов НКРЯ (ruscorpora.ru)]. [166].

2. Культурно-исторический контекст

Семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» имеет глубокие корни в русской культуре и истории, что отражается в их употреблении в различных эпохах.

Патриархальные и иерархические ценности: В исторических текстах «Время показать, каковую должны есмы властям честь, ***любовь***, ***верность***, каковой страх и повиновение. [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово о власти и чести царской…]; Августейшей Императрице Елизавете, щедрой Отеческого Града Расширительнице, великодушной Наук и Художеств Покровительнице, ***любовь***, ***верность***, усердие и благодарность в честь и славу посвящает. [М.В. Ломоносов. [Надпись]; Царь не оправдывал и его, но выразился в таком смысле: «Пусть народ уважит мою первую просьбу и простит Морозову то, что он сделал недоброго; мы, великий государь, обещаем, что отныне Морозов будет оказывать вам ***любовь***, ***верность*** и

доброе расположение, и если народ желает, чтобы Морозов не был ближним советником, то мы его отставим; лишь бы только нам, великому государю, не выдавать его головою народу, потому что он нам как второй отец: воспитал и возрастил нас. [Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск четвертый: XVII столетие]» любовь и верность часто связаны с идеей служения власти или государству. Например, в тексте Н.И. Костомарова царь просит народ простить Морозова, обещая, что тот будет проявлять «любовь» и «верность». Это указывает на то, что данные языковые единицы использовались для укрепления социальной иерархии и легитимации власти. [исследование проведено на материале текстов НКРЯ (ruscorpora.ru)] [166].

Религиозный контекст: В религиозных текстах «Время показать, каковую должны семы властям честь, ***любовь***, ***верность***, каковой страх и повиновение. [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово о власти и чести царской…]; И этому всему знаком является крест, потому что, в конечном итоге, ***любовь***, ***верность***, преданность испытываются не словами, даже не жизнью, а отдачей своей жизни; не только смертью, а отречением от себя таким полным, таким совершенным, что от человека остается только любовь: крестная, жертвенная, отдающая себя любовь, умирание и смерть самому себе для того, чтобы жил другой. [митрополит Антоний (Блум). Воздвижение Креста Господня] «любовь» и «верность» приобретают сакральный характер. Например, у митрополита Антония они связываются с жертвенностью и преданностью Богу, что подчеркивает их духовную значимость. Это отражает влияние христианской традиции, где «любовь» и «верность» является ключевыми добродетелями. [исследование проведено на материале текстов НКРЯ (ruscorpora.ru)] [166].

Литературная традиция: В литературных произведениях «И что ***любовь***, ***верность***, ревность тоже в известной степени претерпят изменения, и отношения людей в чем-то станут другими. [Василий Катанян. Прикосновение к идолам]; Володинские «Пять вечеров» начинали свой бой

— за «утраченные иллюзии» под названием ***любовь***, ***верность***, добро, порядочность и обретение. [Т.В. Доронина. Дневник актрисы]; ***Любовь***, ***верность***, три года разлуки — вечная, как мир, и неизменно новая история…[Дмитрий Биленкин. Долгое ожидание]; Тогда любовь ее представляется мне добродетелью, которой она лишь награждает меня за ***любовь***, ***верность***. [М.М. Пришвин, В.Д. Пришвина. Мы с тобой. Дневник любви];» любовь и верность часто используется для создания драматического эффекта. Например, у Дмитрия Биленкина они описываются как «вечная, как мир, и неизменно новая история», что подчеркивает их вневременной характер и универсальность. [исследование проведено на материале текстов НКРЯ (ruscorpora.ru)] [166].

3. Социально-этическая значимость

В современном обществе «любовь» и «верность» продолжают играть важную роль, но их значение может варьироваться в зависимости от контекста:

Вечные ценности: В текстах «Ресентимент тесно связан с проблемой социальных взаимодействий и мотиваций, а вследствие этого с такими ценностями как справедливость, свобода, солидарность, патриотизм, ***любовь***, ***верность***, составляющими основу российской идентичности (данные ценности входят в Свод вечных ценностей РПЦ). [Ю.М. Беспалова, В.А. Кондаков. Модернизационные преобразования в России: проблема ресентимента]; Особенно это касается эмоционально-смысловых пластов, противостоящих в опере соблазнам, на которые так падок человек, олицетворяющих ***любовь***, ***верность***, преданность — нетленных ценностей, только и способных возвыситься над предательством, алчностью, пустыми сиюминутными желаниями. [Игра в жизнь и игра в игру // «Российская музыкальная газета»]; И вот как его трактует: «В конце произведения торжествуют такие чувства, как привязанность, ***любовь***, ***верность***, которые оказываются выше сытости, удобств, тщеславия, блеска славы». [В.Б. Катаев. Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники]» данные

понятия рассматриваются как часть «вечных ценностей», которые противопоставляются материальным благам и сиюминутным желаниям. Например, у В.Б. Катаева они описываются как чувства, которые «оказываются выше сытости, удобств, тщеславия, блеска славы». Это подчеркивает их моральную значимость в современном мире. [исследование проведено на материале текстов НКРЯ (ruscorpora.ru)] [166].

Социальная идентичность: В тексте Ю.М. Беспаловой и В.А. Кондакова «Ресентимент тесно связан с проблемой социальных взаимодействий и мотиваций, а вследствие этого с такими ценностями как справедливость, свобода, солидарность, патриотизм, ***любовь***, ***верность***, составляющими основу российской идентичности (данные ценности входят в Свод вечных ценностей РПЦ). [Ю.М. Беспалова, В.А. Кондаков. Модернизационные преобразования в России: проблема ресентимента (2012)] данные языковые единицы названы частью российской идентичности, что подчеркивает их роль в формировании национального самосознания. [исследование проведено на материале текстов НКРЯ (ruscorpora.ru)]. [166].

Таким образом, семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» в русском языке представляет собой сложные, многогранные явления, которые затрагивают различные слои культуры, истории и общественной жизни. Их анализ на основе представленных текстов позволяет выделить несколько ключевых аспектов: «любовь» и «верность» имеет глубокие корни свидетельствующие, в литературных, исторических и религиозных текстах. Они описывают не только эмоциональные переживания, но и морально-этические нормы, такие как преданность, честность и добродетель которые подчеркивают их значимость и эволюцию в русской языковой картине мира.

Таблица 1. – Семантическое поле языковой единицы «Любовь» в русской картине мира

Категория	Основные идеи	Примеры/Цитаты
Определение любви	Любовь – это сложное, многогранное чувство, включающее эмоциональную, духовную и физическую составляющие. Оно может быть направлено на человека, идею, объект или даже Бога.	«Любовь – чувство глубокой привязанности к кому-либо, чему-либо» (Национальный корпус русского языка).
Философское осмысление	Любовь рассматривается как движущая сила, способствующая духовному восхождению и познанию высших истин. В античной философии – это жажда целостности и стремление к ней.	«Любовь – жажда целостности и стремление к ней» (Платон).
Религиозный контекст	В христианской традиции любовь к Богу – высшая форма духовного единения, направляющая человека к трансцендентности и абсолютным ценностям.	«Любовь к Богу – высшая форма духовного единения» (митрополит Антоний).»
Литературная традиция	Любовь в русской литературе часто изображается как вечное чувство, которое преодолевает время и пространство. Она вдохновляет на творчество и становится основой для драматических сюжетов.	«Любовь, верность, три года разлуки – вечная, как мир, и неизменно новая история...» (Дмитрий Биленкин).
Социально-этическая роль	Любовь рассматривается как часть «вечных ценностей», которые противопоставляются материальным благам. Она способствует формированию моральных норм и укреплению межличностных отношений.	«Любовь, верность, добро, порядочность – утраченные иллюзии, которые нужно обрести» (Т. В. Доронина).

Категория	Основные идеи	Примеры/Цитаты (Продолжение таблицы)
Культурно-исторический контекст	В русской культуре любовь часто связана с патриархальными ценностями, служением государству и религиозными идеалами. Она используется для укрепления социальной иерархии.	«Царь просит народ простить Морозова, обещая, что тот будет проявлять любовь и верность» (Н. И. Костомаров).
Паремии и пословицы	В русских пословицах любовь часто изображается как сила, преодолевающая преграды, но также как чувство, которое может быть обманчивым или сложным.	«Любовь зла – полюбишь и козла», «Любовь дорогу найдет», «Любовь на замок не закроешь».

Таблица 2. – Семантическое поле языковой единицы «Верность» в русской картине мира

Категория	Основные идеи	Примеры/Цитаты
Определение верности	Верность – это свойство, выражающее постоянство в чувствах, привязанностях, убеждениях и поведении. Она может быть направлена на человека, идею, государство или Бога.	«Верность – свойство по значению прил. верный; постоянство в чувствах, привязанностях, убеждениях, поведении» (Национальный корпус русского языка).
Философское осмысление	Верность рассматривается как нравственный принцип, выражающий преданность и устойчивость в отношениях. В философии она связана с этическими категориями, такими как доверие и ответственность.	«Верность – это осознанный выбор человека, который демонстрирует его способность к самоопределению и ответственности» (экзистенциализм).
Религиозный контекст	В христианской традиции верность связывается с преданностью Богу и духовным принципам. Она становится основой для внутренней гармонии и смысла жизни.	«Верность, преданность испытываются не словами, даже не жизнью, а отдачей своей жизни» (митрополит Антоний).

Категория	Основные идеи	Примеры/Цитаты (Продолжение таблицы)
Литературная традиция	Верность в русской литературе часто изображается как добродетель, которая преодолевает испытания и укрепляет отношения между людьми.	«Верность, три года разлуки – вечная, как мир, и неизменно новая история...» (Дмитрий Биленкин).
Социально-этическая роль	Верность рассматривается как часть «вечных ценностей», которые противопоставляются материальным благам. Она способствует укреплению доверия и стабильности в межличностных и социальных отношениях.	«Верность, преданность – нетленные ценности, способные возвыситься над предательством и алчностью» (Игра в жизнь и игра в игру, 2003).
Культурно-исторический контекст	В русской истории верность часто связана с идеей служения государству и власти. Она используется для укрепления социальной иерархии и легитимации власти.	«Царь просит народ простить Морозова, обещая, что тот будет проявлять любовь и верность» (Н. И. Костомаров).
Паремии и пословицы	В русских пословицах верность часто изображается как важное качество, которое ценится в дружбе, семье и отношениях.	«Самый лучший подарок друга – верное сердце», «Друзья познаются в беде», «Верный друг, что лекарство от болезни».

3.2. Словообразовательная репрезентация семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском языке.

Как пишет А.П. Бабушкин: «Словообразование – один из лучших способов пополнения лексикографического состава любого языка и, соответственно, влияет на его лексическую семантику, отражает отношение языка к мышлению» [12, с. 41].

Нами выявлен большой практический материал для проведения более конкретных исследований в области семантического словообразования. Однако при освоении семантики и концептуализации больше внимания уделялось описанию семантики лексики и синтагматики, а также значению редко рассматриваемых слов. Основным источником исследования является Национальный корпус таджикского языка (tajik-corpus.org) [18]. В данном корпусе к семантическому полю языковой единицы «ишқ» (любовь) найдено 5987 словоформ и 5860 предложений. Данные примеры мы разделили по нескольким группам:

Исторические аспекты: «Дар масири пурталотуми таърих аҷдоди тоҷикон ин ҷашнҳоро чун василаи пайвандгари байни инсону табиат, фарду ҷамъият ва ҳамчун омили тақвиятдиҳандаи худогоҳӣ, меҳру **муҳаббат** ба Ватан шинохтаанд ва гиромӣ доштаанд (На протяжении всего бурного хода истории предки таджиков признавали и уважали эти праздники как средство связи человека и природы, личности и общества, как фактор, укрепляющий самосознание, **любовь** и привязанность к родине); Хушбахтона, зимни баргузории Иҷлосияи таърихии 16-уми Шӯрои Олии ҶТ, таърих дар шахсияти Эмомалӣ Раҳмон роҳбареро ба саҳнаи сиёсат оварда, ки дар замираш ҷасорат, садоқат ва **муҳаббат** ба халқу ватан будааст (В ходе исторической XVI-й сессии Верховного Совета Республики Таджикистан история вывела на политическую сцену Эмомали Рахмона, лидера, обладавшего мужеством, преданностью и **любовью** к народу и Родине); Барои ин лозим аст, ки дар синни барвақтӣ дар ниҳоди наслҳо **муҳаббат** доштан ба тамаддун ва арзишҳои волои инсонӣ бедор карда шаваду ташаккулёбии шахсият, нигоҳдошти фарҳангу маънавиёт бояд пайваста тақвият ёбанд (По этой причине необходимо с раннего возраста прививать поколениям **любовь** к цивилизации и высоким человеческим ценностям, а формирование личности, сохранение культуры и духовности необходимо постоянно укреплять); Дар масири пурталотуми таърих аҷдоди тоҷикон ин ҷашнҳоро чун василаи пайвандгари байни инсону табиат, фарду ҷамъият ва

ҳамчун омили тақвиятдиҳандаи худогоҳӣ, меҳру **муҳаббат** ба Ватан шинохтаанд ва гиромӣ доштаанд (На протяжении бурного хода истории предки таджиков признавали и уважали эти праздники, как средство связи человека с природой, личности с обществом, как фактор, укрепляющий самосознание и **любовь** к Родине); Гузаштагонамон ҷашни Меҳргонро ҳамчун ситоишу ниёиши меҳр, аҳду паймон ва дӯстию **муҳаббат** ба оини меҳрпарастӣ рабт медоданд (Наши предки связывали праздник Мехрган с религией любви и сострадания как праздник **любви**, заветов, дружбы и привязанности); Тавре, ки дар лавҳаи дохили зиёратгоҳ оварда шудааст, Низомиддин Мир Алишери Навоӣ дар «Насойим-ул-**муҳаббат**» дар қатори ҳафтсад нафар пиру авлиёҳо номи Хоҷа Боғбонро низ зикр намудааст (Как указано на мемориальной доске внутри святилища, Низомиддин Мир Алишер Навои упомянул имя Ходжи Богбона в своем «Насайим-ул-мубараке» среди семисот старейшин и святых); Ҳамин меҳру **муҳаббат** буд, ки Шумо дар лаҳзаҳои барои Ватан фаҷеътарин – маҳз аз ибтидои солҳои 90 ба баъд дар шеър симои воқеан муфрад ва хоси худро ба зуҳур овардед (Именно эта **любовь** и привязанность заставили Вас раскрыть свой поистине неповторимый и особенный образ в поэзии в самые трагические для Родины моменты - именно с начала 1990-х годов); Аз ин лаҳза баъд Зулайхо дар изҳори **муҳаббат** ҷоҳилона ҳаракат мекунад ва ҳатто ҳозир аст шавҳари худ Азизро заҳр дода, нобуд кунад ва ба васли Юсуф расад: [Қиссаи «Юсуфу Зулайхо» дар адабиёти форсии тоҷикии асрҳои X-XV» (С этого момента Зулейха совершает глупые поступки в выражении своей **любви** и даже готова отравить и уничтожить своего мужа Азиза и выйти замуж за Юсуфа: [«История «Юсуфа и Зулейхи» в персидско-таджикской литературе X-XV вв.»); Инро Раиси Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон бо як ҷаҳон меҳру **муҳаббат** ва боварӣ баён намуд ва дар дили сардгардидаи мардум гармӣ бахшиду тухми умед кошт (Это выразил Председатель Верховного Совета Республики Таджикистан Его Превосходительство Эмомали Рахмон с миром **любви**, привязанности и

доверия, согревая холодные сердца людей и сея семена надежды); Пайдост, ки дар ашъори шоираҳои асри XIX рангорангии мавзӯи анъанавии ишқу муҳаббат, инсондӯстиву маърифатпарварӣ, тарғиби илму ҳунар, шарафи инсон барин ғояҳо ҷойи намоёнро ишғол мекард (Оказалось, что в поэзии поэтов XIX века традиционные темы **любви** и романтики, гуманизма и просвещения, пропаганды науки и искусства, а также такие идеи, как человеческое достоинство, занимали видное место)».

<u>Религиозные мотивы:</u> «Аз шаҳавоти ҷавонӣ бигрез ва бо ҳамаи онҳое ки Худовандро аз самими қалб мехонанд, аз паи адолат, имон, **муҳаббат** ва осоиштагӣ бирав (Юношеских похотей убегай, а держись правды, веры, **любви** , мира со всеми призывающими Господа от простого сердца); Масъалаи меҳру **муҳаббат** ва вафодории шавҳаратонро болои саҷҷода (ҷойнамоз) ҳал кунед, намоз бигузоред ва ҳама мушкилоти моддӣ ва маънавиатонро дар охири намоз аз Парвардигори меҳрубон талаб кунед (Решите вопрос любви, **привязанности** и верности вашего мужа на земном поклоне (молитвенном месте), помолитесь и попросите Милосердного Господа обо всех ваших материальных и духовных проблемах в конце молитвы); Бародарон ва хоҳарон бояд нисбат ба якдигар бо эҳтиром ва **муҳаббат** муносибат намоянд, муносибати наздики хешутаборӣ дошта бошанд (Братья и сестры должны относиться друг к другу с уважением и **любовью** и иметь близкие родственные отношения); Яке аз василаҳои масъулиятшиносии инсон аз нигоҳи дин **муҳаббат** ба пайвандону дӯстон аст, аммо ин муҳаббат орӣ аз ғараз буда, набояд ҳадафи худхоҳӣ ба дунбол дошта бошад (Одним из средств проявления ответственности человека, с религиозной точки зрения, является **любовь** к близким и друзьям, но эта любовь должна быть свободна от предвзятости и не должна преследовать корыстных целей»; Чунончӣ мутарҷим нигоштааст, «Пайғамбар ривоят ё ҳикояи соф адабӣ набуда, асари адабии фалсафиест, ки Ҷуброн аз атрофи масоили печидаи зиндагӣ, бахусус инсон ва муносибати ӯ ба **муҳаббат**, озодӣ, зебоӣ, дард, доду гирифт, намоз, дин, марг, баду нек, гуноҳу ҷазо ва

дигар унсурҳои он баҳс кардааст (Как отмечается, «Пророк» — это не чисто литературное повествование или рассказ, а философское литературное произведение, в котором Джебран обсуждает сложные вопросы жизни, особенно человека и его отношения к **любви**, свободе, красоте, боли, даянию и принятию, молитве, религии, смерти, добру и злу, греху и наказанию и другим ее элементам); Ки **муҳаббат** дин аст (Эта **любовь** — религия); Ва шинохтани ҳақиқати **муҳаббат** чунон мушкил аст, ки гурӯҳе аз мутакаллимон инкор кардаанд ва гуфтаанд, ки: касе, ки аз ҷинси ту набувад, вайро дӯст натавон доштан ва маънии дӯстии Худой фармонбардорист ва бас ва ҳар кӣ чунин пиндорад, аз асли дин чизе надониста бувад ва шарҳи ин муҳим аст ва мо аввал шоҳиди шаръ ба исботи дӯстии Худои таъоло бигӯем, он гоҳ ҳақиқат ва аҳкоми вай бигӯем (И распознать истину **любви** настолько трудно, что группа ученых отрицала это и сказала: вы не можете любить того, кто не из вашей расы, и смысл дружбы с Богом - это послушание, и это все. Тот, кто так думает, ничего не знает о сути религии, и объяснение этого важно, и мы должны сначала засвидетельствовать доказательства шариата, доказывая дружбу Всемогущего Бога, затем мы должны изложить истину и его постановления); Он фаҳм кунанд, ки кори дин ба ҳадис ва тааллум рост наёяд, ки ба завқ рост ояд, агар бисёрии ҳадиси **муҳаббат** ва ишқу зӯҳд ва таваккулу дигар маъонӣ бигӯӣ ва дар ин (дар ин боб, дар ин мавзӯъ) китоб тасниф кунӣ ва коғази бисёр дар ин сиёҳ кунӣ, ҳеч судат накунад, то бад-он сифат нагардӣ (Они должны понимать, что работа религии зависит не от хадисов и учености, а от вкуса. Если вы рассказываете много хадисов о **любви**, страсти, аскетизме, доверии Аллаху и других значениях, и классифицируете книги по этому (в этой главе, по этой теме), и пишете много статей по этому поводу, это не принесет вам никакой пользы, пока вы не станете известными благодаря этому); **Муҳаббат** охирин дин аст, ойини сафоро бин (**Любовь** — последняя религия, см. религию Сафы)».

Литературные связи: «Аз хурдӣ ба ман **муҳаббат** ба адабиёт, ба асарҳои классиконро талқин мекарданд (С юных лет мне привили **любовь** к

литературе, к произведениям классиков); Пас аз чанде, дар ҷои маргаш, лолаҳои сурх мерӯянд, ки рамзи **муҳаббат** ва садоқат мегарданд.Аввалин асарҳои адабиёт, ки дар он лола зикр шудааст, шеъри Умар Хайём аст, ки дар асри XII навишта шудааст (Через некоторое время на месте его гибели вырастают красные тюльпаны, становящиеся символом **любви** и преданности. Первое литературное произведение, в котором упоминается тюльпан, — поэма Омара Хайяма, написанная в XII веке); Ҳамзамон бояд гуфт, ки ин таваҷҷуҳу **муҳаббат** мутақобил буда, тайи ин солҳо, махсусан баъди Истиқлол пажуҳишгарону донишмандони Афғонистон дар шинохти таърихии миллати тоҷик, забону адабиёт ва муаррифии шахсиятҳои барҷастаи фарҳангии Тоҷикистони муосир таълифоти қобили қадре анҷом додаанд (В то же время следует сказать, что этот интерес и **любовь** взаимны, и на протяжении многих лет, особенно после обретения независимости, афганские исследователи и ученые внесли ценный вклад в историческое познание таджикской нации, языка и литературы, представление выдающихся деятелей культуры современного Таджикистана); Меҳргон на танҳо иди ҳосилот ва кишоварзон, балки ҷашни шеъру суруд низ ҳаст, зеро он бар меҳру **муҳаббат** ин мавзӯи ҷовидонии адабиёт асос ёфтааст (Мехрган – это не только праздник урожая и праздник земледельцев, но и праздник поэзии и песни, поскольку в его основе – любовь и **привязанность,** эта вечная тема литературы); Рӯдакӣ ҳамчун эҷодкори ин навъи шеър бо истеъдоди фитрӣ, ҷаҳонбинии васеъ ва дониши амиқи худ тавонист, ки дар ҳаҷми чаҳор мисраъ мавзӯи ҷовидонии адабиёт – ҳаёт, марг, **муҳаббат** ва хиёнатро баррасӣ намояд (Будучи создателем этого типа поэзии, Рудаки, с его врожденным талантом, широким кругозором и глубокими знаниями, смог всего в четырех строках обсудить вечные темы литературы — жизнь, смерть, **любовь** и предательство); Осори устод Рӯдакӣ сарвару саромади ин адабиёт, ки саршор аз эҳсосоти башардӯстӣ буда, қарнҳост чун таронаи **муҳаббат** ва садоқат садо медиҳад, худ гувоҳи он ин матлаб мебошад (Произведения Мастера Рудаки, лидера и основателя этой литературы, наполнены

гуманистическими чувствами и на протяжении столетий звучат как гимн **любви** и верности, о чем свидетельствует эта тема)». [исследование проводились в Национальном корпусе Таджикского языка, tajikcorpus.org]. [167].

«Гар дилам дар ишқи ту девона шуд, айбаш макун,
Бадр бенуқсону зар беайбу гул бехор нест».
(Если мое сердце сошло с ума от любви к тебе, не вини его,
Нет ни одного безупречного камня, ни одного безупречного золота,
ни одного цветка без шипов)» (Саъди Шерози).

«Ба ишқ инсон тавонад буд инсон,
Вагарна сурати бемаънӣ аст он».
(Человек может стать человеком через любовь,
В противном случае это бессмысленная картина) (Сарфи Кашмири)

Маз. Ба тоҷи ишқ сари одамӣ азиз бувад, агар на ишқ бувад, одамӣ чӣ чиз бувад? (Голова человеческая драгоценна для венца любви, но если она не любовь, то что такое человечество?)

В языкознании существует большое количество исследований, посвященных словообразованию, и в настоящее время можно считать, что лексикология уже сложилась в самостоятельный раздел науки о языке. До сих пор однако, учение о слове, в основном, ориентировалось на письменную форму языка, в то время как современный уровень развития языкознания требует внимательного отношения не только к семантике, но и словообразовании.

Вопрос о словообразовательных значениях терминов специально не рассматривался в лингвистической литературе. Деривационные значения терминов в работах, посвященных исследованию различных терминосистем, обычно рассматриваются с точки зрения характера значении словообразовательных типов, встречающихся в общем употреблении.

Однако при таком подходе специфика той или иной терминосистемы не может быть оснащена с достаточной полнотой.

В формировании словообразовательных значении участвуют как факторы языковые, так и факторы социальные. Процесс формирования терминообразовательных значений — это переход словообразовательных значений в значения терминообразовательные. Данный процесс происходит под воздействием системы понятий (терминополя), которая объединяет различные термины в микро и макрополя на основе классификации данной науки. Поэтому формирование терминообразовательных значений юридических терминов можно определить, как отражение типов связей между понятиями, выходящими в классификационную систему правоведения.

«Формирование терминообразовательных значений наблюдается в терминах, образованных суффиксальным, префиксальным, префиксально-суффиксальным, лексико-семантическим, морфолого-синтаксическим способами. Способ словосложения, а также у терминов-словосочетаний.

Наиболее разнообразные терминообразовательные значения слов. У суффиксальных терминов, в таджикском языке, которые составляют самую большую часть терминов – универбов» [149, с. 416].

Для выявления способов перехода словообразовательных значений в правовой терминосистеме в значения терминообразовательные, необходимо прежде всего определить характер деривационных значений словообразовательных типов, используемых из разных источников терминосистемах таджикского языка; установить причины сходства и различий в терминопроизводстве разных по структуре - условиям существования языков.

Языковые единицы таджикской терминологии по характеру словообразовательного значения можно объединить в несколько групп, причём одни словообразовательные значения представлены в обоих терминосистемах, другие отмечаются лишь в одной из них. В данном случае мы рассмотрим семантическое поле языковой единицы «вафо» или «садоқат» (верность) в таджикском языке.

В Национальном корпусе таджикского языка семантическое поле языковой единицы «вафо» или «садоқат» (верность) имеет 1623 словоформы и 1596 примеров предложений. Чтобы сформулировать точные данные, мы также разделили данное понятие на три части:

Исторические аспекты: «Хушбахтона, зимни баргузории Иҷлосияи таърихии XVI – уми Шӯрои Олии ҶТ, таърих дар шахсияти Эмомалӣ Раҳмон роҳбареро ба саҳнаи сиёсат оварда, ки дар замираш ҷасорат, **садоқат** ва муҳаббат ба халқу ватан будааст (К счастью, в период исторической XVI -й сессии Верховного Совета Республики Таджикистан история вывела на политическую сцену в лице Эмомали Рахмона лидера, обладавшего мужеством, **преданностью** и любовью к народу и Родине); Ин моияи ҳастӣ дар ҳилоли таърих ҳамеша ба қудрати безаволи адолат такя намуда, сулҳ, растагорӣ, дӯстӣ, **садоқат**, ҳамдилӣ ва тавҳид мебошад (Эта сущность существования на рубеже истории всегда опиралась на непоколебимую силу справедливости и представляет собой мир, спасение, дружбу, **верность**, сострадание и монотеизм); Фирдавсӣ бо шоҳкории безаволаш дар колбади таърих равону хирад, дили бедору дидаи ҳушёр, омоли неку бад, маънавияту рӯҳоният, камоли одамӣ, мардумпарварӣ, ишқу меҳру **садоқат**, хулоса ҳар чӣ дар симои як фарди зиндаву дар фазои як ҷомеа рӯй ба тараққиву пешравӣ дорад ва бояд бошад, ҳамонро зинда кардааст (Благодаря своему непревзойденному мастерству владения историей Фирдоуси воплотил в жизнь дух и мудрость, бдительное сердце и бдительный глаз, добрые и злые дела, духовность и духовность, человеческое совершенство, филантропию, любовь, привязанность **и верность** — короче говоря, все, что развивается и должно развиваться в образе живой личности и в пространстве общества); Ба бахти баланди мо, тоҷикистониён, таърих дар шахсияти Эмомалӣ Раҳмон роҳбареро ба саҳнаи сиёсат оварда, ки воқеан дилу нияти нек дошта, тору пудашро Офаридгор аз **садоқат** ба халқу Ватан ва ҷасорату ҷавонмардӣ сиришташт (К счастью для нас, таджиков, история вывела на политическую сцену в лице Эмомали Рахмона лидера, который действительно имеет доброе

сердце и добрые намерения, и чья душа и тело были созданы Творцом с **преданностью** народу и Родине, а также мужеством и молодостью); Искандар дилпур нест, ки ӯ **садоқат** дошта бошад (Александр не уверен, **предан** ли он); Зиёда аз чиҳилу панҷ сол ӯ ба мардум аз некӯиву хушӣ, ҳиммату одамгарӣ, меҳру вафо, покиву **садоқат** сухан гуфтааст (Более сорока пяти лет он говорит людям о добре и счастье, сострадании и человечности, любви и верности, чистоте и **преданности**); Рӯзи Президент нишони **садоқат** ба давлату миллат, рамзи муҳаббат ба Ватан ва шарафу номуси ватандорист (День Президента — знак **преданности** государству и народу, символ любви к Родине, чести и достоинства патриотизма); Ва ёфтани роҳи рост ва сулук дар он бе илм ба маорифи илоҳият ва илтизоми амонату садоқат муяссар намешавад (И найти правильный путь и руководство на нем невозможно без знания, образования в области богословия и обязательства доверия и преданности)».

<u>Релегиозные мотивы:</u> «Ҳадафи аслии таълимоти дини мубини ислом даъвати инсонҳо ба маърифату ахлоқ, меҳру муҳаббат, раҳму шафқат, хайру саховат, покизагии иффат, самимияту **садоқат**, дӯстию рафоқат, сулҳу ваҳдат, адолату ҳақиқат, манъу маҳкуми зуҳуроти номатлуб ва инъикоси ҳаёти ҳасанаву амнияти ҷомеа буда, 1400 сол боз сабзишу густариш меёбад (Главная цель учения чистой религии ислама — призывать людей к просвещению и нравственности, любви и привязанности, милосердию и состраданию, добру и щедрости, чистоте целомудрия, искренности и **верности**, дружбе и товариществу, миру и единству, справедливости и правде, запрету и осуждению нежелательных явлений, размышлению о хорошей жизни и безопасности в обществе, и она растет и расширяется на протяжении 1400 лет); Иди Қурбон-ҷашни **садоқат**, покию равшанӣ, анҷом додани таомули қурбонӣ дар айёми ҳаҷ, дӯстию муҳаббати байниҳамдигарӣ ба шумор рафта, аз фарҳанги ғании исломӣ сарчашма мегирад ва инсониятро ба шинохти ҳуввият ва асолату покӣ ҳидоят менамояд. Иди Қурбон ва дигар ойинҳои эътиқодии худро дар фазои сулҳу оромӣ ва суботи сиёсии ҷомеа чун

иди аҷдодӣ ва арҷгузорӣ ба арзишҳои инсондӯстонаи дини мубини Ислом таҷлил менамоянд (Ид аль-Адха — это праздник **верности**, чистоты и ясности, завершения жертвоприношения во время паломничества Хадж, дружбы и взаимной любви. Он берет свое начало в богатой исламской культуре и направляет человечество к осознанию своей идентичности, подлинности и чистоты. Они отмечают Курбан-байрам и другие религиозные праздники в атмосфере мира, спокойствия и политической стабильности в обществе как праздник предков и дань уважения гуманным ценностям чистой религии ислама); Ба пиндори мо, агар кас ба таърихи миллати худ, забону адабиёти он огоҳии саҳеҳ, надошта бошад, дар дил меҳру **садоқат** бар қавми хеш наварзида бошад, (ба ибораи файласуфони шӯравӣ, шуури миллӣ» надошта бошад), аз уламои аъломи дини мубини ислом ҳам бошад, барои қавми тоҷик хидмат карда наметавонад (По нашему мнению, если человек не имеет точных знаний истории своего народа, его языка и литературы, если в его сердце нет любви и **преданности** своему народу (по выражению советских философов, если у него нет «национального сознания»), то даже если он является всемирно известным ученым чистой религии ислама, он не может служить таджикскому народу); Ҳамчунин, фаромӯш набояд кард, ки танҳо бо пӯшидани сатру ҳиҷоб ва зоҳирпарастӣ масъалаи иффат аз нигоҳи ислом ҳал намешавад, зеро омӯхтани илму дониш, яъне босаводу соҳибмаърифат ва соҳиби касбу ҳунари муайян гардидан, вафодориву **садоқат** ба арзишҳои оилавӣ, анҷом додани амалҳои хайр ва дар кирдору рафтор боиффат будан аз ҷумлаи фазилатҳои муҳими мусулмонӣ мебошанд (Также не следует забывать, что вопрос целомудрия с точки зрения ислама не может быть решен простым ношением чадры и хиджаба, поскольку приобретение знаний и понимания, то есть приобретение грамотности и знаний, а также наличие определенной профессии и навыков, верность и **преданность** семейным ценностям, совершение добрых дел и целомудрие в своих действиях и поведении являются одними из важнейших мусульманских добродетелей); Косиб, мутахассис, коргар, коршинос, агар

кӯшо, вазифашинос, навовар ва ихтирокор бошанд вазифаи иҷтимоии худро бо **садоқат** ва муҳаббати фаровон анҷом диҳанд, вазифаи мазҳабии худро анҷом дода, пайрави комилҳуқуқи дин ҳисоб мешаванд (Ремесленник, специалист, рабочий, эксперт, если они усердны, добросовестны, новаторски и изобретательны, выполняют свои общественные обязанности с большой **преданностью** и любовью, выполняют свои религиозные обязанности и считаются полными последователями религии)».

Литературные связи: «Пас аз чанде, дар ҷои маргаш, лолаҳои сурх мерӯянд, ки рамзи муҳаббат ва **садоқат** мегарданд.Аввалин асарҳои адабиёт, ки дар он лола зикр шудааст, шеъри Умар Хайём аст, ки дар асри XII навишта шудааст (Через некоторое время на месте его гибели вырастают красные тюльпаны, которые становятся символом любви и **преданности**. Первыми произведениями литературы, в которых упоминается тюльпан, являются поэмы Омара Хайяма, написанные в XII веке); Ифодаи ҳолати инсон аз доираи маҳдуди ишқ, дӯстию душманӣ, баду нек, орзуву ормонҳо баромада, ҳиссиёти ватанпарварӣ, худшиносӣ, зебоии табиӣ, самимияти инсонӣ, **садоқат** ба кори партия ва халқу давлат ва монанди он дар адабиёт мавқеи муҳимтаре ишғол карданд (Выражение человеческого состояния вышло за пределы ограниченных рамок любви, дружбы и вражды, добра и зла, мечтаний и стремлений, и чувства патриотизма, самопознания, природной красоты, человеческой искренности, **преданности** делу партии, народа и государства и тому подобное заняли в литературе более важное место); Осори устод Рӯдакӣ сарвару саромади ин адабиёт, ки саршор аз эҳсосоти башардӯстӣ буда, қарнҳост чун таронаи муҳаббат ва **садоқат** садо медиҳад, худ гувоҳи он ин матлаб мебошад (Свидетельством этого являются произведения Мастера Рудаки, лидера и основателя этой литературы, полной гуманистических чувств и звучащей на протяжении столетий как песнь любви и **верности**); Гӯё бад–ин сабаб будааст, ки ростро дурӯғ медонистаанд, ва фиребгарро кордон мегуфтаанд ва хиёнатро **садоқат** мепиндоштаанд ва одамони соф ва хирадманд аз хидмати дарбор

мегурехтаанд, ки агар дуздӣ ҷавонмардист ва агар лаганбардорӣ одоб аст, мо шарик нестем ба ин корҳо, ва кори бад аст ин корҳо (Как будто зло было причиной того, что они считали правду ложью, называли обманщика искусным, а предательство считали **верностью**. И чистые и мудрые люди бежали от службы при дворе, говоря: «Если воровство — дело молодых людей, а ношение тарелки — этикет, то мы не участвуем в этих вещах, и эти вещи — зло»); Бузургони шеъри оламшумули форсии тоҷикӣ (дарӣ) бо тасвири ҳиссиётангезу ҳаяҷономез моҳияти рӯйдодҳоро кушода, дар мавзӯъҳои ватанпарастӣ, **садоқат**, боварӣ ба ғалабаи некӣ бар бадӣ, ишқи поку эҳтироми самимона ба дӯстӣ ва ҳамкорӣ асарҳои сазовори замон офариданд (Великие представители всемирно известной таджикско-персидской (дари) поэзии раскрывали суть событий с помощью эмоциональных и захватывающих описаний, создавая достойные времени произведения на темы патриотизма, **преданности** , веры в победу добра над злом, чистой любви, искреннего уважения к дружбе и сотрудничеству); Хусусиятхои асосии мадхи у дар он аст, ки шоир аз рӯи **садоқат** ва ихлос мамдуҳони худро меситояд (Главные особенности его воспевании в том, что поэт восхваляет своих слушателей с **преданностью** и искренностью); Шеъри Камол хонандаро ба рӯшноӣ, ба хайру некӣ, ба эътиқоду бовар, ба ишқу **садоқат** ва ягонагӣ ҳидоят мекунад (Поэзия Камала ведет читателя к свету, добру, вере и доверию, любви, **преданности** и единству); Дар маркази андеша ва ҷунбиши қалбии Лоиқ саъйи одамӣ ва меҳру **садоқат** гузошта шуда, ғарази холиси мафкуравӣ дар ин суханон ҳузур надорад (В центре мыслей и сердечных поступков Лоика — человеческие устремления, любовь и **преданность**, и в этих словах нет никакой чистой идеологической предвзятости»)». [исследование проводились в Национальном корпусе Таджикского языка, tajikcorpus.org]. [167].

В этом аспекте можно привести примеры из классических источников таджикского языка. Например, «Бе бод дарахт намеҷунбад» - То шамол набошад, шохи дарахт намеҷунбад.

(«Без ветра дерево не двигается». - Без ветра ветка деревы не двигается.

Бевафоӣ ҳар куҷо рахт афканад,

оқибат он ҷойро вайрон кунад.

Мазмуни ин масал он аст, ки ҳар кӣ сари риштаи вафо аз даст бигузорад, банди уқубат бар пои дил ниҳода бошад ва тавқи бало дар гардани ҷон афканад.

Неверность распространяется повсюду,

в конечном итоге уничтожить это место.

Смысл этой пословицы в том, что тот, кто отпускает нить верности, накладывает на сердце оковы страдания и на душу возлагает бремя бедствий.) (Саъди Шерози);

Бегона агар вафо кунад, хеши ман аст. Хешӣ меъёри дӯстӣ набуда, балки вафодори мебошад, ки он ҳатто бегонаро ҳамчун хеш наздик мекунад. Маз. Дӯстони вафодор беҳтар аз хешанд.

«Бегона агар вафо кунад, хеши ман аст».

Гар хеш ҷаф кунад, бадандеши ман аст,

Гар заҳр мувофиқат кунад, тарёк аст,

В-ар нуш мухолифат кунад, неши ман аст;

(Если чужой мне верен, то он мне родственник. Мерилом дружбы является не доброта, а верность, которая даже незнакомых людей сближает, как если бы они были родственниками. Маз. Верные друзья лучше родственников.

«Если чужой мне верен, он мне родственник».

Если он убьет себя, это моя вина,

Если яд подходит, то это опиум,

Если напиток мне противоречит, это мое жало;)

«Агар дусти меҳрубон шудан хоҳӣ, ҳатман дурустаҳду бовафо бош»

(Если хочешь быть добрым другом, будь правдивым и преданным)

(Х.Шерозӣ)

Аз ӯҳдаи аҳд агар берун ояд мард. Аз ҳар чӣ гумон барӣ, фузун ояд мард. Дар қавли худ устувор будан, ваъдаи худро иҷро намудан беҳтарини хислатҳост.

Мангар ту бад-он ки зуфунун ояд мард,

Дар аҳду вафо нигар, ки чун ояд мард.

«Аз ӯҳдаи ахд агар бурун ояд мард,

Аз ҳар чи гумон барӣ, фузун ояд мард».

(Если человек не выполняет своего обещания. Что бы вы ни думали, человек вырастет. Быть верным своему слову и сдерживать обещания — лучшие качества.

Если только ты не человек, которому суждено умереть,

Посмотрите на завет и верность, когда придет человек.

«Если кто нарушит завет,

«Что бы ты ни думал, человек вырастет».)

В целом можно отмечат, что большое сходство в значениях словообразовательных типов, входящих в системы лингвистических терминов в таджикском языке, предопределяют общей функцией любого языка и их знака или в нашем случае языковой единицы.

Некоторые различия словообразовательных значений терминов в терминосистемах таджикской лингвистике обусловлены как фактор языкового плана-способностью сочетаемости определенных типов основ с определенными суффиксами, так и факторами социальными. Например, присутствие в таджикской терминосистеме словообразовательных типов с такими значениями, как «она титулованного лица, названного мотивирующей основой, территория, на которую распространяется власть лица, названного мотивирующей основой»: Зан-модар қудрати бузургтарин корҳоро дорост» (Нақши зан дар ҷомеъа); «Зан на танҳо офаранда, инчунин қудрати созандагиро дорад» (Саҳми бонувониторӯник); «Бо шарофати ба қудрати сиёсӣ расидани муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон барномаҳои зиёди давлатӣ оид ба баланд бардоштани мавқеи зан дар ҷомеа роҳандозӣ гардид»

[исследование проводились в Национальном корпусе Таджикского языка, tajik-corpus.org]. обусловлено характером общественных отношений, господствующих в общество» [149, с. 416].

Таким образом, специфика терминопроизводства в сфере лингвистики проявляется в отборе общеязыковых словообразовательных типов для обозначения определенной системы понятий, которая влияет также на преобразования деривационных значений терминов в значения терминообразования.

Исторический контекст развития семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» показывает его прочную связь с социальными и культурными изменениями в обществе. Из выше указанных примеров можно подчеркнуть важность данных понятий и выделить ключевые лексические единицы, связанные с приведёнными выше языковыми единицами: чистая любовь, верный муж, преданная жена, верность, преданность, семейный долг, моральная ответственность.

Также, эти языковые единицы можно разделить на 3 группы:

1.***Эмоциональная глубина*** – «любовь» и «верность» как чувство, которое испытывают в душе и сердце: «Часто бывает что дружба между мужчиной и женщиной переходит в высшую его форму - в любовь».

2.***Социальный контекст*** – «любовь» и «верность» воспринимается как отражение общественных норм и ценностей: «День семьи любви и верности в государстве закреплён как памятная дата и тем самым подчёркивает приоритет данных ценностей в социальной политике».

3. ***Культурная специфика*** – «любовь» и «верность» ощущается как явление, которое имеет свои особенности в разных культурах: В восточной культуре любовь и верность рассматриваются как постепенное развитие отношений, основанных на уважении и социальных обязательствах.

В этом контексте изучение семантического поля языковых единиц позволяет не только глубже понять природу этого феномена, но и выявить его роль в формировании ценностных ориентиров общества.

Семья как социальный институт играет ключевую роль в формировании и изучении данных языковых единиц. Традиционные обряды: помолвка и свадьба, указывает важность взаимного уважения и согласия между партнерами.

Подытоживая свои наблюдения, можно сказать, что семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикской языковой картине мира не только формирует индивидуальные и коллективные представление о мире, но и играет ключевую роль в процессе социализации и формирования личности.

Таблица 3. – Семантическое поле языковой единицы «любовь (ишқ/муҳаббат)» в таджикской картине мира

Категория	Основные идеи	Примеры/Цитаты
Определение любви	Любовь — это сложная, высокая человеческая эмоция, основанная на взаимном уважении, духовной близости и моральных ценностях.	Муҳаббат ҳиссиётест, ки ба манфиати тарафайн ва ҷалби байни одамон асос ёфтааст» (луғати ахлоқӣ). (Любовь — это чувство, основанное на взаимном интересе и влечении между людьми) (этический словарь).
Роль любви в жизни	Любовь играет важную роль в формировании личности, семьи и общества. Она вдохновляет людей на добрые дела и укрепляет моральные устои.	«Муҳаббат қудрати ҷодугарӣ дорад, ки қотилро ба шахси меҳрубон ва шайтонро ба мӯъмин табдил медиҳад». (Любовь обладает магической силой, которая может превратить убийцу в милосердного, дьявола в верующего)

Категория	Основные идеи	Примеры/Цитаты (Продолжение таблицы)
Любовь и семья	Настоящая любовь — основа крепкой семьи. Семейный долг включает взаимное уважение, верность, преданность и сотрудничество.	«Вазифаи оилавӣ ин аз ҷониби шахс софдилона иҷро намудани талаботи ҷомеа оид ба муносибатҳои никоҳ ва оилавӣ мебошад» (Семейный долг — это добросовестное соблюдение человеком требований, предъявляемых обществом к брачно-семейным отношениям).
Проблемы любви	Современное общество сталкивается с проблемами разводов, ранних браков и утраты традиционных ценностей.	«Тибқи маълумоти оморӣ, дар баъзе кишварҳо мизони талоқ ба 50 дарсади шумораи умумии издивоҷҳо мерасад». (По данной статистики, в некоторых странах уровень развода достигает 50% от общего числа заключенных браков).
Любовь в поэзии	Поэзия и музыка прославляют любовь как высшее чувство, которое вдохновляет людей на творчество и добрые дела.	«Булбул дар бораи садбарг мехонад, чун шоир дар бораи ишк». (анъанаи назми тоҷик» (Соловей поёт о розе, как поэт о любви) (таджикская поэтическая традиция).
Любовь и молодежь	Подростковая любовь чиста, невинна и полна красочных переживаний. Она формирует у молодежи высокие моральные ценности.	«Ҷавонон имрӯз дар ишқ тавозуни байни анъана ва муосирро меҷӯянд» (тадқиқоти муосир). (Молодёжь сегодня ищет баланс между традициями и современностью в любви) (современные исследования).

Категория	Основные идеи	Примеры/Цитаты (Продолжение таблицы)
Философия любви	Любовь — это не только физическое влечение, но и духовная связь, которая объединяет людей на основе интеллектуальных, моральных и эмоциональных качеств.	«Ишқ ин муҳаббат (муҳаббати олӣ ба Худо) аст, ки дилро пок месозад» (суннати суфӣ). Намунаҳо: ашъори Румӣ, Ҳофиз, Ҷомӣ. (Любовь — это ишк (высшая любовь к Богу), который очищает душу» (суфийская традиция). Примеры: поэзия Руми, Хафиза, Джами).
Традиции и любовь	В таджикской культуре любовь и брак связаны с традиционными обрядами, такими как помолвка и свадьба, которые подчеркивают важность семьи и взаимного согласия.	«Муҳаббат ба оила ва ниёгон асоси фарҳанги тоҷикон аст» (ақидаҳои суннатӣ). (Любовь к семье и предкам — основа таджикской культуры)(традиционные представления).
Любовь и красота	Красота любимого человека важна, но истинная красота заключается в нравственной добродетели и духовной близости.	«Зебоии бе фазилати ахлоқӣ дилро гарм намекунад». (Красота без нравственной добродетели не согревает сердце)
Любовь и духовное совершенство	Любовь в таджикской литературе часто символизирует не только чувства между людьми, но и стремление к духовному совершенству.	«Ишқ — роҳи ҳақиқат ва ҳамфикрӣ» (Ҳофиз). (Любовь — это путь к истине и гармонии) (Хафиз).

Таблица 4. – Семантическое поле языковой единицы «верность (вафо/садоқат)» в таджикской картине мира

Категория	Основные идеи	Примеры/Цитаты
Исторические аспекты	Семантическое поле языковой единицы «верность» в таджикской культуре исторически связан с преданностью народу, родине и лидерам. Он рассматривается как важный элемент национального самосознания и патриотизма.	«Эмомали Раҳмон роҳбареро ба саҳнаи сиёсат овард, ки дар замираш ҷасорат, садоқат ва муҳаббат ба халқу ватан будааст» (Эмомали Рахмон — лидер, обладающий мужеством, преданностью и любовью к народу и Родине).
Религиозные мотивы	В религиозном контексте «верность» (садоқат) связывается с преданностью Богу, семейным ценностям и моральным обязательствам. Она рассматривается как добродетель, которая укрепляет духовность и нравственность.	«Иди Қурбон — ҷашни садоқат, покию равшанӣ» (Курбан-байрам — праздник верности, чистоты и ясности).
Литературные связи	В таджикской литературе «верность» часто изображается как символ преданности, любви и патриотизма. Она является ключевой темой в произведениях классиков, таких как Рудаки, Фирдоуси, Хофиз и других.	«Осори устод Рӯдакӣ... чун таронаи муҳаббат ва садоқат садо медиҳад» (Произведения Рудаки звучат как гимн любви и верности).
Социально-этическая роль	Верность рассматривается как основа моральных и социальных норм. Она проявляется в преданности семье, друзьям, обществу и государству. Это качество, которое укрепляет доверие и стабильность в межличностных отношениях.	«Вафодориву садоқат ба арзишҳои оилавӣ» (Верность и преданность семейным ценностям).

Категория	Основные идеи	Примеры/Цитаты (Продолжение таблицы)
Культурная специфика	В таджикской культуре «верность» имеет глубокие корни и связана с традиционными обрядами, такими как помолвка и свадьба. Она подчеркивает важность взаимного уважения и согласия между партнерами.	«Меҳру вафо, покиву садоқат» (Любовь и верность, чистота и преданность).
Эмоциональная глубина	Верность воспринимается как глубокое чувство, которое испытывается в душе и сердце. Она связана с искренностью, преданностью и готовностью жертвовать ради близких.	«Ҳиссиёти ватанпарварӣ, самимияти инсонӣ, садоқат ба кори партия ва халқу давлат» (Чувства патриотизма, человеческой искренности и преданности делу партии, народа и государства).
Философское осмысление	В философском контексте верность рассматривается как нравственный принцип, который способствует духовному восхождению и укреплению моральных устоев. Она связана с идеями добра, справедливости и гармонии.	«Сулҳ, растагорӣ, дӯстӣ, садоқат, ҳамдилӣ ва тавҳид» (Мир, спасение, дружба, верность, сострадание и монотеизм).
Паремии и пословицы	В таджикских пословицах и поговорках верность часто противопоставляется предательству и неверности. Она рассматривается как важное качество, которое ценится в дружбе, семье и общественных отношениях.	«Бевафоӣ ҳар куҷо рахт афканад, оқибат он ҷойро вайрон кунад» (Неверность распространяется повсюду, в конечном итоге уничтожая это место)».

3.3. Структурно - содержательная характеристика семантического поля языковой единицы «любовь» в газелях таджикско - персидского языка.

В таджикском языке выделяются следующие понятийные виды: литературные произведения, субъект произведения, объект произведения и элементы поэзии.

Особенное чувство красивого это одно из определенных значимых черт в средневековой культуре у мусульман. В литературных произведениях данной эпохи «маҳаббат аль-джа-маль», что обозначает любовь к прекрасному является основным элементом для воспитания. Любовь к красоте чувству прекрасному, любовь к старшему поколению и.т.д. Это обстоятельство как таковой является доказательством того, что особенная жизнь аристократов требовала особенного отношения к данному воспитанию и имела свое особенное отношение в плане философского и житейского подхода. Главное содержание основных возникших по этой причине эстетических концепций осознание красивого как качественного величия, которое лишено какого-либо эгоистического и жестокого. Такое полное понимание прекрасного встречается в литературных сочинениях и в частности произведениях аль-Газели «Оживление религиозных наук» [131, с. 328-330], в котором дается определенная шкала ценностей или как его называют еще объект любви представленная пять разновидностей данного чувства: 1) Человек и его любовь к своему существованию, его совершенству и сохранению; 2) любовь к тому, кто вершит для него благо в отношении продления его существования, служит для его сохранения и отведения от него того, что пагубно; 3) любовь к тому, кто приносит счастья просто своим присутствием сам по себе вершит благие деяния для людей, не для себя это само по себе и есть любовь; 4) любовь к тому, что прекрасно само по себе, это когда вдыхаешь воздух все прекрасное что окружает вокруг; 5) любовь к тому, к кому тянет всем сердцем с кем есть полная внутренняя гармония».

Проведя анализ схем с аксиологической точки зрения, А.В. Сагадеев отмечает, что они «расположены по восходящей линии, одухотворенности и незаинтересованности вызываемого ими чувства - от ценности жизни через ценность блага, нравственную и эстетическую ценности до ценности любви как таковой. «Любовь к красоте и благолепию», по словам аль-Газели, есть истинная большая любовь, так как «для воспринимающего красоту мила любая красота сама по себе как таковая, поскольку в восприятии красоты - само наслаждение, наслаждение же любо само по себе, а не ради чего-то другого» [132, с. 256].

Необходимо отметить, что в данной научной работе термин «газель» используется исключительно как лингвистический феномен, что обусловлено указанными исследовательскими задачами, а также методологическим подходом, направленным на сопоставительно-типологический анализ. Общеизвестно, что газель – литературный жанр классический поэзии, однако в нашем исследовании «газель» не является предметом изучения. В данной работе акцентируется внимание на его лингвистических особенностях и существование в дискурсном поле языковой единицы «любовь» в персидско-таджикском языке. Это можно обосновать следующим образом:

Во-первых, «газель» рассматривается как первоисточник лингвистического корпуса, способствующий выявлению наиболее значимых семантических, лексических и фразеологических признаков, закрепленных за языковой единицей «любовь». Подчеркивается значимость не только художественного аспекта текстов, но их лексической слитности, включая использование метафор, символов, эпитетов и других лингвистических средств, порождающих языковую систему смыслов.

Во-вторых, сравнительно-лингвистический позиция предусматривает компаративный анализ слов, применяемых в газели, с эквивалентными компонентами в других жанрах или языковых строях. Это способствует раскрыть типовые и особенные характеристики в демонстрации

семантического поля языковой единицы «любовь» в таджикском языке, который входит одной из основных задач исследования.

В-третьих, в нашем случае газель выступает как лингвокультурный код, который применяется в качестве языковой картины мира и национально - культурных особенностей таджикского языка.

Следовательно, применение газели в сравнительно-лингвистическом аспекте помогает сконцентрироваться на анализе языковых процессов, которые формируют и передают семантическое поле языковой единицы «любовь», что, соответствует целям и задачам нашего исследования. Такой принцип поддерживает академическую корректность и точность исследования, исключая смешение с литературоведческим анализом и при этом в основе лежат лингвистические исследования.

Слово «газель» в классическом языке фарси, как и некоторые другие слова, в своем историческом развитии имело два значения: лексическое (родовое) и терминологическое (видовое).

Из средневековых сочинений по литературоведению впервые этот вопрос был затронут в «Муджам» Шамси Кайса. Вот его определение:

«Газель» в основном значении слова – это рассказ о женщинах, описание любви и страстного влечения к ним. Сочинение газелей это (воспевание) любви» [43, с. 103].

Многие поэты называют газелью описание красоты возлюбленной и изображение состояния любви, влюбленность. Цель газели - успокоение души и доставление приятного настроения. Поэтому газель должна быть создана плавным метром, ясным и красивыми словами художественными средствами и должно содержать благородные взгляды.

Такое представление о газели было распространено в литературных кругах Мавераннахра и Хорасана до начала XIII в. Хотя Шамси Кайс происходил из Рея и поэтому иногда допускал ошибки, цитируя стихи поэтов Хорасана и Мавараннахра, тем не менее возможность ошибки в определении газели маловероятна. В силу всего, сказанного в приведенном нами выше

определении газели не могли не отразиться представления о форме газели, бытовавшие в литературных кругах Мавараннахра, Хорасана и Фарса времен Саъди [43, с. 103].

После XIII в. семантика слова «газель» не претерпевает существенных изменений. Словари, составленные даже после XV в., повторяют, по существу, с незначительными изменениями, определение Шамси Кайса. Только в «Ҳафт кулзум» Кабула Мухаммада наряду с повторением лексического значения этого слова дается также и терминологическое толкование. Вот его определение:

«Газель» в словарном значении – это описание любви и отношения к женщине. А терминологически – это несколько бейтов, объеденных единым стихотворным метром и монорифмой. Считается обязательным, чтобы (объем газели) не превышал 12 бейтов. Некоторые же называют газелью (стихотворение такого рода), содержащее до 19 бейтов. А некоторые поэты поздних веков доводят число бейтов в газели до 21. В газели, большой частью, описываются красота возлюбленной, переживания и чувства влюбленного. Дидактические же советы выражаются в других видах поэзии. Газель начинается и кончается единой темой, будь то свидание (с возлюбленной) или разлука» [26, с. 343].

Это терминологическое определение газели, данное автором «Ҳафт кулзум», может быть принято без существенных оговорок. В действительности в газели изображается не только облик и причуды возлюбленной, не только тоска, грусть, сетование на соперника и на судьбу, описывается не только картины природы, вино, чаша, – одним словом, тематика газели не ограничивается интимной лирикой, напротив, в ней могут быть выражены вопросы этики, философии, суфизма, дидактики, жалобы на окружающую действительность. Иными словами, тематика газели охватывает не только интимные переживания личности, но и вопросы общественной жизни.

Следует также иметь в виду, что особенность газели, заключающаяся в том, что каждый отдельный бейт может содержать самостоятельную мысль, дает возможность поэту выражать в рамке любовной лирики социальные вопросы.

Слова Шамси Кайса, что «большинство поэтов называет газелью изображение красоты возлюбленной, описание любви и любовных переживаний», также свидетельствуют о том, что подобные поэтические произведения X в. назывались газелями.

Газель по истине является классической поэзии на языке фарси и представляет собой особый аспект лингвистического исследования. Этот жанр не только отражает эстетические и культурные специфику персидско-таджикской литературы, но также, демонстрирует эволюцию языка, природы и семантики в контексте исторического развития. В данном разделе изучение газелей позволяет выявить специфические черты, связанные с фонетикой, лексикой, синтаксисом и семантикой, что делает их важным источником для изучения языка.

При изучение лингвистических аспекта текстов газелей можно выявит следующие черты:

Фонетико-ритмическая организация: газель опирается на строгие нормы метрических системы (аруза), что основывается на определённые ритмические оттенки, которые способствует эмоциональному воздействую на слушателей.

Одной из ключевых особенностей газели является её ритмическая структура, основанная на системе аруза. В газелях активно всего используются такие метры, как хазадж, рамал и муратакариб, которые способствуют созданию плавного и медленного звучания.

Для примера можно привести газель Рудаки:

«Мое сердце поражено кокетством Сальмы,

Как душа Меджнуна локонами Лейли.

Когда ты даришь мне засахаренные лепестки розы,

Боль в сердце утихает,

Когда ты хмуришь лицо, избавляешь меня от тоски» [90, с. 138].

Здесь чётко можно увидеть ритмическую структуру, который характерна для газели, а также, использование монорифмы, которая связывает бейты в единое целое.

***Лексико-семантический уровень*:** в газелях интенсивно употребляется лексические единицы, связанные с тематикой любви, красоты и природы, что формирует специфический семантический контекст.

Лексический состав газелей сильно отличается высокой степенью образности и эмоциональной насыщенности. В текстах активно используется такие лексические единицы, как «любовь», «возлюбленная», «красота», «тоска», «грусть», что формирует специфический семантический контекст. Кроме того, в газелях часто встречаются метафоры, эпитеты и сравнения, которые усиливают эмоциональное воздействие текста.

Например, в газели Дакики:

«О кумир! Райские тучи накинули

На землю одеяния месяца урдибихишт.

Земля подобно шелку, запятнаному кровью,

Набо красиво, словно окрашено в индиго» [90, с. 138].

Здесь используется яркие метафоры «райские тучи», «одеяния месяца» и сравнения «земля подобно шелку», что создаёт богатый образный ряд.

Синтаксическая структура: каждый бейт (двустишие) газели обладает самостоятельной смысловой завершённостью, что позволяет рассматривать его как отдельную микроструктуру в рамках общего текста. Это свойства газели даёт поэту возможность выражать в рамках одного произведения разнообразные мысли и эмоции, что делает жанр особенно гибким и многогранным.

Примером может служить газель Рудаки:

«Твои нарциссы похитили блеск у вавилонской волшебницы,

Твои раскрытые уста — это врата к чудесам Мусы» [90, с. 138].

Каждый бейт здесь представляет собой законченную мысль, что характерно для синтаксической структуры газели.

Порождение и исторические развитие термина «газель» демонстрирует его эволюцию от описания любовных переживаний до более широкого жанрового охвата, включающего философские, этические и социальные темы. Также, тесно связана с изменениями в общественной и культурной жизни персидско-таджикского общества и газель приобретает новые черты, такие как использование тахаллуса и редива, что свидетельствует о развитии поэтической традиции.

Например:

«Владыка Мазеандера найдет,

Или же Мессия с небо спускается.

Или же искандер свель можами Ирана

Из Каирувана движется на Востоке» [90, с. 138].

Здесь используется редив «идет», «спускается», «движется», что создаёт ритмическое и семантическое единство текста.

Лингвистический анализ текстов газелей позволяет сделать вывод о том, что жанр не ограничивался исключительно интимной лирикой, но также, включал элементы дидактики, суфизма и социальной критики. Например, в газелях Санаи и Аттари наряду с описанием любовных переживаний встречаются философские размышления о смысле жизни, природе человека и его место в мире.

Санаи в своей газели пишет:

«Любовь – это огонь, который сжигает всё, кроме сердца,

И только в сердце она находит свой дом» [90, с.138].

Общеизвестно, что Рудаки является родоначальником персидско-таджикской поэзии, мы целиком присоединяемся к нему. Действительно, в поэтическом наследии X в. лучшие образцы лирических стихотворений, напоминающих газели, встречаются именно у Рудаки. Возьмем хотя бы следующее стихотворение:

Твоей красивую мир украшен: я понял наконец,

Что кудри у тебя, как мускус, и амбры образец!

Клянусь твоим железным сердцем, которое могло!

Изрезать надписями скалы, вонзаясь, как резец,

Что я твоей не верю дружбе, не верю и любви:

Никто не видел снисхожденья от каменных сердец!

Творца о милости молю я, но есть ли польза в том?

Что милость для тебя господня, что дал тебя творец?

О, если б Рудаки взял ты, мой друг, в рабы,

То стал бы ста владык счастливей невольник – твой певец! [90, с. 138].

В этом поэтическом памятнике наличествует описание любви и красоты возлюбленного. Для полного описание душевной состоянии поэт утонченно подбирает нужные слова в газели. Именно поэтому можно утверждать, что газель – это описание любви. И начинания в период Рудаки в жанре газели дали свои плоды именно об описании и душевном состоянии человека, который можно прочитать в набросках и в строках газели. Многие поэты пробовали свои силы в этой форме, в особенности она расцвела во второй половине X в. Яркий пример этому – стихотворение Дакики:

Все то, что мир творит, – подобье сна дурного,

Однако мир не спит, он действует сурово.

Там, где должно быть зло, своё он видит благо,

Он радуется там, где боль всего живого.

Так почему на мир взираешь ты спокойно?

В деяньях мира нет покоя никакого.

Лицо его светло, зато душа порочна,

Хотя он и красив, плохо его основа. [90, с. 138].

Это стихотворение, тоже может послужить ярким примером вышесказанных нами слов. То есть, именно газель являлся описанием внутренний состояние человеческой души. Не говоря уже о других

названных выше особенностях газели. Но, как бы там ни было, стихотворение Дакики было большим вкладом в разработку жанровой формы (вида) газели в X в. Другим ярким примером высокого уровня развития лирической поэзии X в. является любовные стихотворение, приведенное в «Тарджуман ал-балага»:

В его сердце, кроме любви, не было ничего,

Кроме безумия, другого занятия не было,

В каждый миг он был близок к смерти,

День и ночь мечтал о смерти.

От сильной душевной болезни постоянно

На устах было только слово смерть. [43, с. 103].

Здесь необходимо подчеркнуть, что в этот период особое внимание поэтов привлекли касыды и дидактические стихи Рудаки, отдельные бейты из которых они включали в свои стихотворения, развивая те или иные мысли Рудаки. Более того, поэты XI в. старались следовать за Рудаки и в формальных моментах. Лучшим примером этого является следующее произведение Фирдоуси:

«Если бы я одну ночь отдохнул в твоих объятиях,

То поднял бы голову от гордости до неба,

Я разбил бы калам в руке у Меркурия,

Похитил бы шапку с головы Луны,

Достоинством превзошел бы весь небосвод,

Пятой ступил бы на вселенную.

Если бы я обладал твоей красотой.

Если бы я был тобой,

То я смилостивился бы над несчастными,

Простил бы я влюбленных.» [90, с. 138].

То, что хочешь услышать больше всего, очень часто слышишь меньше всего. Слова или в нашем случае семантическое поле языковых единиц, употребляемые в обычном пользовании и применяемые то к одной, то к

другой вещи, являются, порой, чрезвычайно темными и непригодными в рассуждениях, если четким анализом не был определен их точный смысл. Нет другого средства достигнуть успеха, только как исследовать происхождение слова в различных обстоятельствах, при которых оно употребляется. Слово само по себе ничего не означает, и что только в повседневном употреблении нужно искать его смысл, потому что смысл слова — это идея, которую оно возбуждает в уме тех, кто его слышит.

Слово, которым злоупотребляют больше всего — это слово любовь, и верность часто применяемое и в повседневной жизни и не имеющее возрастных ограничений, а также, применяемое к божеству. К данному слову часто обращаются поэты и писатели сопоставляемых двух языковых систем. Яркими примерами могут послужит следующие произведении:

Барои ҷалб кардани Муҳаббат ба як тавтиаи пинҳонӣ!
Тамоми дунёро ба оғӯш гир, Муҳаббатро бар ту боло кун,
То ҷаҳон аз баландӣ афтоду шикаста,
То он ки ӯ аз харобаҳо ҳамчун беҳтарин бархоста тавонад!

Вовлечь бы в тайный заговор Любовь!
Обнять весь мир, поднять к тебе Любовь,
Чтоб с высоты упавшей, мир разбился,
Чтоб из обломков лучшим встал он вновь!

Ошиқ! Дар ғамҳои ишқ
Биҳиштро барои кумак даъват накун!
Ба суханони ман бовар кунед,
Дар ишқ аз худат нотавонтар ҳастӣ.

Влюблённый! В горестях любви
На помощь Небо не зови!

Оно, поверь моим словам,

В любви бессильной, чем ты сам.

Следует отметить, что «этимология этого слова происходит от взаимной нежности отцов и детей: из ама (ата), мать, сделали в древнееврейском языке амам, амавит (атат, Amavit), люблю, любил и в латинском языке из ама-амо (amo) люблю, оно означает нежность, которую родители испытывает к своим детям и которое их побуждает доставлять им всё те, что может способствовать их счастью» [161, с. 538]. Это чувство нежности распространяется на много других предметов, на друзей, на любимую женщину, даже на животных; но оно может касаться только одушевленных существ; можно испытать чувство нежности при виде неодушевленных существ, что рассматриваются как знаки, напоминающие нам идею лиц, которых мы любили. Кажется, что эта нежность заключается в сравнении нас с любимым предметом, которое может иметь место, только когда речь идет об одушевленных существах. Когда говорят, что любят известные блюда, прогулку и т.д., то это имеет другой смысл, который мы сейчас объясним.

Любовь к лицам другого пола выражает чувства, желание наслаждаться удовольствиями, связанными с соединением тел; слово «любовь» распространилось на всю идею, связанную с этими чувствами, и так как желание наслаждения ему свойственно наряду со всеми желаниями, возбуждаемыми в нас чувствительными предметами, то пользовались словом «любить» для выражения этих желаний. Говорят, любить мясо известных сортов, любить фрукты, любить вино, любить картины, любить вообще красивые вещи. В этом смысле пусть каждый отдает отчет себе самому в том, что он понимает под словом «любить», и он найдет, что это нечто иное, как находить удовольствие в наслаждении вещью. Еще одно чрезвычайно важное замечание — это слово «наслаждение» применяется своеобразно к различным предметам: наслаждаться концертом, наслаждаться картиной,

наслаждаться едой - во всех случаях лишь в приведении души в приятное состояние.

Каким образом находят удовольствие в наслаждении чувственными предметами, возбуждает в нас это удовольствие? Это то, что нельзя объяснить без знания, природы нашей души более глубоко, чем мы на это способны.

Вот два различных вида любви: один выражает нежность по отношению к одушевленным существам, который можно считать любовью угождения; другой заключает идею пользования предметом и желание им наслаждаться, вкушать, то есть вкус или желание. Нужно, однако, здесь отметить, что невзирая на отличия, в природе вещей есть известные отношения между обоими видами любви.

Вспомните состояние души, когда она испытывает продолжительное ощущение удовольствия – свежесть тени, запах цветов и эту смесь неясных ощущений, внушаемых всеми красотами природы. В этом есть нечто от той угодливости, приписывают в качестве основной черты нежности. Это, однако, еще не нежность; это оттенок между ней и вкусом, который мы имеем к неодушевленным предметам; это называется любовью; это подлинное наслаждение, но чувство нежности также подлинное и быть может наиболее сладким из всех.

Таким образом, слово любить, взятое в этом смысле, значит наслаждаться этим чувством, во всяком другом случае оно означает только немного длительное желание наслаждаться предметом, или просто привычку находить в этом удовольствие.

Обычно говорят, что всякий человек любит добро вообще. Это можно было сказать во все времена только о любви к желанию; никогда люди не питали чувства нежности к добру вообще, которое не является ни частным существом, ни одушевленным. Но даже в отношении любви к желанию это не совсем верно: отвлеченная идея не может быть предметом желания, которое, как это заметил Локк, есть род беспокойства, причиненного

лишением предмета. Верно только то, что всюду, где душа найдет чувство удовольствия, она его пожелает, но нужны и знания. Опыт доказывает, что знание не возбуждает желания в собственном смысле; желание предполагает вкус, а вкус – чувство. Мы не желаем предметов, о которых мы не можем себе представить чувствительные образы: «известны случаи, когда крестьяне не были тронуты предложенными им большими суммами денег, потому что они не могли себе представить счастье, которое эти деньги им доставили бы. Следовательно, идея добра вообще является лишь абстракцией и не может возбуждать желания» [16, с. 86].

Автор труда «Действие бога на тварь» говорит о неоценимых красотах божественной сущности; что этим автор хочет сказать? Откуда к нам пришла идея красивого? От чувств. Мы называем красивым то, что имеет отношение к органам зрения, слуха и с некоторым нашим умственным способностям, посколько мы испытываем удовольствие от созерцания предмета. Только то может быть желанным и любимым, что имеет нам отношение, что возбуждает в нас эту нежность, о которой мы говорили; или те желания, которые являются лишь чувством нашей потребности. Если мы обратимся к опыту, то найдем, что эти ощущения нам даны от созерцания предметов, как и в случае с живыми субъектами общества. Сострадание, любовь к отечеству, дружбу — это чувства доброты и милосердия.

Во втором случае, если красноречие способно нас взволновать одними только идеями истины, добродетели, общего счастья, то это часто потому, что воображение делает из этого частные приложения и всегда потому, что слова, достигшие выражения этих отвлеченных идей, только применяясь почти всегда к частным и чувствительным предметам. Предметы, которые, остаются в нашей душе связанные чувством. Данные предметы в нас вызывают память и это потому, что вообще чисто отвлеченные и всеобщие идеи нам не свойственны; они являются таковыми в своем грамматическом значении; но они всегда открывают массу побочных идей, с которыми они связываются и через которые, быть может, мы только можем их схватить.

Если под чувством любить бога понимать только подобные чувства счастья, то мы согласны, но, говоря с философской строгостью, это чувство собственно обязанность. К памяти о некоторых приятных ощущениях добавляется известная степень чувства, которое через смешение и смятение идей делается неопределенным и смутным.

Нам кажется, что приведенный анализ любви прояснит некоторые затруднения.

Лучше пить и веселых красавиц ласкать,
Чем в постах и молитвах спасенья искать.
Если место в аду для влюбленных и пьяниц,
То, кого же прикажете в рай допускать?

О горе, горе сердцу, где жгучей страсти нет.
Где нет любви мучений, где грез о счастье нет.
День без любви – потерян: тусклее и серей,
Чем этот день бесплодный, и дней ненастья нет.

(Омар Хайям. Рубаи о любви)

Спрашивают, является ли любовь корыстной? На этот вопрос очень легко ответить. Говорим ли мы о нежности? Ясно, что она бескорыстна; нельзя более любить предмет потому, что находишь в нем свою выгоду, равно как нельзя наслаждаться красивой музыкой, поэтому самому мотиву. Говорить, что мы можем любить лишь потому, что в любви находим удовольствие и отсюда заключать, что любовь корыстна, это то же самое, как если бы мы сказали, что находят запах розы приятным вследствие заинтересованности, так как это доставляет удовольствие. Одно и другое чувство основаны на отношении предметов к нашим органам, к нашим способностям, и это отношение необходимо. Тут есть только возможность обратить внимание на предметы, имеющие нам внушить чувства нежности, подобно тому, как можно приблизить розу к своему носу. Правда, что все, что носит характер приятности, все, что может нам дать это удовольствие,

внушает нам это чувство в пользу лиц, доставивших нам это удовольствие; красота, ум, характер, полученные благодеяния побуждают нас любить этих лиц. Но эта любовь по этой причине не является корыстной; она происходит от того, что эти вещи нам естественно внушают это чувство, ибо часто мы не надеемся через нее ни на какую пользу. Нужно еще заметить, что все это всегда чувствительно или представлено воображением.

Если говорить о желании, то не менее ясно, что оно всегда корыстно, ибо противоречиво не желать того, чего желают другие, не хотеть наслаждаться, чувствовать свою потребность в любви к другому.

Применим все эти принципы к вопросу о любви к богу. Если полагать просто, что мы обязаны питать к богу любовь и признательность за все блага, которые мы от него получили, тогда нет сомнения, что правы утверждающие, что эта любовь действительно нечувствительная или, говоря схоластически, не эффективная. Но если мы хотим говорить о другой любви, о нежности, то как мы отметили она может рождаться только в чувствительном отношении наших способностей к любимому предмету, отношении, которое не может иметь места здесь потому, что бог не представляется ни чувствам, ни воображению.

Идея бога – это идея причины, соразмерная с видимыми следствиями и образованная в соответствии с ними; мы доказываем его существование и его атрибуты; он может, таким образом, влиять впечатление на наши чувства и на воображение только благодаря удовольствию, которое нам доставляют следствия, и это будет любовь признательности. Если любовь к богу понимать, как желание, то эта любовь совершенно невозможна в естественной религии, так как она не может нам внушить того, что мы можем каким-нибудь образом получить наслаждение от бога; она возможна лишь, расширяя смысл слов и называя желанием то действенное решение ума, заставляющее предпочитать известное благо другому благу, потому что мы никогда не можем себе составить идею об этом наслаждении.

Как же справедливо пишет А. Деноми, «особенно важно заметить, что моральность любви, к примеру, для Авиценны заключается исключительно в свободном действии разумной души, посредством которой человек движется дальше к союзу с Абсолютным Благом, а не в религиозных или законных основаниях. Та любовь чиста, будучи источником благородства и возрастания добродетели, которая ведет человека к источнику всякого добра. Та любовь нечиста и порочна, которая вредит рациональной душе и препятствует ее действию, поскольку над ней господствует животная душа с ее желаниями. Действительно, физические удовольствия в этой жизни составляют один из моментов религиозного учения и проповедуются Магометом. Следовательно, те удовольствия, которые возникают из объятий и поцелуев, из использования зрения и осязания, совершенно правомерны в глазах закона и пророка, тем более что они служат инструментами, помогающими осуществить союз сердца и души, в котором состоит чистая любовь. Поэтому эти действия не заслуживают осуждения, если они не ведут к таким действиям и чувствам, которые принадлежат одной лишь животной душе. Таким образом, моральность человеческой любви основана на том, ведет ли она к облагораживанию человека, к повышению его заслуг и достоинства, или же низводит его к уровню животного» [22, с. 27-35].

Любовь в таджикско-персидской литературе является одним из явлений, которое, привлекло к себе внимание учёных и исследователей. Каждая теория о любви рассматривается мистиками как теория в основе человеческого бытия, то есть любовь-единственный адекватный и интеллектуальный ответ на вопрос о человеческом существе.

Прекрасны дни влюблённых, их стремленья
К возлюбленной, блаженны их мученья.

Прекрасно всё в любви — несёт ли нам
Страдания она или бальзам.

Влюблённый власть и царство ненавидит,
Он в бедности свою опору видит.
Он пьёт страданий чистое вино;
Молчит, хоть горьким кажется оно.
Страданья ради истиной любви
Блаженством, о влюблённый, назови!

Не сбросит раб с себя любви аркан,
Когда огнём любви он обуян.

Живут в тиши печального забвенья
Влюблённые — цари уединенья. [104, 277 с.].

Любовь самая актуальная тема для творческой личности, в поэзии Восточных поэтов и поэзии Мирсаида Али Хамадани есть тематика «Божественной яркий свет любви, которая отображает особенную глубокую драму, поэт внес огромную часть своих обязательств на возвышенную любовь и его восхищение в своих газелях.

Чун ҷамолаш таъна бар хуршеди тобон мекунад,
Офтоб аз рашки ҳуснаш рӯй пинҳон мекунад.
То парешон гашт зулфаш бар рухи чун офтоб,
Боди шавқаш абри ҷонамро парешон мекунад. «*Нолаи оташин*»*:*

(Когда ее красота будет насмехаться над солнцем,
Солнце скрывается от своей зависти.
Пока не исчезла его тень, подобно солнцу,
И веет ветром своим, как туча, в мою душу.) [26, с. 343].

Мирсаид Али Хамадони описал любовь как одну из важнейших тем мистической поэзии. Божественная любовь является предметом конкретного

выражения мистической поэзии Мирсаида Али Хамадани, в честь которая играет важную роль в понимании его мировоззрения.

Смысл выражения Божественной любви в поэзии ученого и мистической поэзии Мирсаида Али Хамадони заключается в том, как приблизиться к Господу и вступить с ним в Союз. Высшая цель Божественной любви-пробудить человеческий дух от сна, возведение духа из материальных дел в интеллектуальные, от обыденных взглядов к духовным существам... Божественная Любовь в мистической поэзии-это внутренняя красота, то есть духовное отражение красоты, её особенностей [28, с. 24-42].

Господь-первый Возлюбленный («маъшуқ-ал-аввал»), потому что все существо в его стремлении, и он их источник, его доказательство и их совершенство.

Прославление Божественной любви усилилось в мистической поэзии Мирсаида Али Хамадани. В то время как до него и его мистической поэзии в творчестве Саноя, Аттора, Мавлоно Джалолиддина Руми, Хафиза Шерози и других наблюдаются намёки, которые свидетельствуют о любви к Господу как о достижении Божественной любви. Мирсаид Али Хамадани был учёным, который искал Бога в поэзии любви, раскрыл в эту тайну и обогатил ее средствами своего творчества для влюбленных. Мирсаид Али Хамадани был представителем творческой интеллигенции и учёным, который проявил бескорыстную любовь к Господу и описал его душу в своей лирики, в своей газели «Маҷлиси рӯҳониёни қудс» написал так:

Эй рӯҳ, рӯҳпарварӣ рӯҳи реҳном,
Бӯи ҳаёт аз нафасат меварзад мудом.
Ҳар субҳдам маҷлиси рӯҳониёни қудс,
Бо ташнагони шавқ диҳӣ шарбати гиром.

(О Дух, Дух духовности,
Запах жизни исходит от твоего дыхания.
Каждое утро священное Духовное собрание,

Для тех, кто испытывает жажду, приготовьте обильный сок.

[86, с. 114-128].

В поэзии Мирсаида Али Хамадани мистическая любовь к Богу огромна, и нет места для других чувств. Чтобы достичь этой любви Мирсайд Али Хамадани отстранился от жизни бренной и посвятил всю свою жизнь духовному обогащению и в своей поэзии он воспевал божественную любовь. Мирсаид Али Хамадани в поэзии тайнах Божественной любви разделил на четыре части: самозабвенная, взволнованная, страсть к раю и любовь, которая является высоком чувством. Это Господь, причина, по которой Мирсаид Али Хамадани флиртует с самим собой. Мирсаид Али Хамадани испытывает любовь к Богу, и Господь отвечает ему тем же.

В газели Мирсаида Али Хамадана воспевается, как познать Бога, повиноваться Богу, даже если Он не нуждается в этом. Ишк восхваляет Бога с сильной страстью («шидата аль-шаук»). Согласно газели Мирсаида Али Хамадои, истинные влюбленные надеются проанализировать проблемы жизни в этом мире и увидеть Бога в будущей жизни. Мирсаид Али Хамадони сказал в газели «Оташи ишқи ҷонон»:

То нанфшонӣ дар ин раҳ домани ҳол аз ҷаҳон,
Аз ҷаҳони ҷон наёби файзе андар сирри ҷон.
Гар зани бар саддин чуҳи ҳавонок дам қадам,
Аз насими субҳи асрори қадам ёби нишон.

(В этом мире нет ни одной души, которая не была бы изгнана из рая.,
В этом мире нет ничего скрытого, что не было бы скрыто от него.
Женщина, стоящая на горе Синай,
В утренней заре, в утренней заре,)

Бедилонро соқӣ аз ашк асту мутриб роҳи дил,
Ошиқонро лаззат аз дард асту роҳат сӯзи ҷон.
Ишқ султон аст чун меҳмонат ояд нузли ӯ,

Хас чу дар оташ фано шуд, дигар ўро хас махон.

(Путь слезы сердца, и виночерпий, а также по Бедил мутриб,
Для влюбленных удовольствие — это боль, а комфорт-жжение души.
Любовь-султан, когда она приходит к тебе в гости,
Если же кисть сгнила в огне, не расчесывайте ее больше.) [120, с. 754].

Любовь к Богу – лучший способ для человеческой души понять Бога. Человек может понять Бога, когда осознает свой божественный образ. Человек должен освободиться от всего корыстного и жить божественной жизнью; Мирсаид Али Хамадани считают соблюдение шариата достижением высокого духовного состояния.

Мирсаид Али Хамадани в «Истилоҳоти суфия», «Даҳ қоидаи суфия», «Одоб-ул-машоих», «Чиҳил мақоми суфия», «Рисолаи дарвешия» и «Рисолаи футувватия», которые представляют собой трактаты, написанные пером по методу суфизма, делил божественную любовь на три части:

а) человеколюбие («муҳаббата ал-аъммата»), происходящую от доброты Божией. Это врожденная склонность человека ценить свои собственные блага.

В этом контексте Мирсаид Али Хамадан называет нескольких людей, таких как Шейх Яхья ибн Маози Рази, Абу Хафс Хаддад, Мухаммад ибн Джамаль, Нуриддин Солор, Абу Якуб ат-Табари, Абу Абдулла Умар ибн Усман и других, которые описывали любовью»...Они считают любовь божественным чувством, превосходящим знание:

б) любовь – это состояние людей, верных духовным истинам, которое основано на Божьем величии и силе, и потому человек любит Бога за его качества [126, с. 136].

Абу аль-Хасан Нури представил эту точку зрения, используя слово «любовь».

в) верная любовь мудрецов, которая не является результатом познания ими древней и неведомой любви Божией. Здесь проявляется влияние

христианства на теорию божественной любви Мирсаида Али Хамадани, согласно которой любовь Бога к человеку вытекает из качества его любви и заставляет человека любить Бога. В мистике и мистической поэзии Мирсаида Али Хамадани нет верной любви, хотя человек находится на стадии за пределами видения любви из смертности, из богосознания, темы, которая позже была разъяснена мудрецами в поэзии, в рассуждениях о божественной любви.

Ученый объясняет, что все действия любящего исследуются глазами любимого:

Мудрецы включают в себя любовь к повиновению, любовь до полной отдачи любимому, любовь до разрушения личного «я» и поиск личности возлюбленного.

Ведение божественной любви в мистических поэмах Мирсаида Али Хамадони служит священной книгой Корана и все те кто любит бога больше всего. «Это обозначает, что по мере возрастания веры возрастает и любовь, то есть любовь имеет разные степени, любовь может быть как дружба, любовь может быть платонической, любовь может быть верной или лживой, высшая из которых достигается теми, кто обладает качествами благочестия, и знаниями, милосердием и т.д.»

В описании божественной любви Мирсаид Али Хамадани много места уделяет рассуждениям о выражении любви к Богу, в том числе воспоминаниям («зикр»), стремлению увидеть Его («лико»), даже если оно фатально, («слово Аллаха, т.е. Коран»), аскетический образ жизни («зохид»), навязывают ему терпение («сабр»), соглашаются с его канонами («ризо»), которые являются признаками любви. В газели «Бози авҷи кибриёй» он пишет:

Роҳат гар хоҳӣ биё бо дарди ӯ ҳамроз шав,

Давлат ар ҷӯй бирав дар ишқи ӯ ҷонбоз шав.

Сози роҳи ишқ сарбозию бадноми бувад

Гар сари ин роҳ дори дар паи ин соз шав.

(И ты будешь радоваться вместе с ним.,
Ступай же к нему с любовью.
Путь любви-это путь воина и зла.
Следуй по этому пути.)

Ҷумларо бар ҳам зану бо ишқ ҳамовоз шав.
Чун зоған то чанд бошӣ бастаи мурдори тан,
Дар ҳавои сайри ҷон як лаҳза дар парвоз шав.
Бози авҷи кибриёй монда андар домуком,

(Произнеси это слово вслух с любовью.
Ты подобен мертвому ворону, привязанному к земле на время.,
Стань на мгновение в воздухе и лети от души.
Игры стали на пик, оставленный на клевету) [126, с. 136].

Мирсаид Али Хамадани в «Асрар-ун-нукта или мистический монотеизм» разделил любовь на пять типов. Исходя из этого, низменная любовь далее есть естественный тип любви, свойственный обычным людям. Потом можно назвать интеллектуальную любовь и, наконец, Мирсаид Али Хамадони определяет божественную природу любви.

В мистической поэме Мирсаида Али Хамадана она подобен картине («маи»), с именем «хуси», при помощи, которой исследуется и развертывается тайна бытия. Часто тот, кто встречает на своем жизненном пути что-то прекрасное, является влюбленным, о чем говориться во многих аятах Корана и хадисах. Здесь Мирсаид Али Хамадани считает добро и красоту одним и тем же, и эта точка зрения утверждает, что красивые вещи отличаются от тотальной красоты (аль-хусн-аль-кулл). Мирсаид Али Хамадани в газели «Насими Зульф» упомянул следующее:

Ниқоби кибриёй рузе агар аз руй бикшонд,
Ҳазорон волалушашдо зи ҳар сӯе ба рақс оно.

Агараз акси рухсораш шуое бар замин уфтао,
Басе анвори рӯҳони, ки хоки тира бинмояд,

(Если бы он был в один прекрасный день,
Но мы все не раз говорили о пляшестя тысячи людей.
А если бы он был на земле, то мог бы быть и на небе,
Сколько духов, которые пробуют землю мраком,)

Насими зулфаш ар бар кӯи муштоқон гузр созад,
Тариқи роҳи ҳичронро зи оташ роҳат афзоно.
Ба андӯҳаш бувад шом, ба ёдаш аз ғам озор,
Ки андӯҳаш равон бахшад, зи ёдаш бӯи ҷон ояд,

(Пусть ветер пронесется над теми, кто жаждет,
Проложи себе путь к огню,
Вечером он скорбит, вспоминая обиду,
От горя, которое охватит его, когда он вспомнит,)

Зи меҳри меҳри ӯёбанд ҳар, к-ӯдавлате ёбанд,
Ба бӯи лутфи ӯ оянд ҳар бедил, ки пеш ояд.
Алӣ, чун дархури ёдаш най, рав навҳа кун бар худ,
Касеро шояд ин к-ӯдил ба гайри ӯнаёлояд.

(По Своей милости и милосердию Аллаха
каждый обретет свое место в раю,
Благосклонностью его проникнут все, кто не верует (в Аллаха).
Али, когда вспомнишь о нем, скорби о нем,
Кто может знать это, кроме него.) [126, с. 136].

Тотальный взгляд, выраженный Мирсаидом Али Хамадани в его мистической поэме, обозначает, что всесущая красота находиться в Боге,

потому исходя из этого каждый, приближенный к Нему, считается более духовным. Критерии прекрасного – это общая красота, знак зодиака – что и общая красота, уровень ее красоты. Все более деликатное – более красивое. Например, глаз — самый чувствительный и нежный орган, поэтому это самый красивый орган; Глаз есть орган, наиболее восприимчивый к красоте и действию души.

Мирсаид Али Хамадани, как и другие поэты-мистики, считают любовь окруженная человеком является той самой, при помощи которой люди приходят к возвышенной божественной любви. Они утверждают, что люди могут достич наивысшую степень любви только тогда, когда он сможет очистить свою душу от черствости, ненависти, злости и зависти. Божественная возвышенная любовь людей означает совершенство, которое достиг или может достичь человек. В этом случаи, душа умиротворяется и находит вечный покой, так все остальное несовершенно. Общность и целостность человека может достигнуть только с соединением с богом.

В мистической поэме Мирсаида Али Хамадани любовь и возлюбленный — это одно тождество, а это значит, что другое качество Бога, взгляд на милосердие и силу, достигает человека, но первое качество, которое заложено в человеке, — любовь к светоносной личности, разделен на три части; любите возлюбленного и любите, потому что буква Алиф является источником всех букв и состоит из трех букв, а именно Алиф и Лом. С другой стороны, первую букву можно назвать «любовь», «возлюбленный» и «муҳаббат» (любовь, возлюбленный и любовь), изменив произношение алиф и лом. В глагольной форме оно может произноситься как «алифа», что означает «он влюбился» (ахабба) и связано со словом «любовь». В составе: «илаф» означает «один возлюбленный». Глагол «алифа» (в словаре означает «наставленный») является «долом» глагола Бога между ними, который есть любовь.

Также «алиф», то есть одна единица, состоит из трех частей, а именно «ахад» (один), ишрат (десятки), «мот» (сотни) [102, с. 86-87].

Мирсаид Али Хамадани в своем мистическом стихотворении подробно разъяснил тему любви как светящейся личности. Любовь в его стихах подобна любви Божией, воспеваемой до уровня сознания, а затем и души. Любовь в мистической поэзии Мирсаида Али Хамадани проявляется в разных ситуациях. Мирсаид Али Хамадани написал в газели «Накди Худи»:

То чанд дарди ишқаш дорам нуҳуфта дар ҷон,
Пинҳон чӣ дорам оташ, чун дуд нест пинҳон.
Чун нест дарди ишқаш дорупазир пас ман,
Беҳуда чанд рӯем дар орзӯи дармон.

(И сколько боли я испытываю в душе,
Скрою то, что огонь, как дым, не скрою.
Когда не будет боли от любви, то я,
И сколько мы мечтаем!)

Хотя основной целью данного исследования является в том числе рассмотрение взглядов Мирсайида Али Хамадани на возвышенную любовь, необходимо отметить, что он обращает особое наше внимание на труды ученых-мудрецов, в частности, на «Ихтилаф-ан-нос-фи аль-Араби» Ибн Араби. муҳаббат», согласно которым люди делятся на семь групп в отношении к любви:

1) любовь – это повиновение;
2) любовь – интимное влечение;
3) любовь – это проявление страха;
4) любовь – это мудрость;
5) любовь – само собой разумеющееся;
6) любовь – это сила воля;
7) любовь – это привилегия.

Каждая группа может разделяться на подгруппы. Например, в первой группе есть учёные, считающие, что любовь — это повеновение Богу и стремление ради господина на все сущее и несущее, также есть учёные,

которые считают, что любовь — это проявление страха, если человек не будет бояться Бога за Его благодеяния и злобу, он может не принадлежать себе, не отдавать отчет своим поступкам.

Описание любви в газелях, повествованиях и стихах Мирсаида Али Хамадани, хотя ее сущностью является божественная любовь, иногда отражает яркие примеры нечестивых поступков. Истинный смысл этой любви — полное послушание и подчинение Богу, абсолютная преданность Ему, а многобожие отрицается. «Человек должен предпочесть любимого всему остальному и оставить все остальное и все нелюбимое». Также любовь означает ощущение счастья и радости (сурур) только с любимым человеком. Любовь Божия к человеку – это постоянная благодать, которая является причиной любви человека к Богу [86, с. 114-128].

Мирсаид Али Хамадани в источнике аята Корана в своем трактате «Десять правил суфия» назвал десять условий любви человека к Богу, таких, как покаяние, аскетизм, зикр, возвышение и тому подобное. В «Десяти правилах суфия» он упоминает главное качество любви (свод любви) терпение, истина которого исходит из его и поклонения. «Поэтому терпение над любовью к богослужению и терпение над искуплением души от любви близкого человека, которое есть результат очищения сердца и возвышения души, лучше терпения над вечными муками».

Мирсаид Али Хамадани в своих газелях предоставил прекрасное объяснение любви: любовь к Богу является высшей целью всех авторитетов. Божья любовь редка, и смысл божественной любви – только послушание Богу. Мирсаид Али Хамадани в своем изложении святой любви отметил, что любовь к Богу – это долг, любовь – необходимое условие, а доверие Богу – признак счастья в будущей жизни.

Подытоживая наши мнение можно придти к общему мнению, что газель как жанр классической поэзии имеет весомый вклад в репрезентации и интерпретации языковой единицы «любовь» в таджикском языке. Данный лингвистический феномен имеет неоспоримый культурно-языковой код,

который позволяет раскрыть глубинные смыслы, связанные с эмоциональными, эстетическими и философскими аспектами любви.

В таджикской картина мира газели можно описывать не только как поэтическая форма, но и как средства передачи сложных чувств и переживаний, связанных с любовью.

С помощью использование метафор, символов, эпитетов и других художественных средств газель формирует многогранный образ любви, а также, отражает индивидуальные и коллективные переживание о данном чувстве.

С помощью лингвистического анализа газели, позволила нам выделить ключевые семантические черты языковой единицы «любовь» в таджикском языке. В частности, любовь в газеле часто ассоциируется с такими понятиями, как «страсть» (шавқ), «преданность» (вафо), «тоска» (ғам, ғусса) и «красота» (зебоӣ). В данных компонентах можно увидеть сложную семантическую структуру языковой единицы, которая отражает как романтические, так и духовные аспекты любви. Помимо этого, газель как лингвистический феномен демонстрирует тесную связь между языком и культурой. Использование традиционных образов, таких как «соловей» (булбул), «роза» (садбарг), «вино» (май), в контексте газели подчеркивает национально-культурную специфику семантического поля языковой единицы «любовь» в таджикском языке. Вышеуказанные образы не только обогащают семантику языковых единиц, но и служат средством передачи культурных ценностей и традиций.

В заключение можно сделать вывод, что газель как лингвистический феномен представляет собой важный источник для изучения семантического поля языковой единицы «любовь» в таджикском языке. И его анализ позволяет выявить ключевые семантические и культурные аспекты данной языковой единицы.

Выводы по третьей главе

Данная глава диссертационного исследования имела целью изучение структурно-словообразовательного аспекта семантического поля языковых единиц «любовь и верность» в таджикском и русском языках. Исследование проводились по мере возможности на обширных материалах включая разных видов словарей, литературы, монографии, научные сборники, статьи и национальных корпусов.

В ходе исследования выявлено, что в формировании словообразовательных значений участвуют языковые и социальные факторы и выявлении способов перехода словообразовательных значении в литературном терминосистеме.

В целом отмечается большое сходство в значениях словообразовательных типов суффиксальных терминов, входящих в системы литературных терминов в обоих языках, что предопределяют общей ролью любого исторического типа литературы – мастерства описании лиц персонажа, их подвиги в произведении.

Анализ выявил, что в русской и таджикской литературной терминологии по характеру словообразовательного значения можно объединить в несколько групп, причём одни словообразовательные значения представлены в обоих терминосистемах, другие отмечаются лишь в одной из них. Например, сравниваются два различных вида любви: один выражает нежность по отношению к одушевленным существам, который можно считать любовью угождения; другой заключает идею пользования предметом и желание им наслаждаться, вкушать, то есть вкус или желание. Однако, отмечено, что невзирая на отличия, в природе вещей есть известные отношения между обоими видами любви.

Так, например, Любовь к лицам другого пола выражает чувства, желание наслаждаться удовольствиями, связанными с соединением тел; то пользовались словом «любить» для выражения этих желаний. Говорят: любить мясо известных сортов, любить фрукты, любить вино, любить

картины, любить вообще красивые вещи. Человек понимает под словом «любить», все то что он найдет, что это нечто иное, как наслаждении вещью. Объясняется еще одно чрезвычайно важное замечание — это слово «наслаждение» применяется своеобразно к различным предметам: наслаждаться концертом, наслаждаться картиной, наслаждаться едой - во всех случаях лишь в приведении души в приятное состояние.

Кроме того, в обоих языках встречаются большое количество примеров о любви в религиозных текстах. Особенно в таджикском языке существует очень много примеров о чистой любви к Богу, и они по-разному принимают это его проявление и по-разному соединяются с Ним. Таким образом, любовь являлся важной темой особенно для таджикско-персидских поэтов.

Так, например, у Мирсаида Али Хамадани в его мистической поэме, означает, что полная красота пребывает в Боге, согласно которому каждый, кто ближе к Нему, является более духовным.

В ходе изучения выяснилось, что слово «газель» (лирическое стихотворения) в классическом языке фарси – это описание любви и страстного влечения к ним. Сочинение газелей это (воспевание) любви.

Именно поэтому, все поэты в своих газелях воспевали «Любовь» как основную тему своих произведений. Благодаря этому, многие поэты называют газелью описание красоты возлюбленной и изображение состояния любви, влюбленность.

Таким образом, сравнение семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в двух языковых системах является значимой работой, в которой указываются точные выводы и даютя неоспоримые доказательства (примеры) о том, что вышеупомянутых концептов признать, что значения в языке как некой «психической», «логической» или «мыслительной» сущности неверна в своей основе. Значения языковых единиц существуют не в человеческом сознании, а в самих этих единицах, то есть не в сознании человека, а в речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе диссертационного исследования семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» было изучено в лексикологическом и лексикографическом аспекте таджикского и русского языков. Для рассмотрения темы работы нами было исследовано семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» как явление, связанное с многовековым развитием народов и включающие в себя сознание, мышление, языковую природу, а также духовные основы народов. В ходе работы выделены наиболее важные и значимые представления о семантическом поле языковых единиц «любовь» и «верность» в исследуемых языках.

1. Научное и эмоциональное представление модели в языке науки «Языковая картина мира», заключается в глубоком понимании человека в мире, и понимания мира внутри себя. Модельное создание мира неразрывно связано с языком и находится с ним в связующем звене, и в этой связи играет огромную роль. Именно поэтому, на современном этапе в лингвистике семантическое поле языковых единиц изучается и рассматривается многогранно, с культурологической национальной и дидактической точки зрения, и основное место в нем имеет подбор и сопоставление слов **[3-А].**

2. Рассмотрено специфика отражения семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в лексикографических источниках сопоставляемых языков. Понятие «семантическое поле языковых единиц» и его мыслительно-абстрактное значение в таджикском и русском языках. Изучение словообразования в рамках семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках дает возможность выявить обобщенные, категориальные значения и тем самым наметить некоторые когнитивные модели, лежащие в основе исследуемого семантического поля языковых единиц на словообразовательном уровне в сопоставляемых языках. Семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» является значимым на протяжении всей жизни каждого человека,

это в очередной раз доказывает большой интерес к данному семантическому полю.

3. Выявлены отличительные черты семантического поля языковой единицы «верность» от семантического поля языковой единицы «любовь» в таджикском и русском языках. Данное отличие имеет коммуникативный характер для введения смысловых компонентов и рассматривает их образование с эмоциональной точки зрения. Единица «верность» равно значению любовь, и тем самым подчеркивает важность их значений. Но также в таджикском языке неприемлемо рассматривать слово «вафо» как «ишқ» **[12-А].**

4. Вопрос, о том, что личность человека имеет эмоциональное состояние, способное воздействовать на речь и тем самым на видоизменение семантического поля языковой единицы. В результате чего он может разрушать и создавать интеллектуальные языковые единицы (мыслить, думать, ненавидеть, любить) и творчески (работать, рисовать картины готовить). Обозначается, что человек может в отличие от других живых существ выражать свои эмоциональные чувства при помощи определенных знаков: типа мимики, жестов и звуков. Он наделен даром речи, передавать свои эмоциональные чувства и переживания путем семантического поля языковой единицы и благодаря этим эмоциям создаются ментальные и эмоциональные языковые единицы и самое главное в данном исследовании - человек выступает как выразитель любви и верности.

5. В процессе исследования характеризуются формы определенного развития, методы осмысления семантического поля языковых единиц и его совершенствования, хотя последняя проблема изучения языковой единицы в таджикском и современном русском языке имеют различные понятия, которые помогают для совершенствования семантического поля языковых единиц в настоящее время. В логико-смысловом аспекте значение «любовь» и «верность» в современном мире можно интерпретировать с двух сторон: как положительные, так и отрицательные мировоззрения человека. В данном

исследовании анализируются развитие трёх парадигм – это системное развитие коллективного понятия, где анализируются и исследуются формы «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках. Эти слова исследуются в центральном гносеологическом семантическом поле языковых единиц жизни человека, которые составляют его основу для развития современного языкознания.

6. Анализ показал, что в обоих языках встречается большое количество примеров о любви в религиозных текстах. Особенно в таджикском языке существует очень много примеров чистой любви к Богу, и они по-разному принимают это его проявление и по-разному. Таким образом, любовь являлась важной темой особенно для таджикско-персидских поэтов. Так, например, у Мирсаида Али Хамадани в его мистической поэме означает, что полная красота пребывает в Боге, согласно которому каждый, кто ближе к нему, является более духовным **[4-А].**

7. В ходе изучения выяснилось, что слово «газель» (лирическое стихотворение) в классическом языке фарси – это описание любви и страстного влечения. Сочинение газелей – это (воспевание) любви. Газель – это описание любви к женщинам и страстного влечения к ним. Именно поэтому все поэты в своих газелях воспевали «любовь» как основную тему произведения. Благодаря этому многие поэты называют газелью описание красоты возлюбленной и изображение состояния любви, влюбленности **[4-А].**

8. Рассмотрено системное значение семантического поля языковых единиц в разных формах и их прямое и переносное употребление. Помимо этого, указываются семантические признаки языковых единиц «любовь» и «верность», а также компоненты значения и коммуникативная структура значения. Таким образом, в работе показано, как соотносятся между собой внутренняя форма слова, обозначающего семантическое поле языковых единиц, этимология и содержание обозначаемого понятия **[3-А].**

9. Семантическое поле языковых единиц «любовь» и «верность» – это явление многоплановое, так как объединяет психологический, жизненный, этический, законодательный и языковедческий аспекты. Любовь и верность рассматриваются как психолого-эмоциональное и многоплановое семантическое поле языковых единиц, относящееся к универсальным, и имеющее общие эмоционально окрашенные оттенки **[13-А].**

10. В формировании словообразовательных значений участвуют языковые и социальные факторы выявленные способом перехода словообразовательных значений в литературной терминосистеме. В целом отмечается большое сходство в значениях словообразовательных типов суффиксальных терминов, входящих в системы литературных терминов в обоих языках, что предопределяются общей ролью любого исторического типа литературы – мастерства описания лиц персонажа, их подвиги в произведении.

11. Выявлено, что русскую и таджикскую литературную терминологию по характеру словообразовательного значения можно объединить в несколько групп, причём одни словообразовательные значения представлены в обоих терминосистемах, другие отмечаются лишь в одной из них. Например, сравниваются два различных вида любви: один выражает нежность по отношению к одушевленным существам, который можно считать любовью угождения; другой заключает идею пользования предметом и желание им наслаждаться, вкушать, то есть вкус или желание. Однако, отмечено, что невзирая на отличия, в природе вещей есть известные отношения между обоими видами любви **[1-А].**

12. Следует различать что «любовь» к лицам другого пола выражает чувства, желание наслаждаться удовольствиями, связанными с соединением тел; то пользовались словом «любить» для выражения этих желаний. Говорят: любить мясо известных сортов, любить фрукты, любить вино, любить картины, любить вообще красивые вещи. Человек понимает под словом «любить», все то что он найдет, что это нечто иное, как наслаждение

вещью. Объясняется еще одно чрезвычайно важное замечание — это слово «наслаждение» применяется своеобразно к различным предметам: наслаждаться концертом, наслаждаться картиной, наслаждаться едой - во всех случаях лишь в приведении души в приятное состояние. Кроме того, в обоих языках встречаются большое количество примеров о любви в религиозных текстах.

13. Рассматривая семантическое поле языковых единиц разных языков необходимо выделить одну общую проблему, а именно как могут соотноситься языковые единицы между собой и внутренние формы слов в этимологическом понятии. С развитием языка самопроизвольно происходит утрата с основной мыслью и создается изначально новое слово в понимании семантического поля языковых единиц, но это не значит, что первоначальное значение теряет свою значимость, и это происходит не всегда. Внутреннее содержание семантического поля языковых единиц может ощущаться особенно сильно в речи говорящего. Для определения его экспрессивности и эмоциональности такие выражения часто встречаются в древнегреческом языке, где особенно обращали внимание на выразительность языка. В далекой античности сформировались такие науки как грамматика, филология, теория литературы каждая из которых обращала огромное влияние на развития языка речи и ее грамматические особенности. Ученые историки, которые в основном занимались наукой о грамматике и языке тесно связывали язык и речь с этимологическими признаками, что было особенно важным для того времени.

14. Особо акцентируется внимание на лингвистических особенностях газели и существование в дискурсивном поле языковой единицы «любовь» в персидско-таджикском языке. Это можно обосновать следующим образом: «газель» рассматривается как первоисточник лингвистического корпуса, способствующий выявлению наиболее значимых семантических, лексических и фразеологических признаков, закрепленных за языковой единицей «любовь»; сравнительно-лингвистическая позиция

предусматривает компаративный анализ слов, применяемых в газели, с эквивалентными компонентами в других жанрах или языковом строе; в нашем случае газель выступает как лингвокультурный код, который применяется в качестве языковой картины мира и национально - культурных особенностей таджикского языка **[4-А].**

15. Языковых единиц любовь» – «ишқ» и «вафо» – «верность» в таджикском и русском языке являются значимыми в лексическо-семантическом и сопоставительно-типологическом аспектах. Рассмотрение данных языковых единиц вносит определенный научный вклад в лингвистику современного таджикского и русского языков.

Таким образом, сравнение семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в двух языковых системах является значимой работой, в которой указываются точные выводы и даются неоспоримые доказательства (примеры) того, что вышеупомянутые языковые единицы признаны в языке как некие психические, логические или мыслительные сущности неверны в своей основе. Значения языковых единиц существуют не в человеческом сознании, а в самих этих единицах, то есть не в сознании человека, а в речи.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате изучения семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках (сравнительно - типологический аспект) сформулированы следующие рекомендации по внедрению результатов исследования:

1. Результаты исследования могут быть основой для выявления сопоставительных аспектов языковых единиц «любовь» и «верность» в таджикском и русском языках;

2. Полученный материал может быть использован при изучении концептуальной науки и его применении в таджикском и русском языках;

3. Основные полученные результаты могут быть использованы при определении лексико-семантических, структурно-словообразовательных аспектов понятий «ишқ» и «вафо» в таджикском и русском языках в работах студентов, докторантов, научных сотрудников;

4. Полученный материал может быть использован в качестве основы для составления учебно-методических пособий, полевых энциклопедий, научных материалов;

5. Результаты исследования могут быть использованы при переводе научных и литературных материалов, особенно в различных аспектах перевода семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» на таджикский и русский языки;

6. Результаты исследования семантического поля языковых единиц «любовь» и «верность» в двух языковых системах могут быть актуальны для студентов и учащихся биллингвов.

7. Результаты исследования могут быть использованы студентами лингвистического профиля при преподавании дисциплин устной и письменной речи, стилистики, лексикологии.

8. Полученный материал исследования может быть использован при изучении грамматики таджикского и русского языков, а также переводе устных и письменных художественных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Научно-методический и художественный материал

1. Абуали ибн Сино «Трактат ибн Сины (авиценны) любви» [Текст] / А. Сино. – Тбилиси, 1975. – 170 с.
2. Айнӣ, С. Куллиёт, Ҷ. 6. [Матн] / С. Айнӣ. – Душанбе: Нашр Давлат. Тоҷик, 1957. – 328 с.
3. Айнӣ, С. Носири Хисрав. Гулчине аз девони ашъор [Матн] / С. Айнӣ. – Душанбе: Нашр Давлат. Тоҷик, 1957. – 89 с.
4. Азиззода, Д.М. Консепти «муҳаббат/love» дар тасвири забонии ҷаҳон (дар асоси маводи забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ) [Текст]: дис. ...д-ра (PhD) / Д.М. Азиззода. – Душанбе, 2019. – 150 с.
5. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. – № 1. – С. 37-67
6. Апресян, В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций [Текст] / В.Ю. Паресян, Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1993. – № 3. – С.27-34
7. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека 2-е издание, исправленное «Языки русской культуры» [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М., 1993. – 896 с.
8. Ахмедова, А.А. Таҳлили муқоисавии консептҳои «саломатӣ/health» ва «беморӣ/disease» дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ (аз нигоҳи забоншиносии фарҳангӣ): [Текст]: дисс. ... д-ра (PhD) / А.А. Ахмедова. – Душанбе, 2022. – 187 с.
9. Аскольдов, С.А. Концепт и слово [Текст] / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М.: Academia, 1997. – С.267-279.
10. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово [Текст] // Русская речь. Новая серия / Под ред. Л.В. Щербы. – Л.: Ленинградское отделение, 1928. – Вып. 2. – С. 28-41.

11. Бабушкин, А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления [Текст] / А.П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2001. – С. 52-57.
12. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика [Текст]: автореф. дис. докт. филол. наук / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 1998. – 41 с.
13. Бабаева, Е.В. Внутренняя форма слова и концептологический подход к языку [Текст] / Е.В. Бабаева // Языковая личность: социолингвистический и эмотивный аспекты. – Волгоград Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1998. – 184 с.
14. Бабушкин, А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления [Текст] / А.П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 52 - 57
15. Бабенко, У. Образ любви в поэзии А. Ахматовой: анализ двух стихотворений [Текст] / У. Бабенко, Л.Г. Бабенко, Л.В. Ульянова // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. – Екатеринбург, 1997. – С. 3-13.
16. Бабушкин, А.П. Возможные миры» в семантическом пространстве языка [Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 20 016. – 86 с.
17. Багринцева, Н.В. Некоторые проблемы межкультурной коммуникации [Текст] / Н.В. Багринцева // Язык и образование. – Курск: КГПУ, 2000. – С. 124-141.
18. Балашова, Е.Ю. Концепты «любовь» и «ненависть» в русском и американском языковом сознании [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Ю. Балашова. – Саратов, 2004. – 22с.
19. Бархударов, Л.С. О лексических соответствиях в поэтическом переводе [Текст] // Тетради переводчика / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1964. – Вып.2. – 18 с.

20. Бартольд, В.В. История культурной жизни Туркестана [Текст] / В.В. Бартольд. – Ташкент, 1927. – 225 с.

21. Башарина, А.К. Понятие «семантическое поле» [Текст] / А.К. Башарина // Вестник ЯГУ. – 2007. – Т. 4. – № 1. – С. 93-95.

22. Беляева, Ю.А. Пословичная картина мира как среда для изучения концепта «Time» [Текст] / Ю.А. Беляева // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2013. – № 1. – Т. 7. – С. 27-35.

23. Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): автореф. дис. ... докт. филол. наук [Текст] / Е.Г. Беляевская. – М., 1992. – 41 с.

24. Бозор, Т. Суханҳои дилафрӯз [Матн] / Т. Бозор. – Душанбе: Дониш, 1973. – С. 14-100.

25. Бочарова М.А. Семантическое поле как способ системного описания лексики [Текст] / М.А. Бочарова // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. – РУДН, 2012, № 4. – С. 63-67.

26. Брагинский, И.С. Из истории таджикской народной поэзии [Текст] / И.С. Брагинский. – Душанбе, 1953. – 343 с.

27. Бойматова, Н.К. Семантическое поле концепта «Красота» в таджикской и английской лингвокультурах [Текст]. дисс. канд. фил. наук. – 184 с.

28. Брагинский, И.С. Унсурҳои эҷодиёти бадеии халқ дар осори хатии қадим ва асримиёнагии тоҷик [Матн] / И.С. Брагинский // Шарқи сурх. – 1954. – № 10. – С. 24-42.

29. Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова [Текст] / Н.Н. Болдыров // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001, – С 25-35

30. Быкасов, А.Н. Теория поля в лингвистике [Текст] / А.Н. Быкасов // Проблемы прикладной лингвистики: Сб. статей Международной научно-практической конференции: Пенза: АНОО «Приволжский Дом знаний», 2006. – С. 48-50.

31. Бушманова, Е.В. Реализация концепта любовь средствами паремиологии [Текст] / Е.В. Бушманова // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы XII Межународной научно-практической конференции, Иркутск, 13-15 июня 2007 г. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – 4.1. – С. 30-39.

32. Буянова, О.Н. Языковая концептуализация любви: лингвокультурный аспект [Текст]: дис. канд. филол. наук / О.Н. Буянова. – Краснодар, 2003. – 232 с.

33. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

34. Вежбицкая, А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах [Текст] / А. Вежбицкая // Альманах THESIS. Мир человека. ML: Издательский дом ГУ – ВШЭ: 1993. – С. 185-206.

35. Виноградова, В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) [Текст] / В.В. Виноградова // Сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». Изд. АН СССР, 1952. – С. 99-152.

36. Войлова, К. А. Формирование концепта дом и его план выражения в языке произведений Ф.А. Абрамовича [Текст] / К.А. Войлова // Юбилейный сборник научных трудов, посвященный 85-летию со дня рождения Н. А. Кондрашова. – М., 2004. – С. 92-98.

37. Воркачёв, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт [Текст] / С.Г. Воркачёв. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.

38. Воркачев, С.Г. Концепт «любовь» в русской паремиологии [Текст] / С.Г. Воркачев // Эколингвистика: Теория, проблемы, методы. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. А.М. Молодкина. – Саратов: "Научная книга", 2003. – С. 64-70.

39. Воркачев, С.Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии [Текст] / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 1995. – №3. – С. 56-66.
40. Воркачев, С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) [Текст] / С.Г. Воркачев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 163 с.
41. Ганджави, Н. Лейли и Меджнун [Текст] / Н. Ганджави. – Сталинабад: Нашр. Давлати Тоҷикистон, 1959. – 129 с.
42. Гадайбаева, У. А. Функционально-семантическое поле темпоральности в таджикском и английском языках [Текст]: дисс. канд. фило. наук / У.А. Гадайбаева. – Душанбе, 2007. – 161 с.
43. Гаффаров, А. Образчики персидской письменности с XI века до нашего времени», ч. 1, Проза [Текст] / А. Гаффаров. – М., 1916. – 103 с.
44. Гладкова, Е.Л. Персидский язык – национальное достояние Ирана: языковое и поэтическое многоголосье страны ариев [Текст] / Е.Л. Гладкова // Родина. – 2001. – № 5. – С. 23-26.
45. Горский, С.М. Монастырские нравы [Текст] / С.М. Горский. – М.: Издательство, 1990. – С. 80-95
46. Гулзода, Н. Д. Некоторые эквиваленты русских фразеологизмов в поэме «Шахнаме» [Текст] / Н.Д. Гулзода // Вестник МЛГУ. – Вып. 19 (705). – 2014. – С. 16-27.
47. Гумбольдт, В. Фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / Ф. Фон. Гумбольдт. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 301 с.
48. Гумбольдт, В. Фон. Язык и философия культуры [Текст] / Ф. Фон. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 370 с.
49. Демьянков, В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (иди-оэтнические) стратегии [Текст] / В.З. Демьянков // Язык и культура: факты и ценности. К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. ред. Е. С. Кубрякова. – М., 2000. – С. 312-313.

50. Давлатова, М.К. Отражение концепта «Жизнь/Life» в лексикофразеологической системе таджикского и английского языков [Текст]: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. фил. наук. – Душанбе, 2019. – 29 с.
51. Ефимова, Е.Е. Признаковый кластер как структура культурных концептов [Текст] / Е.Е. Ефимова // Языковая личность: проблема значения и понимания. – Волгоград: Перемена, 1997. – 144 с.
52. Жан-Поль, Сарт. «Бытие и ничто» Опыт феноменологической онкологии / пер. с фр., предисл. и премеч. В. И. Колядко [Текст] / Жан-Поль, Сарт. – М., 2000. – 639 с.
53. Жолковский, А.К. Интертекстуальное потомство "Я вас любил." Пушкина [Текст] / А.К. Жолковский // Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. – М.: РГГУ, 2005. – С. 390-431.
54. Журавлев, А.П. Звук и смысл [Текст] / А.П. Журавлев. – М.: Просвещение, 1981. – 67 с.
55. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта [Текст] / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Из-во ВГУ, 2001. – С. 36-45.
56. Зубец, О.П. Размышления о любви (Любовь как нравственное явление) [Текст] / О.П. Зубец. – М.: Знание, 1989. – 64 с.
57. Ильин, В.В. Язык понимание — Культура [Текст] / В.В. Ильин // Язык и культура. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 600 с.
58. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. – Волгоград. – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3-16.
59. Карасик, В.И., Стернин И.А., Пименова М.В. Антология концептов Том (Кемерово) методология концептуальных исследований [Текст]. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с.

60. Каштанова, Е. Е. Лингвокультурологические основания русского концепта «Любовь» (аспектный анализ) [Текст]: дис. … канд. филол. наук / Е. Е. Каштанова. – Екатеринбург, 1997. – 231 с.
61. Карасик, В.И., Стернин И.А., Антология концептов [Текст] / В.И. Карасик, И.А. Стернин. – Волгоград: Парадигма 2006. – 381 с.
62. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
63. Карасик, В.И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) [Текст] / В.И. Карасик // Концепты. Научные труды Центрконцепта. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1997. – Вып.2. – С. 154-171.
64. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля [Текст] / Ю.Н. Караулов // Филологические науки. – М., 1972. – №1. – С. 57-68.
65. Калонтаров, Я.И. Мудрость трех народов [Текст] / Я.И. Калонтаров. – Душанбе, 1989. – 427 с.
66. Колосов, С.А. Концепт как объект исследования в лингвистике [Текст] / С.А. Колосов // Языковые подсистемы: Сб. науч. труд. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 28-33.
67. Колесов, В.В. Язык и ментальность. [Текст] / В.В. Колесов. – Спб.: «Петербургское востоковедение», 2004. – 240 с.
68. Корнакова Е.С. Системное изучение лексики методом семантического поля [Текст] / Е.С. Корнакова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М., 2015. – Вып. №4. – С. 170-175.
69. Комиссаров, В.Н. Лингвистика перевода [Текст] / В.Н. Комисаров. – М.: Международные отношения, 1980. – 167с.
70. Кошевая, И.Г. К проблеме знака и значения в языке [Текст] / И.Г. Кошевая. – М.: МГПИ, 1976. – 142с.
71. Красавский, Н.А. Эмоциональный концепт [Текст] / Н.А. Красавский // Язык в пространстве и времени: Тезисы и материалы международной

научной конференции 29-30 октября 2002 года. – Самара: Изд-во Сам. ГПУ, 2002. – Ч. I.1. – С. 353-354.

72. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М., 1999. – №5. – С. 127-130.

73. Комлев А.П. Справочник молодого фрезировщика [Текст]: / писатель, поэт, прозаик, переводчик, педагог и историк культуры. / Комлев А.П. – Минск, 1981 г. – 37с.

74. Косвои М.М. Лексико-семантическое поле "Еда/خوراک" в персидском и русском языках [Текст]: дис. кандидат наук: дисс. канд. филол. наук. / М.М. Косвои. – Душанбе, 2014. – 173 с.

75. Кулишова Н.Д. Человек переводящий [Текст]: / Н.Д. Кулишкова // Проблемы прикладной лингвистики: Сб. статей Международной научно-практической конференции. – Пенза: АНОО «Приволжский Дом знаний», 2006. – С. 134-136.

76. Кузнецова Л.Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и тендерный аспекты: [Текст]: / Автореф. дис...канд. филол./ наук. Кузнецова Л.Э. – Волгоград, 2005. – 22с.

77. Лавкова И.В. Лексико-семантическое поле "оказание материальной или вещественной помощи" // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – Волж, 2013. – № 3 (13). – С. 30-36.

78. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачев // Известия РАН Серия литературы и языка. – М., 1993. – №1. – 96 с.

79. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В.П. Непро-зака. – М.: Academia, 1997. – С. 28-37

80. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачев // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – М., 1993. – Т.52. – №1. – С. 3-9.

81. Лукьянова Н. А. Термины и понятия лексикологии в схемах, таблицах, пояснениях и образцах анализа. Учебное пособие [Текст] / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2011. – 136 с.

82. Магидсон, С.М. «Любовь стихи животворит [Текст] / С.М. Магидсон // Песнь любви. Лирика русских поэтов XIX и XX веков. – М.: Изд-во «Правда», 1988. – С. 3-20.

83. Макарова, F.A. Концепт «любовь» в языках разных типов [Текст] / F.A. Макарова. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2001. – 210 с.

84. Маслова В. А. М Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений [Текст] / В.А. Маслова. – М., – 2001; – 294 с.

85. Мамедова, М.Дж. Концепт «ум» в таджикской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок) [Текст]: дисс. … канд. фил. наук. / А.Дж. Мамедова. – Душанбе, 2015. – 245 с.

86. Махмади, А. Гулистон [Матн] / А. Махмади. – Душанбе, 1960. – № 3. – С. 114-128.

87. Мирзоев, Х. Х. Лексико-семантическое поле horse/асп в английском и таджикском языках [Текст]: дисс. канд. фило. наук. / Х.Х. Мирзоев. – Душанбе, 2013. – 158 с.

88. Маҳмудзода, М.А. Муқоисаи консепти «дил» дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ (дар асоси воҳидҳои фразеологӣ) [Матн]: дисс. ... д-ра (PhD) / М.А. Маҳмудзода. – Душанбе, 2018. – 149 с.

89. Нелюбин Л.Л. Очерки по введению в языкознание [Текст] / Л.Л. Нелюбин. – М.: Изд-во МГОУ, 2005. – 215 с.

90. Осори Рӯдакӣ [Матн]. – Душанбе: Нашр. Дав. Тоҷ., 1958. – 138 с.

91. Патрикеев, А.Ю. Структура образа как критерий выбора замены при поэтическом переводе [Текст] / А.Ю. Патрикеев // Сб. науч. тр. МГИИЯ. М.: МГИИЯ им. – М.: Тореза, 1989. – Вып.331. Семантика перевода. – С. 28-37.

92. Павилёнис Р. И. Проблема смысла Соврем. логико-филос. анализ яз. [Текст] / Р. И. Павилёнис. – М., 1983. – 386 с.

93. Павлова А.В. Методы выделения и исследования лексико-семантических полей [Текст] / А.В. Павлова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 2 (9): в 3-х ч. – Ч. I. – С. 159-160.

94. Пищальникова, В.А. Языковая игра как лингвосинергетическое явление [Текст] / В.А. Пищальникова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. Вып. II / Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2000. – 190 с.

95. Плиева, Е.Б. Сравнительно-типологическая и сопоставительная сущность языка перевода (на материале осетинского эпоса «Нарты» иего переводов на русский и французский языки) [Текст]: автореф. дис…канд. филол. наук / Е.Б. Плиева. – М., 2006. – 22 с.

96. Петрова, Е.А. История семьи как межпоколенный ресурс совладеющего поведения и средства его получения [Текст] / Е.А. Петрова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – М., 2008. – Т. 14. – № 2. – С. 201-209.

97. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191с.

98. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З.Д.Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 30 с.

99. Пушкин, А.С. Избранная лирика / A.S. Pushkin Selected lyrics [Текст] / А.С. Пушкин. – М.: РИФ «Рой», 1998. – С. 73-79.

100. Пушкин А.С. Собрание сочинений: [Текст] / А.С. Пушкин.: В 8 т. М.: Издательство «Художественная литература», 1967. – Т.3. – 455 с.

101. Рахмонова, Н. Б. Отражение концепта «Свадьба» в таджикском и памирском языках (на материале прецедентных текстов) [Текст]: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. фил. наук / Н.Б. Рахмонова. – Душанбе, 2019. – 26 с.

102. Родунённи. Персидско-таджикская поэзия [Текст] / Родунённи. Указ. соч., – С. 86 – 87.

103. Саалиби. Ятимат уд-дахр [Текст] / Саалиби. – Каир, 1947. – 154 с.

104. Саади Ширази. Из Бустана. «О любви, любовном опьянении и безумстве». Перевод В. Державина [Текст] / С. Ширази. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 277 с.

105. Сагадеев, А.В. Эстетические взгляды арабов средневековья [Текст] / А.В. Сагадеев // Очерки истории эстетических учений. – М., 1963. – С. 50-56.

106. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Текст] / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.

107. Соловьёв, В.В. Смысл любви [Текст] / В.В. Соловьёв // Избранное. – М.: Советская Россия, 1990. – 493 с.

108. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта [Текст] / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2001. – С. 58-65.

109. Стернин, И.А., Быкова Г. В. Концепты и лакуны [Текст] / И.А. Стернин, Г.В. Быкова // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М.: ИЯ РАН, 1998. – С. 55-67.

110. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации [Текст] / Ю.С. Степанов. – М., 2007. – 405 с.

111. Стернберга, Р. Трёхкомпонентная теория любви [Текст] / Р. Стернберга. – М., 1986. – С. 150-174

112. Тананина, А. В. От любви до ненависти (опыт концептуального анализа) [Текст] / А. В. Тананина // Язык. Сознание. Коммуникация: науч. сб. – Вып. 24. – М., 2003. – С. 54-60.

113. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Текст] / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 125 с.

114. Тихонова, Н. А. Концепт в системе современных лингвистических представлений [Текст] / Н.А. Тихонова // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции. – М.: Наука, 1998. – Т.1. – С. 67-69.

115. Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н.И. Толстой. – М.: Издательство: Индрик, 1995. – 509 с.

116. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии [Текст] / Г.В. Токарев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 233 с.

117. Топорова, В.М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка [Текст] / В.М. Топорова. – Воронеж: Истоки, 1999. – 175 с

118. Турсунзода, М. Дорогая моя [Текст] / М. Турсунзода. – Душанбе: Нашр. Давлати Тоҷикистон, 1960. – 26 с.

119. Фазылова, Ш. К. Концепт «богатство» в русском, таджикском и английском линвокультурах [Текст]: дисс. канд. филол. наук / Ш.К. Фазылово. – Душанбе, 2007. – 211 с.

120. Фирдавсӣ, А. Шоҳнома [Матн] / А. Фирдавсӣ. – Душанбе: Нашр. Давлати Тоҷикистон, 1996. – 754 с.

121. Фоминых, Н.В. Концепт, концептор и художественный текст [Текст] / Н.В. Фоминых // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2001. – С. 176-179.

122. Фрейд, З. О любви и сексуальности [Текст] / З.О. Фрейд. – М.: Академический проект, 2011. – 256 с.

123. Фромм, Э. Искусство любить [Текст] / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2016. – С. 45-92

124. Фрумкина, Р.М. Концепт, категория, прототип [Текст] / Р.М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 28-43.

125. Фрумкина, Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? [Текст] / Р.М. Фрумкина // Язык и наука конца XX века. – М.: ИЯЗ РАН- РГГУ, 1995. – С. 74-117.

126. Хайям, О. Рубаи [Текст] / О. Хайям. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 136 с.

127. Хашимов, Р.И. Семантическое поле слов и его элементы [Текст] / Р.И. Хашимов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 4 (46): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 209-213.

128. Черемисина, Н.В. Языковая картина мира [Текст] / Н.В. Черемисина. – М.: Высшая школа, 2001. – 110 с.

129. Чернейко, Л.О. Языковое знание» и концептуальный анализ слова [Текст] / Л.О. Чернейко // Научные доклады филологического факультета МГУ. – М., 1998. – С. 26−50.

130. Шафиков, С.Г. Категории и концепты в лингвистике [Текст] / С.Г. Шафиков // Вопросы языкознания. – М., 2007. – №2. – С. 3-17.

131. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики [Текст] / Д.Н. Шмелев – М.: Наука, 1973. – 278 с.

132. Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике [Текст] / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 256 с.

133. Эгамназаров Х.Х. О понятии лексико-семантического поля в лингвистике [Текст] / Эгамназаров Х.Х. // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – Худжанд, 2018. – № 1 (54). – С. 185-189.

134. Якобсон, Р.О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание [Текст] / Р.О. Якобсон // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностр. литры, 1963. – Вып.3. – С. 193-230.

II. Словари-источники:

135. Аникин, В.Н. Искусство слова в пословицах и поговорках [Текст] / В.Н. Аникин // Словарь русских пословиц и поговорок. – 9-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз., 2002. – С. 6-8

136. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: «Современная энциклопедия», 1969. – 688 с.

137. Бондарко А.В. Функционально-семантическое поле // Языкознание: Большой энциклопедический словарь [Текст] / А.В. Бондарко. Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 566-567.

138. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.

139. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. [Текст] / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1978. – Т. 2. И-О. 1979. – 779 с.

140. Даль, В.И. книга «1000 русских пословиц и поговорок» [Текст] / В.И. Даль. – Рипол-Классик, 2017. – 456 с.

141. Даль, В.И. «Сборник в 2 томах Пословицы и поговорки русского народа» [Текст] / В.И. Даль. – М., 1989. – 433 с.

142. Дмитриева, Д.В. Толковый словарь русского языка: Ок. 7000 словарь. ст.: Свыше 35 000 значений: Более 70 000 иллюстрат. Примеров [Текст] / Д.В, Дмитриева. – М.: 000 «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 1582 с.

143. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка [Текст] Т.Ф. Ефремова. – М.: Астрель, 2006. ISBN: 5-17-013734-6.

144. Зорин, В.И. Евразийская мудрость от А до Я: философский толковый словарь [Текст] / В.И. Зорин. – Алматы: Создік-Словарь, 2002. – 407 с.

145. Зорин, В.И., Евразийская мудрость от А до Я. Толковый Евразийская мудрость от А до Я. Толковый словарь. Статьи на букву "К" словарь [Текст] / В.И. Зорин. – М., 2002. – С. 202-208

146. Кравченко, А.И. Культурология: Словарь [Текст] / А.И. Кравченко. – М.: Академический проект, 2000. – 671 с.

147. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник [Текст] / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1976. – 720 с.

148. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. 3. Демьянков, Л.Г. Лузина, Ю.Г. Панкрац. – М.: Издательство МГУ, 1996. – 90 с.

149. Маковский, М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка [Текст] / М.М. Маковский. – М.: Диалог, 1999. – 416 с.

150. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. 6-е изд., стереотип. [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 900 с.

151. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов // Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова 4-е изд., дополненное. – М. Азбуковник, 1997. – 994 с.

152. Павел, С. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII-XIX столетий [Текст] / С. Павел. – Санкт-Петербург, 1899. – С. 216

153. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2004. – С.42-67.

154. Ушаков, Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка [Текст] / Д.Н. Ушаков. В 4 т. Т. 2. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. – М., 1938. – С. 123.

155. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка в IV томах [Текст] / М. Фасмер. – СПб.: Терра Азбука, 1996. – 2938 с.

156. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX). Ҷилди 1. [Матн]. – М., 1969. – 952 с.

157. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX). Ҷилди 2. [Матн]. – М., 1969. – 952 с.

158. Ярцева, В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. [Текст] / В.Н. Ярцева. – М., 2003. – 685 с.

159. Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language [Text] / G. Fauconnier. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 190 p.

160. Geiger, R.A., Rudzka-Ostyn B. Conceptualizations and Mental Processing in Language (Cognitive Linguistic Research) [Text] / R.A. Geiger. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1993. – 825 p.

161. Gentner, D. & Goldin-Meadow S. Language in Mind: Advances in the Study of Language and Thought [Text] / D. Gentner. – Cambridge, MA: MIT Press, 2003. – 538 p.

162. Comrie, B. Language universale and linguistic typology: Syntax and morphology [Text] / B. Comrie. Chicago: University of Chicago Press, 1981. – 252 p.

163. Damasio, A. Concepts in the brain // Mind and Language [Text] / A. Damasio. – Oxford: Blackwell Publishing, 1989. – Vol.4. №1-2. – P. 24-28.

III. Интернет-источники:

164. Гуманизм в классической мусульманской мысли // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gumanizm-v-klassicheskoy-musulmanskoy-mysli (дата обращения: 1.02.2025).

165. Ибн Сина. Трактат о любви URL: https://www.minbar.su/jour/article/view/404 (дата обращения: 1.02.2025).

166. Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru)https://ruscorpora.ru/page/corpora-quote (дата обращения: с 10.01.2025 по 12.02.2025).

167. Национальный корпус таджикского языка, [tajikcorpus.org]. http://tajik-corpus.org/

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

I. Список публикаций автора в рецензируемых журналах ВАК при Президенте Республики Таджикистан:

[1-А]. Нигораи, С. Концепт «верность» и «любовь» в русском и таджикском языках в сравнительно-типологическом аспекте» [Текст] / С. Нигораи // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2019. – №5 (82). – С. 43-46.

[2-А]. Нигораи, С. Значение и концепт. Различные подходы к изучению концепта» [Текст] / С. Нигораи // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2022. – №6-1 (101). – С. 155-158.

[3-А]. Нозимов, А.А., **Нигораи, С.** Понятие «концепт» и его мыслительно-абстрактное значение [Текст] / А.А. Нозимов, С. Нигораи // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2024. – №4. – С. 93-98.

[4-А]. Нигораи, С. Газель-концепт любви в таджикско - персидском мировоззрении [Текст] / С. Нигораи // Вестник университета языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – Душанбе, 2024. – №3 (55). – С. 168-174.

II. Публикация авторских статей в других научных изданиях и конференциях:

[5-А]. Нигораи, С. Формы перевода концепта «верность» и «любовь» в разных языках [Текст] / С. Нигораи // Материалы республиканской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии методики преподавания русского языка», посвященной 90-летию образования ТГПУ имени С. Айни и 50-летию образования общеуниверситетской кафедры иностранных языков. – Душанбе, 2021. – С. 279-281.

[6-А]. Нигораи, С. Формирование и совершенствование концепция «верность» и «любовь» в русском языке [Текст] / С. Нигораи // Сборник международной научно-практической конференции «Современные

тенденции языкового образования в РТ: опыт, проблемы, перспективы», посвященной 90-летию ТГПУ имени С. Айни и реализации «Государственной Программы совершенствования преподавания русского и английского языков в Республике Таджикистан». – Душанбе, 2022. – С. 330-333.

[7-А]. Нигораи, С. Особенности развития концепций «верность» и «любовь» на современном этапе [Текст] / С. Нигораи // Сборник республиканской научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения», посвященной 30-летию XVI Сессии Верховного Совета Республики Таджикистан. – Душанбе, 2022. – С. 97-101.

[8-А]. Нигораи, С. Феномен изучения концепта «верность» и «любовь» в современном русском языке [Текст] / С. Нигораи // Сборник республиканской научно-практической конференции «Пути и способы изучения русского и английского языков в учреждениях начального, среднего и высшего профессионального образования». – Душанбе, 2022. – С. 273-276.

[9-А]. Нигораи, С. Перспективы изучения концепта «верность» и «любовь в современном русском языке [Текст] / С. Нигораи // Сборник республиканской научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и сравнительно-типологического анализа. – Душанбе, 2023. – С. 321-323.

[10-А]. Нозимов, А.А., **Нигораи, С.** Концепт как основная единица описания языка [Текст] / А.А. Нозимов, С. Нигораи // Материалы международной научно-практической конференции «Обучение и совершенствование иностранных языков (20-го апреля 2024). – Душанбе, 2024. – С. 209-215.

[11-А]. Нигораи, С. Развитие когнитивной лингвистики-концепт как основная единица описания языка [Текст] / С. Нигораи // Материалы международной научно-практической конференции «Компетентностный

подход к преподаванию языка в многоязычной и поликультурной среде». – Душанбе, 2024. – С. 133-139.

[12-А]. Нигораи, С. Язык как объективная система мнений в двух языковых сферах, русской и таджикской [Текст] / С. Нигораи // Материалы международной научно-практической конференции «Становление и развитие современного русского языкознания в условиях глобализации: достижения, проблемы и перспективы» (29-октября 2024 г. (часть 2). – Душанбе, 2024. – С. 409-413.

[13-А]. Нигораи, С. Понятие «концепт» и его мыслительно-абстрактное значение в таджикском и русском языках [Текст] / С. Нигораи // Материалы международной научно-практической конференции «Роль и ответственность учителя в период Независимости» – (12 декабря 2024 г. (часть 2) – Душанбе, 2025. – С. 237-241.

[14-А]. Нигораи, С. Концепт-соединительное звено между языком и культурой [Текст] / С. Нигораи // Сборник материалов республиканской научно-практической конференции «Мировые тенденции в области литературных связей-новое восприятие художественного текста», приуроченный «Государственной программе совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в РТ на период до 2030 года (31-января 2025 г). – Душанбе, 2025. – С. 162-165.

[15-А]. Нигораи, С. Теоретические основы в становлении когнитивной лингвистики как самостоятельной научной дисциплины [Текст] / С. Нигораи // Материалы международной научно-практической конференции – «Русский язык и литература в странах Центральной Азии» (10-12 ноября 2025 года). – Душанбе, 2025. – С. 164-170.